

Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

2023 Том 10 № 4
DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-4

Научный журнал
Издается с 2014 г.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС 77-61271 от 03.04.2015 г.

Учредитель: Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования «Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы»

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Иванов В.Г.,

доктор политических наук, доцент кафедры государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры государственного и муниципального управления ГУУ, Москва, Российская Федерация

E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

ЗАМЕСТИТЕЛЬ

ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Белоконов С.Ю.,

кандидат политических наук, научный руководитель факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет при Правительстве РФ, Москва, Российская Федерация

E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

Накисбаев Д.В.,

кандидат политических наук, доцент и заведующий кафедрой государственного и муниципального управления, Российский университет дружбы народов, Москва, Российская Федерация

E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

ЧЛЕНЫ РЕДКОЛЛЕГИИ

Барабашев А.Г. — доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой государственной службы, декан факультета государственного и муниципального управления НИУ «Высшая школа экономики», г. Москва, Россия
Велиева Д.С. — доктор юридических наук, профессор Поволжского института управления РАНХиГС, г. Саратов, Россия

Вертинский И. — доктор философии, профессор, директор Центра международных исследований корпоративного и общественного управления, Университет Британской Колумбии, г. Ванкувер, Канада

Войташич К.А. — доктор политических наук, профессор и заведующий кафедрой права и европейских институтов факультета политических наук и международных исследований Варшавского университета, г. Варшава, Польша

Вольфманн Х. — PhD, профессор публичного администрирования и общественной политики Берлинского университета имени Гумбольдта, г. Берлин, Германия

Ворончук И. — доктор экономических наук, профессор, глава департамента публичного администрирования факультета экономики и менеджмента Латвийского университета, г. Рига, Латвия

Кочегура А.П. — доктор философии (PhD), член Европейской Ассоциации специалистов в области государственного управления (EGPA), г. Москва, Россия

Марголин А.М. — доктор экономических наук, профессор, заслуженный экономист Российской Федерации, проректор РАНХиГС, г. Москва, Россия

Масленникова Е.В. — кандидат социологических наук, руководитель отдела аналитических исследований Дирекции научно-технических программ, ведущий научный сотрудник Центра технологий государственного управления РАНХиГС, г. Москва, Россия

Прокофьев С.Е. — доктор экономических наук, профессор, ректор Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, г. Москва, Россия

Ропрет М. — PhD, профессор кафедры государственного управления Университета Любляны, г. Любляна, Словения

Стриелковский В. — PhD, профессор. Управляющий директор Пражского института повышения квалификации, г. Прага, Чехия, почетный профессор Уральского государственного экономического университета, г. Екатеринбург, Россия

Хоппе Р. — PhD, почетный профессор Школы менеджмента и государственного управления Университета Твенте, сотрудник Института науки о государственном управлении, сотрудник Нидерландского института управления, г. Энсхеде, Нидерланды

Чуев С.Е. — кандидат исторических наук, заведующий кафедрой государственного и муниципального управления и советник Ректора Государственного университета управления, г. Москва, Россия

Шедлер К. — PhD, профессор, директор Института менеджмента и государственного управления, Университет Санкт-Галлена, г. Санкт-Галлен, Швейцария

Шульц Д. — PhD, профессор кафедры политических наук Университета Хэмлин, г. Сент-Пол, США

**Вестник Российского университета дружбы народов.
Серия: ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ**

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Периодичность: 4 выпуска в год (ежеквартально).

Языки: русский, английский.

Входит в перечень рецензируемых научных изданий ВАК РФ по специальностям 5.2.1, 5.5.2, 5.5.3, 5.5.4 с 01.02.2022.

Материалы журнала размещаются на платформе РИНЦ Научной электронной библиотеки, Electronic Journals Library Cyberleninka, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Dimensions, East View, DOAJ.

Цели и тематика

Научный журнал «Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление» – рецензируемое научное периодическое издание, учрежденное в конце 2013 года.

Цель издания: содействие развитию науки о государственном управлении и местном самоуправлении, ее популяризации в Российской Федерации, а также создание площадки для обсуждения междисциплинарной и практико-ориентированной проблематики государственного и муниципального управления.

На страницах журнала авторам статей, ученым и практикам, представляется возможность обсуждения основных идей и проблем государственного и муниципального управления, публикация результатов анализа актуальных вопросов государственного управления в России, теоретического осмысления тенденций и перспектив развития местного самоуправления, обобщения зарубежной практики и опыта публичного администрирования и менеджмента, освещения современных тенденций развития высшего профессионального образования в области государственного и муниципального управления и т.д.

Основные рубрики журнала: государственное управление; теория и практика, зарубежный опыт управления, становление и развитие местного самоуправления в России, культура управленческой деятельности, антология государственного управления и другие.

Читательская аудитория журнала: ученые и исследователи, практики государственного и муниципального управления, а также широкий круг читателей, интересующийся проблемами государственного и муниципального управления в Российской Федерации и других странах мира.

В редакционную коллегию журнала входят ведущие ученые и эксперты международного и национального уровня в сфере государственного и муниципального управления.

Редакционная коллегия журнала приглашает к сотрудничеству ученых, научных работников, аспирантов, работающих в сфере государственного и муниципального управления.

Правила оформления статей, архив и дополнительная информация размещены на сайте: <http://journals.rudn.ru/public-administration>

Электронный адрес: pubadmj@rudn.ru

**Литературный редактор К.В. Зенкин
Редактор англоязычных текстов В.Г. Иванов
Компьютерная верстка: И.А. Чернова**

Адрес редакции:

Российский университет дружбы народов им. Патриса Лумумбы
Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3
Тел.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Адрес редакционной коллегии журнала:

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 10, корп. 2
Тел.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Подписано в печать 25.11.2023. Выход в свет 10.12.2023. Формат 70×100/16.

Бумага офсетная. Печать офсетная. Гарнитура «Times New Roman».

Усл. печ. л. 9,1. Тираж 500 экз. Заказ № 1621. Цена свободная

Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования

«Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы» (РУДН)

Российская Федерация, 117198, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

Отпечатано в типографии ИПК РУДН

Российская Федерация, 115419, Москва, ул. Орджоникидзе, д. 3

Тел.: +7 (495) 952-04-41; publishing@rudn.ru

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION

2023 Volume 10 Issue 4

DOI 10.22363/2312-8313-2023-10-4

Scientific journal

Founded in 2014

Founder: Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba

EDITOR-IN-CHIEF

Vladimir G. Ivanov,
Doctor of Political Sciences,
Associate Professor of the
Department of State and
Municipal Management, RUDN
University; Full Professor of The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: ivanov_vg@rudn.ru

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

Sergey Y. Belokonev,
PhD in Political Science,
Scientific Supervisor of the
Faculty of Social Sciences
and Mass Communications,
Financial University under the
Government of the Russian
Federation; Associate Professor
of the Department of State and
Municipal Administration, The
State University of Management,
Moscow, Russian Federation
E-mail: SYUBelokonev@fa.ru

EXECUTIVE SECRETARY

Dmitriy V. Nakisbaev,
PhD in Political Science, Head
of the Department of Public
Administration, RUDN University,
Moscow, Russian Federation
E-mail: nakisbaev_dv@rudn.ru

EDITORIAL BOARD

Sergey V. Chuev — PhD in History, Head of the Department of State and Municipal Administration, The State University of Management, Moscow, Russian Federation

Elena V. Maslennikova — PhD in Sociology, Head of Analytical Research Department; Leading Researcher of the Center of State Management Technologies, Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Aleksey G. Barabashev — Doctor of Economics, Professor and Head of the Civil Service Department, Dean of the Public Administration Department, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russian Federation

Dzhamilya S. Velieva — Doctor of Law, Professor and Head of the Department of Constitutional and International Law, Povolzhsky Institute of Management RANEPa, Saratov, Russian Federation

Ilan Vertinsky — PhD, Professor and Director of Center for International Studies, Corporate and Public Administration, University of British Columbia, Vancouver, Canada

Hellmut Wollmann — Doctor of Law, Professor of Public Administration and Public Policy Department, Berlin Humboldt University, Berlin, Germany

Konstanty A. Wojtaszczyk — Doctor of Political Sciences, Professor and Head of the Department of European Law and Institutions, Faculty of Political Sciences and International Studies University of Warsaw, Warsaw, Poland

Inesa Voronchuk — Doctor of Economics, Professor and Head of Public Administration Department of Economics and Management Faculty, Latvian University, Riga, Latvia

Aleksandr P. Kochegura — PhD in Philosophy, European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), European Association of Professionals in Public Administration (EGPA), Moscow, Russian Federation

Andrey M. Margolin — Doctor of Economics, Full Professor, Honored Economist of Russia, Pro-Rector of The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Stanislav E. Prokof'ev — Doctor of Economics, Rector of Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow, Russian Federation

Marko Ropret — PhD, Professor of the Department of Public Administration, University of Ljubljana, Ljubljana, Slovenia

Wadim Strielkowski — PhD, Professor, Managing Director of Prague Institute for Qualification Enhancement, Prague, Czech Republic; Emeritus professor of Ural State University of Economics, Ekaterinburg, Russian Federation

Robert Hoppe — PhD, Honorary Professor, University of Twente, Enschede, Netherlands

Kuno Schedler — PhD, Professor and Director of the Institute of Management and Public Administration, University of St. Gallen, St. Gallen, Switzerland

David Schultz — PhD, Professor of The Political Science Department, Education University of Hamlin, Saint Paul, United States

RUDN JOURNAL OF PUBLIC ADMINISTRATION
Published by Peoples' Friendship University of Russia
named after Patrice Lumumba
(RUDN University), Moscow, Russia

ISSN 2312-8313 (Print), ISSN 2411-1228 (Online)

Publication frequency: quarterly

Languages: Russian, English.

Indexed in Russian Index of Science Citation, Google Scholar, Ulrich's Periodicals Directory, WorldCat, Cyberleninka, Dimensions, East View, DOAJ.

Aim and Scope

“RUDN Journal of Public Administration” is a specialized peer-reviewed scientific journal established in 2013, and a quarterly publication. The Editorial Board of the journal includes renowned researchers from Russia, Canada, Germany, Poland, Latvia, Slovenia, Czech Republic, Netherlands, Switzerland and the USA.

The mission of the journal is boosting research efficiency in the field of public administration on theoretical and applied levels, as well as creation of an international platform to discuss interdisciplinary and practice-oriented perspectives and best practices of public administration.

The journal encourages the authors to discuss current concepts, ideas and problems of public administration, analyze contemporary issues of public administration, the trends and prospects of local government development, evaluate and conceptualize international practices and experience of public administration and management.

The main journal sections are: “Current Problems of Public Administration”, “Theory and Practice of Public Administration”, “International Experience of Public Administration”, “Formation and Development of Local Government”, “Academic Life” and others.

The journal is designed for publishing the results of independent and original research works by researchers, officials in the sphere of public administration, professors of Universities and other scientific centers in the form of articles, review materials, scientific reports, and bibliographical reviews on certain subjects and within selected scientific areas.

The target international audience of the journal are researchers, practitioners and postgraduate students who are interested in problems and perspectives of public administration. The Journal can be useful for decision-making experts, information and analytical departments of governments, political and public organizations and commercial institutions.

The journal editorial board includes leading scientists and experts on international and national levels. Further information regarding notes for contributors, editorial policies, subscription and archive is available at <http://journals.rudn.ru/public-administration>

E-mail: pubadmj@rudn.ru

Review Editor K.V. Zenkin
English Text Editor V.G. Ivanov
Layout Designer I.A. Chernova
Address of the editorial board:

Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba (RUDN University)
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 955-07-16; e-mail: publishing@rudn.ru

Address of the editorial board of RUDN Journal of Public Administration:
10 Miklukho-Maklaya St., bldg. 2, Moscow, 117198, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 434-21-12; e-mail: pubadmj@rudn.ru

Printing run 500 copies. Open price
Federal State Autonomous Educational Institution of Higher Education
“Peoples' Friendship University of Russia named after Patrice Lumumba” (RUDN University)
6 Miklukho-Maklaya St., Moscow, 117198, Russian Federation
Printed at RUDN Publishing House:
3 Ordzhonikidze St., Moscow, 115419, Russian Federation
Ph.: +7 (495) 952-04-41; e-mail: publishing@rudn.ru

СОДЕРЖАНИЕ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

Ма Фэншу, Го Фэнли К переосмыслению национальной политики СССР	487
Шор И.М. Государственно-частное партнерство в коммунально-энергетической сфере: достигнутые результаты, проблемы и вызовы	503
Земсков П.А. Развитие государственно-частного партнерства в России с 2015 года по 2023 год	512
Акуленко И.В. Увековечение воинского подвига в СССР	524

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Громько Д.А. Использование современных технологий для повышение уровня доверия в обществе	532
Невмержицкий А.Ю., Белоконев С.Ю. Изучение политических ценностей в цифровом пространстве: обзор российских и зарубежных исследований	543
Мухитдинов Р.Д. Государственная инновационная политика в условиях структурной перестройки экономики	552

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

Изотов В.С., Кардаш Н.В. Георгиос Василиу и императивы внешней политики Кипра. К вопросу о роли индивида в международных отношениях	567
Vamigboye T., Abdulazeez A.O. An Investigation into the Retention of Talent in the Nigeria Banking Sector (Бамигбойе Т., Абдулазиз А.О. Исследование проблемы удержания талантов в банковском секторе Нигерии)	583

CONTENTS

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

Ma Fenshu, Guo Fengli. Rethinking the National Policy of the USSR.....	487
Shor I.M. Public-private Partnership in the Utility and Energy Sector: Achieved Results, Problems and Challenges.....	503
Zemskov P.A. Development of Public-private Partnerships in Russia from 2015 to 2023.....	512
Akulenko I.V. Perpetuation of a Military Feat in the USSR.....	524

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

Gromyko D.A. The Use of Modern Technologies to Increase the Level of Trust in Society.....	532
Nevmerzhitsky A.Yu., Belokonev S.Yu. Studying the Political Values in the Digital: The Review of Russian and Foreign Cases.....	543
Mukhitdinov R.J. State Innovation Policy in the Conditions of Structural Reorganization of the Economy.....	552

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

Izotov V.S., Kardash N.V. Georgios Vasiliou and the Imperatives of Cyprus's Foreign Policy: Examining the Role of the Individual in International Relations.....	567
Bamigboye T., Abdulazeez A.O. An Investigation into the Retention of Talent in the Nigeria Banking Sector.....	583

ГОСУДАРСТВЕННОЕ УПРАВЛЕНИЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

PUBLIC ADMINISTRATION: THEORY AND PRACTICE

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-487-502

EDN: OVBISB

Научная статья / Research article

К переосмыслению национальной политики СССР

Ма Фэншу ✉, Го Фэнли

Шаньдунский университет,
266237, Китайская Народная Республика, провинция Шаньдун,
Циндао, проспект Биньхай, д. 72

✉ fshma@sdu.edu.cn

Аннотация. В XX-м веке Советский Союз прошёл сложный процесс революции, подъёма, кризиса, реформ и распада, на который сильно действует его национальная политика. Несмотря на удачный опыт управления страной со стороны СССР, национальные проблемы, в частности этнические противоречия, сопровождают всю историю Советского Союза и стали одним из важнейших факторов его распада, что демонстрирует серьёзные недостатки в национальной политике СССР. Все это обуславливает, что переосмысление национальной политики союзного государства с целью извлечения уроков в ней имеет актуальное значение как для современной России, так и для других многонациональных государств.

Ключевые слова: Советский Союз, этническая теория, национальная политика, структура государственной власти, опыт и уроки

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.09.2023. Принята к публикации: 30.10.2023.

Для цитирования:

Ма Фэншу, Го Фэнли К переосмыслению национальной политики СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 487–502. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-487-502>

Rethinking the National Policy of the USSR

Ma Fenshu ✉, Guo Fengli

Shandong University,

72 Binhai Avenue, Qingdao, Shandong Province, People's Republic of China, 266237

✉ fshma@sdu.edu.cn

Abstract. In the twentieth century, the Soviet Union went through a complex process of revolution, rise, crisis, reform and disintegration, which is strongly influenced by its national policy. Despite successful governance experience of the USSR, national problems, in particular ethnic contradictions, accompany the entire history of the Soviet Union and have become one of the most important factors in its collapse, which demonstrates serious shortcomings in the national policy of the USSR. All this means that rethinking the national policy of the Union state in order to learn lessons is of urgent importance both for modern Russia and for other multinational states.

Keywords: Soviet Union, ethnic theory, national policy, structure of state power, experience and lessons

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.09.2023. The article was accepted on 30.10.2023.

For citation:

Ma Fenshu, Guo Fengli Rethinking the National Policy of the USSR. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):487–502. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-487-502>

Национальный вопрос является одним из щекотливых вопросов для многонациональных государств, вместе с тем национальная политика — одним из самых стратегических и чувствительных направлений, которые напрямую влияют на политическую стабильность и национальную безопасность страны. С мировой точки зрения, XX-й век является периодом с наиболее заметными национальными проблемами и активнейшими националистическими движениями. Для решения сложных национальных проблем СССР разработал и осуществил ряд самобытных национальных политик. С одной стороны, эти политики выполняли определённую функцию гарантировать единство союзной страны и обеспечить процветание мировой сверхдержавы. С другой стороны, из-за глубоких внутренних противоречий и очевидной уязвимости самих этих политик вкуче с крупными ошибками в процессе их реализации национальные проблемы в Советском Союзе так и не были решены в должном порядке. Из-за стимулирующего воздействия многочисленных кризисов после 1980-х годов резко обострились национальные противоречия страны и единое союзное государство окончательно распалось. В сегодняшнем турбулентном мире в переходный период переосмысление национальной политики страны и извлечение уроков из ее реализации имеют актуальное значение как для современной России, так и для других многонациональных государств.

Противоречивость советской теории этноса

Советская национальная политика основывалась на ленинской теории национального вопроса, разработанной В.И. Лениным на основе многолетних теоретических исследований и революционной практики. Будучи руководящей идеей большевистской партии при осуществлении революции и разработке социалистической государственной системы, ленинская концепция решения национальных вопросов в основном включает в себя следующее.

Во-первых, национальный вопрос должен быть рассмотрен и решён с точки зрения содействия пролетарской революции и социалистическому делу. В национальном вопросе В.И. Ленин твёрдо придерживался принципа «интересы пролетариата и социализма превыше всего» и настаивал на том, что вся политика должна быть ориентирована на содействие пролетарской революции и делу социализма, для которого прежде всего необходимо обеспечить единство межнационального и интернационального пролетариата; к тому же необходимо противостоять любому национализму и любое национальное требование должно быть подчинено «интересам классовой борьбы пролетариата» [1; 2].

Во-вторых, этническое равенство, в основе которого лежит право нации на самоопределение, является ярким выражением демократизации страны. В.И. Ленин придавал наивысшее значение демократизации страны. По его мнению, для многонационального государства осуществление права народов на самоопределение, означающее право каждого народа самостоятельно решать вопрос о форме своего государственного существования, свободно определять свой политический статус, является ярким знаком реализации национального равенства и настоящей демократизации страны, которого надо придерживаться в качестве основного принципа не только в процессе свержения царского самодержавия, но и после захвата власти [3; 4]. Основное положение ленинской теории о «праве наций на самоопределение» заключается в основном в следующем: 1) Право нации на самоопределение «не может выйти за разумный предел, определяемый единством классовой борьбы пролетариата», то есть его суть — «право пролетариата каждой нации на самоопределение», при этом необходимо обеспечить единство пролетариата всех национальностей; 2) Поддерживать в принципе право народов России на свободное деление, означающее право каждого народа на отделение и образование самостоятельного государства; 3) Народам, не выступающим за отделение, предоставляется право на местную и региональную автономию, которая является формой реализации права народов на самоопределение в рамках единого государства [5–9] 4) Право народов на самоопределение является предпосылкой и наиболее эффективным способом «содействия демократической интеграции всех народов» и обеспечения подлинного единства страны [10].

В-третьих, федерализм и автономия утверждаются как механизм обеспечения национального единства в условиях различных национальных отношений. По форме государственного устройства В.И. Ленин выступал за централизацию вместо федерализма вплоть до Октябрьской революции [11; 12; 13],

а с учетом новых реалий после революции федерализм утверждается бывшим лидером СССР как «вернейший шаг к прочнейшему объединению русских национальностей в единое, демократическое и централизованное Советское государство» [14]. Вместе с тем народам, которые не желают осуществлять право на самоопределение, должна быть предоставлена полная национальная автономия в духе права народов на самоопределение.

В-четвертых, ни одна нация не должна иметь никаких привилегий. Выступая за национальное равенство в качестве основного принципа, ленинская теория национального вопроса отрицает национальные привилегии в любой форме. В конце 1895 года В.И. Ленин впервые открыто выдвинул идею «равенства всех национальностей» в своей статье «Проект программы социал-демократической партии» [15]. С тех пор он неоднократно подчёркивал, чтобы пролетариат отстаивал принцип национального равенства и выступал против всякого национального гнёта и национальных привилегий. По словам В.И. Ленина, «национальная программа рабочей демократии: никаких безусловных привилегий ни одной нации, ни одному языку нигде и ни при каких объяснениях» [16].

В-пятых, большая национальность должна возместить малой национальности то неравенство, которое складывается в жизни фактически. В вопросе этнического равенства, в силу различий в исторических, географических и природных условиях народы России существенно различаются по уровню экономического, политического и культурного развития и находятся в де-факто неравном положении¹. Для достижения фактического равенства между нациями Ленин В.И. утверждал, что помимо отстаивания права всех этносов на самоопределение или автономию и помощи этническим меньшинствам в ускорении их экономического и культурного развития «возмещало бы со стороны нации угнетающей, нации большей, то неравенство, которое складывается в жизни фактически... для этого нужно возместить так или иначе своим обращением или своими уступками по отношению к инородцу то недоверие, ту подозрительность, те обиды, которые в историческом прошлом нанесены ему правительством великодержавной нации» [18]. Это означает, что многонациональное государство должно позволить меньшинствам иметь некоторые «привилегии» над большей нацией в течение определенного периода времени, чтобы достичь фактического равенства.

В-шестых, основополагающим способом решения национального вопроса является достижение интеграции всех этносов на добровольной основе. Ленин неоднократно подчёркивал, что сближение и интеграция разных национальностей является основным путем решения национальных проблем и построения великой державы, при этом интеграция всех национальностей

¹ По уровню экономического, политического и культурного развития некоторые ученые делят русские этнические меньшинства на три типа: к первой категории относятся Украина, Белоруссия, Литва, Латвия, Эстония, Армения, Грузия и др.; ко второй категории относятся Казахстан, Узбекистан, Киргизия, Таджикистан, Туркменистан, Дагестан и др.; к третьей категории относятся башкиры, чеченцы, осетины, ингуши, буряты, якуты и т.д. (См.: [17]).

«должна быть реализована на основе национального равенства и свободной и добровольной основе, без никакого принуждения и насилия, при этом пролетариат должен создать условия для достижения данной цели» [19; 20; 21].

Упомянутая выше теория легла в основу государственного строительства в Советском Союзе после Октябрьской революции, и лидеры данной страны в основном формулировали национальную политику и решали национальный вопрос под руководством данной теории. Несмотря на это, теория В.И. Ленина по национальному вопросу проявляет заметные ограничения и противоречия², которые выделяются прежде всего в следующих аспектах.

Во-первых, противоречие защиты интересов пролетариата и интересов всех национальностей. Ленинская теория о национальном вопросе не только выступает за защиту национальных интересов всех наций, особенно угнетённых и малых наций, но и подчёркивает примат интересов пролетариата и социализма, а исторический опыт показал, что они не всегда совпадают и даже могут быть противоположны. Когда классовые интересы противоречат национальным интересам, последнее часто превалирует над первым, в этом плане «банкротство» II Интернационала до Первой мировой войны может служить примером. Что касается России, то в революционной борьбе за свержение царского самодержавия и буржуазного режима интересы пролетариата намного совпадают с интересами угнетённых наций в борьбе за общую независимость. Однако после захвата власти пролетариатом возникло острое противоречие между стремлением угнетённых наций к национальной независимости и интересами пролетариата в построении единого крупного государства. Теоретически классовые идентичности тесно связываются с социально-экономическим статусом, а национальные идентичности — этнической культурой. По мере изменения социально-экономического статуса первое слегка меняется соответственно, в то время как второе относительно стабильно. Поэтому, столкнувшись с выбором между классовыми интересами и национальными интересами, последние часто оказываются в выигрышном положении. Многолетнее существование национальных проблем в Советском Союзе и других социалистических странах является именно отражением этого противоречия.

Во-вторых, противоречие между правом народов на самоопределение и единством многонационального государства. Ленинская идея национального самоопределения изначально во многом основывалась на свержении царского самодержавия и буржуазного режима [23; 24], но после Октябрьской революции она создала большую проблему для сохранения единства Советского государства. Ввиду того, что ранее угнетённые нации после захвата власти пролетариатом имели сильное стремление о самостоятельности и некоторых из них провозгласили свою независимость после Октябрьской

² Как отметили современные российские ученые: «Теория национального вопроса в советский период является несвоевременной теорией, и в ее основных положениях имеются острые противоречия» [22].

революции, Российская империя фактически находилась в состоянии распада³. В то же время, чтобы сохранить авторитетность обещания правительства о национальном самоопределении, Ленин твёрдо настаивал на прицепе национального самоопределения и вскоре признал независимость вышеупомянутых наций, при этом с 1924 года «право народов на самоопределение» закрепилось в Конституции Советского Союза на протяжении всего его существования, в таком случае единство страны висело на волоске — распад страны был неизбежен, как только национализм перерос в неудержимое политическое движение.

В-третьих, противоречие между принципом равенства наций и методами для осуществления их фактического неравенства. Теоретически, всестороннее и окончательное равенство всех народов является лишь красивой иллюзией, этническое равенство может быть только относительным. Предложение Ленина о достижении фактического равенства между нациями через возмещение великими нациями малой было не только бесполезным, но и породило бы новые неравенства и отчуждения. Хотя первоначальное намерение Ленина нацелено на устранение недоверия, подозрительности и ненависти малых наций, сформировавшихся в истории, к большим нациям, чтобы тем самым укрепить сплочённость всех национальностей. Однако реализация этой политики не только не достигла постановленной цели, но и углубила разрыв между различными этносами — с одной стороны у малых этносов сформировались чувство зависимости и даже превосходства, что стимулировало их претендовать на больше права, а раз их потребность не удовлетворяется, то часто вызывает гнев; с другой стороны, великие нации искусственно подавляются и среди них неизбежно зарождается недовольство.

Последнее, противоречие между укреплением национального самосознания и реализацией национальной интеграции. Осознав историческую неизбежность национальной интеграции, В.И. Ленин подчёркивал, чтобы пролетарский режим создал необходимые условия для ускорения этого процесса. Бесспорно, что вместе с развитием экономики и культуры отсталых национальностей, постепенное ослабление национального самосознания народов и укрепление общего государственного и гражданского сознания являются необходимыми психологическими и эмоциональными условиями для реализации национальной интеграции. Однако в условиях сложных межнациональных отношений после Октябрьской революции Ленин слишком много внимания уделял вопросу о национальном самоопределении и национальном равноправии, игнорируя вопрос о том, как создать эмоционально-психологическую атмосферу для национальной интеграции, что стало одним из причин возникновения противоречия между укреплением национального самосознания и реализацией национальной интеграции в его теории.

³ После февраля 1917 года независимость провозгласили Финляндия, Польша, Украина, Белоруссия, народы Закавказья (Грузия, Армения, Азербайджан, Абхазия) и прибалтийские народы (Литва, Латвия, Эстония).

Советская национальная политика и её институциональная структура

Советская (этно) национальная политика и система создавалась непосредственно И. Сталиным под руководством национальной теории Ленина. Данная политика и система в основном придерживались принципа национального равенства в теории Ленина, в некоторых отношениях даже доводили его до крайности. За почти 70-летнюю историю Советского Союза, несмотря на коррективы в конкретных мерах по решению национального вопроса, принципиально не изменились основные положения и институциональная структура национальной политики, которые в основном отражены в следующих аспектах.

Во-первых, легализация принципов национального самоопределения и равноправия. Хотя Сталин проявил некую великорусскую националистическую тенденцию, но после получения жесткой критики со стороны Ленина он быстро исправил свои ошибки. С тех пор идея национального равенства была достаточно воплощена в политике Советского Союза и подтверждена законом. И. Сталин подчеркивал, что «СССР был добровольным союзом союзных республик с равными правами» и «право народов на самоопределение» является «основой национальной политики союза» [25]. В Конституции Советского Союза 1924 года, принятой под его руководством, четко провозглашалось, что безоговорочно признавались равные права и обязанности всех народов. В Конституции также закреплён принцип добровольного объединения народов и право союзных республик на добровольный выход из Союза, что также было четко закреплено в советских Конституциях 1936 и 1977 годов.

Во-вторых, национализация административного деления и структуры власти. Согласно ленинской идее о федерализме в Советском Союзе было создано административное деление на основе принципа федерализма и принципа самоопределения наций. Таким образом, Советский Союз провозглашался единым союзным многонациональным социалистическим государством, образованным суверенными, независимыми и равноправными союзными республиками на добровольной основе, которые, в свою очередь, имели разнообразное административно-территориальное деление в виде союзной республики, автономной республики, автономной области и автономного округа. СССР имеет международную правосубъектность и является верховным представителем союзных республик. Союзные республики имеют свои конституции и полную всю полноту государственной власти на своей территории вне пределов полномочий, переданных ими в ведение Союза ССР. Вместе с тем каждая национальность имеет свою административно-территориальную единицу. Кроме того, высший орган государственной власти Центральный исполнительный комитет СССР (были заменены с 1938 года Верховным Советом СССР) состоял из двух равноправных палат: Совета Союза и Совета Национальностей. Члены Совета Союза избирались всем населением СССР по избирательным округам с равной численностью

населения и представляли «классовые интересы всех трудящихся». Члены Совета Национальностей избирались депутатами каждой союзной республики, автономной республики, автономной области и автономного округа и отражали «сугубо национальные запросы». Таким образом, Советский Союз был фактически встроен в «многонациональное объединение», создав тем самым прецедент в истории человечества «принципа национальности как основы федеративного устройства» [26].

В-третьих, национализация государственных кадров. По мнению И.В. Сталина, принятие вышеупомянутых мер недостаточно для реального осуществления национального равенства, но также необходимо подготовить и отобрать большое количество национальных кадров с целью «постепенно национализировать не только школы, но и все органы», «то есть сделать эти органы национальными по кадровому составу», тем самым улучшить условия для удовлетворения нужд и запросов союзных республик всесторонне [27; 28]. С начала 20-х годов советское правительство открыло большое количество образовательных учреждений и научно-исследовательских институтов, направленные на подготовку кадров различных этносов, в результате чего были подготовлены сотни тысяч кадров из числа этнических меньшинств с высоким уровнем грамотности. К тому же были предприняты ряд дополнительных мер, в том числе: расширение состава членов партии из числа этнических меньшинств путём смягчения критериев вступления в партию и упрощения процедуры вступления в партию; вербовка кадров из числа этнических меньшинств в работе центрального управления и т. д. Таким образом, с конца 30-х годов 20 в. подавляющее большинство основных партийных и государственных руководителей в регионе составляли местные этнические кадры, и значительно возросла доля нерусских национальных кадров в высших партийных и государственных руководящих органах Союза [29].

В-четвертых, преференциальная система для меньшинства. Реализуя ленинскую идею о фактическом равенстве всех национальностей в Советском Союзе сформулирована прочная система преференций для малых национальностей что выражается не только в политических и образовательных преференциях, но и в аспекте экономического развития и повышения уровня жизни населения малых национальностей. Стоит отметить, что финансовые вложения советского правительства в районы проживания этнических меньшинств достигли невероятного уровня. В целях развития промышленности в районах проживания меньшинств ряд заводов, ранее принадлежавших Российской Федерации вместе с оборудованием были перенесены в отдалённые районы. Большое количество квалифицированных рабочих, инженерно-технического персонала, экспертов, учителей и врачей также было направлено в районы проживания этнических меньшинств для развития местной экономики и культуры. Кроме того, районы проживания этнических меньшинств пользуются такими преференциальными политиками, как кредитование, освобождение от прибыли, полное или частичное освобождение от налога и финансовые субсидии и т.д. Все эти меры способствовали стремительному развитию

экономики и культуры территорий национальных меньшинств. К середине 30-х годов развитие экономики в территориях национальных меньшинств стало значительно ближе к уровню развитых районов, в частности, средний уровень зарплаты некоторых регионов меньшинств даже превышает средний уровень по всему Советскому Союзу и Российской Федерации [30].

В-пятых, идентификация, формирование и расселение этнических групп. В целях реализации вышеупомянутой этнической политики после создания Советского Союза началась широкомасштабная работа по этнической идентификации и формированию на основе теории И. Сталина о национальности, согласно которому общий язык, общая территория, общность экономической жизни и общий менталитет являются четырьмя основными признаками этнических общностей [31]. На основе этого стандарта советская власть организовала масштабную работу для выявления и наименования этносов, племен, рас и народностей по всей стране, а также «сфабриковала» множество народов, в том числе создание так называемых национальных языков и национальных названий для многих этносов, еще не достигших уровня этничности [32]. В результате чего все население СССР было разделено на более чем 100 национальностей [33; 34]. В этом плане британский ученый Хобсбаум отметил, что такого феномена «создания» народов, что является сугубо «теоретическим построением советской интеллигенции, а не желаниями какого-либо из этих народов» [35]. Советское правительство развернуло и масштабную миграционную кампанию с целью переселения населения каждого этноса на «собственную территорию» [36; 37], что объективно культивировало самосознание об территории всех национальностей.

Установление и развитие национальной политики и системы Советского Союза полностью изменили историческую траекторию развития России и оказали огромное влияние на ее последующие политические и социальные процессы.

Четыре связи, поддерживающие национальное единство Советского Союза

Теоретически национальная политика и система Советского Союза поставила страну под угрозу распада. Во-первых, правовые положения о суверенитете союзных республик обеспечили правовую основу для роспуска Союза. С момента образования Советского Союза его Конституция четко закрепляет за союзными республиками право свободного выхода из Союза, что стала правовой основой для отделения союзных республик от Союза. «На самом деле, с момента создания федеративного государства, характеризующегося этнической принадлежностью, таилась опасность этнического разделения» [38; 39]; Во-вторых, национальная политика и система обеспечили условия для распада СССР. Проводимая Советским Союзом национальная политика привела к тому, что этнические группы не только владели собственной национальной властью и «территорией»,

но и возвращали большое количество «национальных интеллигенций и групп политической элиты», вооружённых современным национальным сознанием. В случае серьезных перемен этих факторов достаточно, чтобы стать мощной силой разрушить союзное государство: В-третьих, практика сознательного разделения и даже «создания» этносов в сочетании с преференциальной политикой для национальных меньшинств укрепили национальную идентичность народа и рознь между различными этническими группами, тем самым создали фундамент общественного мнения для распада Союза.

Однако объединение Советского Союза не сталкивалось с какими-либо серьезными проблемами за более чем 60 лет до прихода к власти Горбачева, что тесно связано с некоторыми характерными особенностями советской политической системы, ограничившими фактическое осуществление права на выход из Союза и право народов на самоопределение. Среди них выделяются следующие:

Во-первых, Власть при КПСС была однопартийной. Коммунистическая партия Советского Союза в свое время была не только единственной легальной политической партией, но и руководящей силой советского общества, ядром общественно-политической системы, государственных и общественных организаций СССР. Это означает, что КПСС имела бесспорное верховное руководство во всех сферах на всех уровнях административно-территориального деления. ЦК КПСС имеет абсолютную власть над назначением основных руководителей партии и правительства на всех уровнях. В соответствии с этим принципом любые претензии против воли партии (включая претензию на отделение от Советского Союза) должны были быть подавлены, а любые члены партии и кадры с сепаратистскими тенденциями могли быть подвергнуты чистке и подавлению. Это во многом гарантировало единство советского государства, но, несомненно, и наносило серьезный ущерб межнациональным отношениям.

Во-вторых, в Советском Союзе действуют высокоцентрализованная политическая и экономическая система, а также иерархическая, вертикальная судебная система. Например, в экономическом плане СССР контролирует подавляющее большинство предприятий и активов союзных республик. В сталинский период на предприятия, входившие в союзное государство, приходилось 89 % от общей стоимости промышленной продукции СССР, а на предприятия, входящие в состав союзных республик, приходилось всего 11 %. В хрущевский период эти цифры изменились соответственно на 97 % и 3 %, в брежневский период — 94 % и 6 %. Более того, республика не имеет автономии даже для строительства больниц на 200 коек или для инвестирования более 4 миллионов рублей, в то время как Союзное государство может строить новые проекты в республиках без согласования с ними [40]. Эта система давала прочную гарантию для трансформации и модернизации структуры советской экономики, обеспечения единства и стабильности страны за счет концентрации национальных усилий, но она

также похоронила конституционные принципы федерализма и национального самоопределения.

В-третьих, в Советском Союзе господствовала командно-плановая экономическая система, характерными чертами которой является непосредственное управление всеми экономическими ресурсами из единого центра — высших эшелонов государственной власти, полностью контролирующего производство и распределение продукции, что привело к упрощению экономической структуры союзных республик и зависимости хозяйственных субъектов. Такая высокая зависимость союзных республик от единого центра, сформировавшаяся в централизованной экономике стала одним из важнейших факторов для сдерживания отделения союзных республик от Советского Союза.

В-четвертых, марксизм-ленинизм занял монопольное положение в идеологической области Советского Союза. Более того, идеологическое единство было сильно институционализировано в Советском Союзе, что привело к преследованиям населения, которые придерживались немарксистских идей. В этом плане типичным примером является знаменитый инцидент т.н. «Философского парохода» в 20-х годах и подавление «диссидентов» в 70-х годах. Однако эта единая идеологическая система была важной духовной связью для обеспечения единства Советского Союза. Как отметил Рой Медведев, союзное государство «скреплялось не общностью национальной судьбы и традиций, а общностью идеологии» [41].

К тому же единство вооруженных сил и пристальное наблюдение спецслужб за членами общества также значительно усилили контроль и подавление федерального правительства к национальной независимости.

Вышеупомянутые факторы являются важнейшими гарантиями для сдерживания национального сепаратизма и сохранения единства СССР, но все они разрушилось в период Горбачева. Придя к власти, Горбачев приступил к радикальной и всесторонней реформе т.н. «сталинской модели», в частности после 1989 года принципиально отказался тех основополагающих принципов социализма, например: заменил однопартийное правление КПСС на многопартийность; отказался от господства марксистско-ленинской идеологии и выступал за открытость и плюрализм; провел масштабную децентрализацию на места, характеризующуюся расширением компетенции управления союзных республик и национальных автономных образований и сокращением полномочий единого центра. Таким образом, политическая реформа прямо угрожала легитимность управления КПСС, а инспирированный национализм прямо атаковал легитимность Советского Союза [42]. В то же время из-за провала экономических реформ уровень жизни народа в целом снижался, а недовольство населения росло день ото дня. Вкупе с продвижением политических и интеллектуальных элит различных национальностей Советский Союз, наконец, встал на путь распада.

Выводы

История Советского Союза показывает, что национальный вопрос является важнейшим вопросом, касающимся выживания многонационального государства. Анализируя национальную теорию и политику Советского Союза и их влияния на распад Советского Союза, можно извлечь следующие уроки.

Во-первых, этнонациональная теория и политика должны не только отражать реальное положение национальностей страны, но и соответствовать общему закону национального развития и своевременно корректироваться с учетом меняющейся ситуации экономических, социальных и этнических отношений. Согласно марксизму национальная интеграция и исчезновение являются конечным результатом всего общественного развития. Страна должна создать условия, способствующие равноправному обмену, близости и общему развитию всех этнических групп, наконец, чтобы осуществить естественную гибель нации. Национальные идеи Ленина были выдвинуты на основе всестороннего изучения национальной обстановки и сыграли активную роль в победе Октябрьской революции и создании Советского Союза. Однако ряд национальных политик и практик в Советском Союзе, в частности политика этнической концентрации, преференционная политика меньшинств, национализация кадров, территориализация национальностей и т.д. сделали этнические различия и этнические отчуждения ещё более щекотливыми.

Во-вторых, переход от системы федерализма и национальной региональной автономии, основанной на этническом принципе, к системе федерализма и местной автономии с принципом административной децентрализации имеет большое значение для сохранения единства многонациональной страны. Проводимая Советским Союзом уникальная система федерализма и национальной автономии сумела объединить советские республики в единое союзное государство и добилась замечательных успехов в экономическом, политическом, культурном и военном строительстве, вместе с тем она имела много проблем и представляла большую потенциальную угрозу распаду СССР. Прежде всего этнический принцип, подчёркивающийся в данной системе усиливал этнические различия, которые должны были исчезнуть» [43; 44]. В отличие от Советского Союза в Соединенных Штатах практиковалась система федерализма и местной автономии с принципом административной децентрализации, в рамках которой составной частью федерального устройства была административная единица, без никакой «национальной идентификации». В таком случае распределение власти и ресурсов между штатами и федеральным правительством не имеет отношения с расовых и этнических факторов [45], что играет важную роль в сохранении единства федеративного государства.

В-третьих, размывание национального самосознания и укрепление гражданского самосознания является необходимой менталистской основой обеспечения единства многонациональной страны. Будучи одним из древнейших групповых сознаний и эмоциональных идентичностей человека, национальное сознание и идентичность играли огромную роль в политическом,

экономическом и культурном развитии разных стран и часто используются социальными элитами как важный инструмент политической мобилизации и борьбы. Обращая большое внимание на национальное самосознание и националистические настроения многих этносов, Ленин выдвинул национальную теорию, основанную на принципах национального самоопределения и национального равноправия. Под руководством ленинской национальной теории статус нерусских национальностей был поднят на небывалую высоту, что стимулировало национальное самосознание и эмоции людей всех национальностей, которые не были очевидны в прошлом, тем самым обостряло национальные противоречия. Ведь как справедливо отметила французский историк Элен Каррер д'Анкосс: «Если несправедливость и насилие, безусловно, разжигают национализм, уступки также поощряют его» [46]. Поэтому многонациональные страны должны укреплять чувство гражданственности, размывать национальное самосознание, твёрдо придерживаться принципа равноправия всех граждан перед законом и постепенно сокращать или окончательно отменять преференциальную политику для национальных меньшинств.

В-четвертых, поощрение отсталых национальностей к изучению культуры передовых национальностей и содействие свободному перемещению населения между регионами и национальностями является не только необходимостью модернизации, но и эффективным способом содействия этнической интеграции. Одним из последствий политики «национализации» Советского Союза является стагнация или даже регрессия естественной интеграции национальностей и искусственно расширение национальных барьеров, которые шли вразрез с общей тенденцией национальной интеграции и стала одной из важных причин распада Советского Союза. С исторической точки зрения передовые нации играют ведущую роль в процессе общественного развития, и превосходство их культуры является объективным фактом. Для многонациональных стран на основе обеспечения интересов этнических меньшинств должен направлять этнические меньшинства изучать культуры передовых национальностей в стране, не менее важно и содействовать свободному перемещению населения между регионами и этническими группами. Однако этот процесс должен основываться на полном уважении воли всех народов без любого принуждения. Таким образом, можно предполагаться на эффективное сокращение этнических различий, уменьшение этнических барьеров и укрепление межэтнической гармонии.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.
2. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.
3. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.
4. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.
5. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.
6. Ленин: «*О национальном самоземледелении*», *Ленинские речи* т. 2, 1925 г., стр. 385–398, 401.

7. 列宁:《论阿尔明尼亚社会民主党的宣言》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第295-296页。
8. 列宁:《我们纲领中的民族问题》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第413页。
9. 列宁:《给穆斯塔法·基马尔的电报》,《列宁文稿》第9卷,人民出版社1979年版,第84页。
10. 列宁:《论对马克思主义的讽刺和“帝国主义经济主义”》,《列宁全集》第23卷,人民出版社1963年版,第62页。
11. 列宁:《俄国社会民主工党第二次代表大会》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第440-441页。
12. 列宁:《关于民族问题的批评意见》,《列宁全集》第20卷,人民出版社1963年版,第29页。
13. 列宁:《社会主义革命和民族自决权》,《列宁全集》第22卷,人民出版社1963年版,第140页。
14. 列宁:《〈苏维埃政权的当前任务〉一文的初稿》,《列宁全集》第27卷,人民出版社1963年版,第190页。
15. 列宁:《社会民主党纲领草案及其说明》,《列宁全集》第2卷,人民出版社1963年版,第71页。
16. 列宁:《工人阶级和民族问题》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第74-75页。
17. 赵常庆、陈联璧、刘庚岑、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第31页。
18. 列宁:《关于民族或“自治化”问题(续)》,《列宁选集》第36卷,人民出版社1963年版,第631—634页。
19. 列宁:《再论按民族分校》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第554页。
20. 列宁:《无产阶级在我国革命中的任务》,《列宁选集》第3卷,人民出版社1995年版,第50-51页。
21. 列宁:《论对马克思主义的讽刺和“帝国主义经济主义”》,《列宁全集》第23卷,人民出版社1963年版,第61-62页。
22. *Вдовин А.И., Корецкий В.А. Распад СССР и проблемы национально-политического развития России // Выборы в России. 2000. № 1. С. 322-365.*
23. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的〈历史的报复〉》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
24. 赵常庆、陈联璧、刘庚岑、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第37-39页。
25. 斯大林:《〈关于宪法草案〉的报告》,《斯大林文集》,人民出版社1985年版,第4—8页。
26. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的〈历史的报复〉》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
27. 斯大林:《俄共(布)第十二次代表大会》,《斯大林全集》第5卷,人民出版社1956年版,第209-210页。
28. 斯大林:《民族问题和列宁主义》,《斯大林全集》第11卷,人民出版社1956年版,第303-304页。
29. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第90-97页。
30. 胡延新、阎英华:《苏联当年如何开发中亚地区》,《当代世界》2000年第5期;赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第82-88页。
31. 斯大林:《民族问题和列宁主义》,《斯大林全集》第11卷,人民出版社1956年版,第286页。
32. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第85页。
33. 瓦列里·季什科夫:《苏联及其解体后的族性、民族主义及冲突——炽热的头脑》,姜德顺译,中央民族大学出版社2009年版,第59-60页。
34. 34. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的〈历史的报复〉》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
35. 35. 埃里克·霍布斯鲍姆:《民族与民族主义》,李金梅译,上海人民出版社2000年版,第199页。
36. 36. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的〈历史的报复〉》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
37. 37. 瓦列里·季什科夫:《苏联及其解体后的族性、民族主义及冲突——炽热的头脑》,姜德顺译,中央民族大学出版社2009年版,第72-75页。
38. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第136-137页。
39. 张建华:《苏联民族问题的历史考察》,北京师范大学出版社2002年版,第198页。
40. 果洪升:《中国和前苏联民族问题对比研究》,中央民族大学出版社1997年版,第70页。
41. 罗伊·麦德维杰夫:《苏联的最后一年》,社会科学文献出版社2009年版,第150页。
42. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的〈历史的报复〉》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
43. 菲利普·罗德:《苏维埃联邦政治与族群动员》,《民族社会学研究通讯》第61期,2010年2月。
44. 转引自马戎:《21世纪的中国是否存在国家分裂的风险?》,《领导者》总第38期,2011年2月。

45. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。
46. 埃莱娜·卡·唐科斯:《分崩离析的帝国》,新华出版社1982年版,第214页。

REFERENCES

1. 列宁:《论民族自决权》,《列宁选集》第2卷,人民出版社1995年版,第385、398、401页。(In Chin.).
2. 列宁:《民族问题提纲》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第238、241-242页。(In Chin.).
3. 列宁:《立宪民主党人论乌克兰问题》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第261页。(In Chin.).
4. 列宁:《社会主义革命和民族自决权》,《列宁选集》第2卷,人民出版社1995年版,第561页。(In Chin.).
5. 列宁:《给叶·米·亚历山大洛娃》,《列宁全集》第34卷,人民出版社1963年版,第151页。(In Chin.).
6. 列宁:《我们纲领中的民族问题》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第419页。(In Chin.).
7. 列宁:《论阿尔明尼亚社会民主党人的宣言》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第295-296页。(In Chin.).
8. 列宁:《我们纲领中的民族问题》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第413页。(In Chin.).
9. 列宁:《给穆斯塔法·基马尔的电报》,《列宁文稿》第9卷,人民出版社1979年版,第84页。(In Chin.).
10. 列宁:《论对马克思主义的讽刺和“帝国主义经济主义”》,《列宁全集》第23卷,人民出版社1963年版,第62页。(In Chin.).
11. 列宁:《俄国社会民主工党第二次代表大会》,《列宁全集》第6卷,人民出版社1963年版,第440-441页。(In Chin.).
12. 列宁:《关于民族问题的批评意见》,《列宁全集》第20卷,人民出版社1963年版,第29页。(In Chin.).
13. 列宁:《社会主义革命和民族自决权》,《列宁全集》第22卷,人民出版社1963年版,第140页。(In Chin.).
14. 列宁:《<苏维埃政权的当前任务>一文的初稿》,《列宁全集》第27卷,人民出版社1963年版,第190页。(In Chin.).
15. 列宁:《社会民主党纲领草案及其说明》,《列宁全集》第2卷,人民出版社1963年版,第71页。(In Chin.).
16. 列宁:《工人阶级和民族问题》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第74-75页。(In Chin.).
17. 赵常庆、陈联璧、刘庚岑、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第31页。(In Chin.).
18. 列宁:《关于民族或“自治化”问题(续)》,《列宁选集》第36卷,人民出版社1963年版,第631—634页。(In Chin.).
19. 列宁:《再论按民族分校》,《列宁全集》第19卷,人民出版社1963年版,第554页。(In Chin.).
20. 列宁:《无产阶级在我国革命中的任务》,《列宁选集》第3卷,人民出版社1995年版,第50-51页。(In Chin.).
21. 列宁:《论对马克思主义的讽刺和“帝国主义经济主义”》,《列宁全集》第23卷,人民出版社1963年版,第61-62页。(In Chin.).
22. Vdovin A.I., Koreckiy V.A. Raspad SSSR i problemy nacional'no-politicheskogo razvitiya Rossii [The Collapse of the USSR and the Problems of National and Political Development of Russia]. *Izborny v Rossii*. 2000;1:322–365 (In Russ.).
23. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).
24. 赵常庆、陈联璧、刘庚岑、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第37-39页。(In Chin.).
25. 斯大林:《(关于宪法草案)的报告》,《斯大林文集》,人民出版社1985年版,第4—8页。(In Chin.).
26. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).

27. 斯大林:《俄共(布)第十二次代表大会》,《斯大林全集》第5卷,人民出版社1956年版,第209–210页。(In Chin.).
28. 斯大林:《民族问题和列宁主义》,《斯大林全集》第11卷,人民出版社1956年版,第303–304页。(In Chin.).
29. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第90–97页。(In Chin.).
30. 胡延新、阎英华:《苏联当年如何开发中亚地区》,《当代世界》2000年第5期;赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第82–88页。(In Chin.).
31. 斯大林:《民族问题和列宁主义》,《斯大林全集》第11卷,人民出版社1956年版,第286页。(In Chin.).
32. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第85页。(In Chin.).
33. 瓦列里·季什科夫:《苏联及其解体后的族性、民族主义及冲突——炽热的头脑》,姜德顺译,中央民族大学出版社2009年版,第59–60页。(In Chin.).
34. 34. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).
35. 35. 埃里克·霍布斯鲍姆:《民族与民族主义》,李金梅译,上海人民出版社2000年版,第199页。(In Chin.).
36. 36. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).
37. 37. 瓦列里·季什科夫:《苏联及其解体后的族性、民族主义及冲突——炽热的头脑》,姜德顺译,中央民族大学出版社2009年版,第72–75页。(In Chin.).
38. 赵常庆、陈联璧、董晓阳:《苏联民族问题研究》,社会科学文献出版社2007年版,第136–137页。(In Chin.).
39. 张建华:《苏联民族问题的历史考察》,北京师范大学出版社2002年版,第198页。(In Chin.).
40. 果洪升:《中国和前苏联民族问题对比研究》,中央民族大学出版社1997年版,第70页。(In Chin.).
41. 罗伊·麦德维杰夫:《苏联的最后一年》,社会科学文献出版社2009年版,第150页。(In Chin.).
42. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).
43. 菲利普·罗德:《苏维埃联邦政治与族群动员》,《民族社会学研究通讯》第61期,2010年2月。(In Chin.).
44. 转引自马戎:《21世纪的中国是否存在国家分裂的风险?》,《领导者》总第38期,2011年2月。(In Chin.).
45. 马戎:《对苏联民族政策实践效果的反思——读萨尼教授(Ronald Suny)的<历史的报复>》,《民族社会学研究通讯》第71期,2010年8月。(In Chin.).
46. 埃莱娜·卡·唐科斯:《分崩离析的帝国》,新华出版社1982年版,第214页。(In Chin.).

Информация об авторах:

Ма Фэншунь — профессор института политологии и государственного управления, заведующий Центром исследования России и Центральной Азии, вице-директор Института исследования ШОС Шаньдунского университета (КНР) (e-mail: fshma@sdu.edu.cn).

Го Фэнгли — научный сотрудник Центра исследования России и Центральной Азии Шаньдунского университета (КНР) (e-mail: heyfengli0920@163.com).

Information about the authors:

Ma Fenshu — Professor at the Institute of Political Science and Public Administration, Head of the Center for Russian and Central Asian Studies, Vice Director of the SCO Research Institute, Shandong University (People's Republic of China) (e-mail: fshma@sdu.edu.cn).

Guo Fengli — Researcher at the Center for Russian and Central Asian Studies, Shandong University (People's Republic of China) (e-mail: heyfengli0920@163.com).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-503-511

EDN: OURKKJ

Научная статья / Research article

Государственно-частное партнерство в коммунально-энергетической сфере: достигнутые результаты, проблемы и вызовы

И.М. Шор

Волгоградский государственный университет,
400062, Россия, Волгоград, просп. Университетский, 100

✉ ShorIM@volsu.ru

Аннотация. Неэффективность функционирования коммунально-энергетической сферы России, сопровождающаяся ограниченностью средств государственного (муниципального) бюджета, актуализирует вопросы применения государственно-частного партнерства (далее — ГЧП) в этой сфере. Целью статьи является исследование российской практики применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере в контексте оценки достигнутых результатов, выявления актуальных проблем и вызовов. Методологическую основу исследования составили базовые положения диалектического метода познания. Автором определены и систематизированы достигнутые результаты применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере России, начиная с 2016 года и по настоящее время. Это позволило выявить связанные с этим процессом проблемы и вызовы правового, организационно-экономического, финансового, производственного и информационного характера. Материалы проведенного исследования могут быть использованы при разработке и принятии решений по обеспечению эффективного развития коммунально-энергетической сферы на основе ГЧП.

Ключевые слова: коммунально-энергетическая сфера, ГЧП, концессионное соглашение, проект, партнер

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06508.2023. Принята к публикации: 20.10.2023.

Для цитирования:

Шор И.М. Государственно-частное партнерство в коммунально-энергетической сфере: достигнутые результаты, проблемы и вызовы // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 503–511. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-503-511>

© Шор И.М., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Public-private Partnership in the Utility and Energy Sector: Achieved Results, Problems and Challenges

Inna M. Shor

Volgograd State University,
100, Universitetsky Prospekt, Volgograd, Russian Federation, 400062

✉ ShorIM@volsu.ru

Abstract. The inefficiency of the functioning of the utility and energy sector of Russia, accompanied by limited funds of the state (municipal) budget, actualizes the issues of the use of public-private partnership (hereinafter — PPP) in this area. The purpose of the article is to study the Russian practice of using PPP in the utility and energy sector in the context of evaluating the results achieved, identifying current problems and challenges. The methodological basis of the study was the basic provisions of the dialectical method of cognition. The author defines and systematizes the achieved results of the use of PPP in the utility and energy sector of Russia, starting in 2016 and up to the present. This made it possible to identify problems and challenges related to this process of a legal, organizational, economic, financial, industrial and informational nature. The materials of the conducted research can be used in the development and decision-making to ensure the effective development of the utility and energy sector on the basis of PPP.

Keywords: utility and energy sector, PPP, concession agreement, project, partner

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history: The article was submitted on 05.08.2023. The article was accepted on 20.10.2023.

For citation:

Shor I.M. Public-private Partnership in the Utility and Energy Sector: Achieved Results, Problems and Challenges. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):503–511. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-503-511>

Введение

Вопросы обеспечения качества и бесперебойности функционирования коммунально-энергетической сферы затрагивают интересы каждого человека, так как оказывают существенное влияние на качество жизни. В современных условиях такое влияние в ряде случаев имеет негативный характер, во многом обусловленный неудовлетворительным состоянием коммунально-энергетической инфраструктуры. Подтверждением этого служат следующие факты. Уровень износа в коммунально-энергетической сфере нашей страны составляет более 50 %, в силу чего требуется замена 31 % теплосетей, 44 % водопроводов, 46 % сетей канализаций и почти каждого пятого лифта. Потребность в ежегодной замене труб объектов тепло- и водоснабжения составляет не менее 5 % от общего количества таких труб, имеющих высокий износ, что на 3 процентных пункта ниже фактического количества замененных труб. Следствием критической изношенности фондов жилищно-коммунального хозяйства выступает обеспечение населения питьевой водой ненормативного качества и в недостаточном

объеме, а также частые аварии. По причине повышенного загрязнения водоисточников традиционно применяемые технологии обработки воды становятся неэффективными и в сорока случаях из ста не обеспечивают подачу питьевой воды, соответствующей санитарным правилам и нормам. За 2020–2021 годы было более 7,3 тысяч аварий сетей по причине высокой степени их износа [1].

Одной из главных причин высокого риска возникновения масштабной катастрофы в коммунально-энергетической сфере является ее хроническое недофинансирование, размер которого приближается к 5 триллионам рублей. Это в совокупности с недостаточным уровнем управленческих, технических и иных компетенций приводит к оказанию некачественных коммунально-энергетических услуг, в ряде случаев вызывая серьезную опасность для жизни и здоровья населения. К примеру, за 2013–2020 годы от разливов кипятка пострадали 230 и погибли 79 человек [2].

В условиях сложившейся ситуации возрастает значимость ГЧП, позволяющего в условиях ограниченности средств государственного (муниципального) бюджета, недостатка опыта и компетенций в коммунально-энергетической сфере успешно реализовать инвестиционные проекты в этой сфере посредством привлечения финансовых, материальных, трудовых и иных ресурсов частного партнера, разделения между партнерами рисков и ответственности на взаимовыгодных условиях. В подтверждение успешности реализации проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере приведем следующие данные Минстроя России: при активном применении ГЧП аварийность в коммунально-энергетической сфере снижается на 47 %, а потери в сетях на 18 % [3].

Вышесказанное в совокупности предопределило постановку цели статьи — исследование российской практики применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере в контексте оценки достигнутых результатов, выявления актуальных проблем и вызовов.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составили базовые положения диалектического метода познания. В составе применяемых методов выделим следующие: наблюдение и описание (позволили получить и закрепить знания об особенностях применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере), синтез (обеспечил изучение российских тенденций развития ГЧП в коммунально-энергетической сфере в целостности, единстве и взаимосвязи), анализ (способствовал выделению и исследованию достигнутых результатов и актуальных проблем применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере), исторический и логический методы (содействовали установлению произошедших изменений в развитии ГЧП в коммунально-энергетической сфере и разработке мер по достижению его наилучших результатов с учетом современных вызовов).

Результаты

В качестве основных источников информации, используемой при проведении исследования, выступили аналитические данные платформы «Росинфра» за период, начиная с 2016 года и заканчивая июнем 2023 года [4]. Изучение этих данных позволило сделать следующие выводы о достигнутых результатах применения ГЧП в коммунально-энергетической сфере России.

1. На коммунально-энергетическую сферу приходится наибольшее количество проектов ГЧП — в среднем около 80,0%. Из анализа динамики количества таких проектов видно, что для периода с 2015 года по 2017 год характерны более высокие темпы роста по сравнению с предыдущими годами. Основная причина этого связана со вступлением в силу Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон «О концессионных соглашениях» и отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 07.05.2013 года № 103-ФЗ (далее — Закон о концессии), согласно которому на публичные правовые образования возложена обязанность передавать объекты тепло-, водоснабжения и водоотведения по концессионным соглашениям. В свою очередь это породило трансформацию заключенных договоров аренды с инвестиционными обязательствами в концессионные соглашения, расторжение/признание недействительными таких договоров аренды и последующее заключение концессионных соглашений [5]. Также следует сказать о прямой связи количества проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере с максимальным инфраструктурным разрывом: эта сфера, с одной стороны, менее ресурсоемкая в сравнении, к примеру, с транспортной сферой, а, с другой стороны, срочность ее инфраструктурного обновления выше, чем в остальных сферах, так как значительное количество коммунально-энергетических объектов было построено в советский период и в настоящее время по своим технико-эксплуатационным характеристикам не соответствует современным требованиям.
2. Лидирующие позиции в общем количестве коммунально-энергетических проектов ГЧП занимают отрасли теплоснабжения, водоснабжения и водоотведения. При этом более половины всех этих проектов реализуется в отрасли теплоснабжения, за которой следуют отрасли водоснабжения и водоотведения, по количеству реализуемых проектов приближающиеся к отрасли теплоснабжения. Отрасли газоснабжения и электроснабжения по количественным показателям реализации проектов ГЧП значительно уступают выше отмеченным отраслям.
3. Объем средств, вложенных в коммунально-энергетические проекты ГЧП, занимает вторую позицию после транспортных проектов ГЧП — в среднем более 20% от общего объема инвестиционных вложений на рынке ГЧП. Более чем на 90% коммунально-энергетические проекты ГЧП финансируются за счет средств частного партнера и характеризуются невысокой капиталоемкостью. Более 85% проектов ГЧП в жилищно-коммунальном хозяйстве имеют объем инвестиционных вложений не выше 250 миллионов рублей. Вместе с тем есть проекты с объемом инвестиций более 10

миллиардов рублей. Одним из таких проектов, прошедших коммерческое закрытие в 2021 году, является концессионное соглашение в отношении Люберецких и Курьяновских очистных сооружений в Москве с общим объемом частных инвестиций около 27 миллиардов рублей.

4. Коммунально-энергетические проекты ГЧП, как правило, заключаются в форме концессионного соглашения муниципального уровня, что обусловлено следующим. По сравнению с другими формами ГЧП концессионное соглашение обладает рядом преимуществ (защита рисков инвестора; простота и понятность взаимодействия между партнерами; наличие Закона о концессии, регулирующего подготовку, заключение и исполнение концессионного соглашения, сложившейся правоприменительной и судебной практики применения концессионного соглашения на федеральном, региональном и местном уровнях). Муниципальные органы власти, полномочия которых тесно связаны с функционированием коммунально-энергетической сферы, в условиях отсутствия возможностей собственными силами обеспечить строительство, модернизацию, реконструкцию и эксплуатацию ее объектов заинтересованы в заключении концессионного соглашения, позволяющем сохранить коммунально-энергетические объекты в муниципальной собственности и осуществлять муниципальный контроль за их использованием частными партнерами [6–8].

Наряду с концессионным соглашением проекты ГЧП в коммунально-энергетической сфере реализуются в иных формах (энергосервисный контракт в отношении объектов электро- и теплоснабжения; договор аренды с инвестиционными обязательствами в отношении объектов тепло-, водоснабжения, водоотведения в предусмотренных законодательством случаях и др.).

5. По территории реализации проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере лидирующие позиции в количественном выражении занимают Приволжский, Центральный, Сибирский и Дальневосточный федеральные округа, а в денежном выражении — Центральный, Южный, Приволжский и Уральский федеральные округа.

На современном этапе развития ГЧП в коммунально-энергетической сфере находится под влиянием множества рисков, в первую очередь обусловленных ростом стоимости ресурсов, снижением платежной дисциплины потребителей коммунально-энергетических услуг, поиском аналогов импортному оборудованию, и проблем правового, организационно-экономического и финансового характера. Рассмотрим эти проблемы более подробно.

Правовые проблемы главным образом связаны с несовершенством нормативно-правового регулирования ГЧП в коммунально-энергетической сфере. Существуют низкие входные барьеры для участников рынка такого партнерства, проявляющиеся, во-первых, в отсутствии законодательных критериев отбора потенциальных концессионеров и мероприятий в инвестиционных программах, напрямую не связанных со строительством и модернизацией объектов коммунального хозяйства; во-вторых, в участии

унитарных предприятий и бюджетных учреждений на стороне концессионеров; в-третьих, в низком качестве технического обследования со стороны публичных партнеров и не возмещении затрат концессионеров на техническое обследование при подаче частных концессионных инициатив. В силу этого требуется:

- установление обоснованных квалификационных требований к потенциальным концессионерам для снижения риска невыполнения ими условий концессионных соглашений и обязательного возмещения затрат на техническое обследование со стороны лиц, обратившихся с предложением о заключении концессионного соглашения, с целью повышения интереса частных инвесторов к участию в проектах ГЧП в коммунально-энергетической сфере;
- запрет на заключение концессионных соглашений с унитарными предприятиями и бюджетными учреждениями в качестве концессионеров для обеспечения притока частных инвестиций в коммунально-энергетическую сферу;
- расширение перечня инвестиционных мероприятий, включаемых в инвестиционные программы ресурсоснабжающих организаций, с целью снижения риска дефицита у концессионеров финансовых ресурсов, необходимых для исполнения обязательств по концессионному соглашению.

Организационно-экономические проблемы проявляются, во-первых, в выборе неоптимальной правовой структуры проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере и нерациональном управлении ими, а, во-вторых, в недостатке мер, обеспечивающих комплексную и всестороннюю поддержку таких проектов на всех этапах их жизненного цикла.

Одно из важных мест в решении первой организационно-экономической проблемы занимает платформа «Росинфра», с помощью которой можно значительно сократить сроки запуска проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере и повысить качество их структурирования, а также осуществлять эффективное взаимодействие между партнерами. Стандартизация проектного управления на основе цифрового проектного офиса платформы «Росинфра» основана на использовании единых стандартов структурирования и управления проектами ГЧП, методического подхода, а также лучших типовых решений / шаблонов документации. В качестве основных эффектов от использования этого цифрового проектного офиса выступают рост в два-три раза количества запускаемых проектов ГЧП в год и снижение в два раза сроков на подготовку и запуск проектов ГЧП, в десять раз издержек на предварительное структурирование, в два раза рисков расторжения соглашений и дефолта проектов ГЧП [9].

Для решения второй организационно-экономической проблемы требуется обеспечение государством гарантированного уровня защиты инвестиций частных партнеров проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере (например, через фиксацию равных условий концессионеров

и подрядчиков, работающих с государственным финансированием; введение моратория на штрафы за невыполнение сроков ввода объектов коммунально-энергетической сферы в эксплуатацию и нарушение иных договорных условий; предоставление права вносить изменения в соглашения о реализации проектов ГЧП без дополнительных согласований с антимонопольным органом) [10].

Финансовые проблемы связаны с ограниченным спросом инвесторов на риски проектных облигаций и недостатком источников финансирования инвестиций в коммунально-энергетические проекты ГЧП. Стимулирование инвестиций в проектные облигации возможно за счет ограничения гарантий государства или поручительств институтов развития с целью появления качественно структурированных выпусков проектных облигаций, которые основаны на разделении проектных рисков между инвесторами, государством и банками, позволяющем обеспечить устойчивость финансирования коммунально-энергетических проектов ГЧП и финансового рынка в целом. Также важно отметить необходимость задействования долгосрочных сбережений населения с целью стимулирования новых источников финансирования инвестиций в коммунально-энергетические проекты ГЧП. При этом выпуски облигаций проектного финансирования, размещаемые особыми формами SPV-компаний (специализированными финансовыми обществами и специальными обществами проектного финансирования с высоким уровнем кредитного рейтинга), могут выступать оптимальным инструментом для вложения средств населения, с помощью которого обеспечивается рост ликвидности таких облигаций [11].

Вышеотмеченные проблемы требуют особого внимания, быстрого и качественного решения, так как представляют собой четко определенные вызовы для того, чтобы идти вперед в развитии коммунально-энергетической сферы на основе ГЧП.

Заключение

Несмотря на наличие разнообразных рисков и проблем, с которыми сталкиваются участники ГЧП в коммунально-энергетической сфере, в перспективе рост количества проектов ГЧП этой сфере продолжится. Одним из катализаторов этого будет оказание поддержки ГЧП-инициатив (субсидии и займы Фонда жилищно-коммунального хозяйства, корпоративные решения банков для кредитования концессионных соглашений, инфраструктурные облигации ДОМ.РФ и бюджетные кредиты субъектам РФ). Вместе с тем не менее важным является солидарность и согласованность действий всех участников ГЧП как неотъемлемого условия обеспечения успешного запуска и эффективной реализации коммунально-энергетических проектов ГЧП. При этом важно, чтобы публичные партнеры своевременно и правильно осознавали объективные причины сложностей, связанных с запуском и реализацией коммунально-энергетических

проектов ГЧП, а также могли компенсировать негативные последствия возникновения таких сложностей с помощью задействования механизмов, предусмотренных отраслевым, бюджетным, налоговым и иным законодательством РФ.

Дальнейшее развитие российской практики реализации проектов ГЧП в коммунально-энергетической сфере создает новые вызовы, которые выступают новыми возможностями в развитии этой сферы на основе партнерства государства и бизнеса. К таким вызовам отнесем:

- обеспечение готовности промышленных предприятий к запросам коммунально-энергетической сферы в части достаточности объемов производства (в том числе импортозамещающего) материалов, комплектующих, оборудования и др., необходимого для бесперебойного функционирования этой сферы;
- разработка механизмов комплексной оценки потребностей в строительстве, реконструкции и модернизации объектов коммунально-энергетической сферы и расширение направлений государственного (муниципального) участия в реализации этих процессов;
- цифровая трансформация коммунально-энергетической сферы на основе использования отечественных программных решений, направленная на повышение эффективности функционирования этой сферы при условии устранения имеющегося цифрового неравенства.

В заключение отметим, что ускорение реализации и масштабирование коммунально-энергетических проектов ГЧП позволит обеспечить мощный синергетический эффект для экономики нашей страны и повышения качества жизни населения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Правительство пытается остановить деградацию коммунальной сферы // Независимая газета. 02.07.2022. URL: https://www.ng.ru/economics/2022-02-07/1_8365_degradation.html (дата обращения: 05.08.2023).
2. Если трубы гнилые, ничего не изменится. Как Россию будут спасать от коммунальных катастроф и во сколько это обойдется? // Лента.Ру. 07.07.2022. URL: <https://lenta.ru/articles/2022/07/07/jkh/> (дата обращения: 05.08.2023).
3. ГЧП в коммунальной инфраструктуре и благоустройстве // Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/3a174519761eda0343d5ba1383d34a13.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).
4. Библиотека аналитических материалов // Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents?DocumentSearch%5Bsort%5D=4> (дата обращения: 05.08.2023).
5. *Бакрунов Ю.О.* Развитие механизма ГЧП в жилищно-коммунальном хозяйстве РФ // Теория и практика современной науки. 2021. № 7 (73). С. 27–32.
6. *Гавриленко И.Г., Хакимов Т.М.* Государственно-частное партнерство как инструмент повышения инвестиционной привлекательности жилищно-коммунального хозяйства // Вестник УГНТУ. Наука, образование, экономика. Серия экономика. 2019. № 4 (30). С. 116–127.
7. *Трунова Л.Г.* Концессионное соглашение как эффективный механизм развития инновационной деятельности сферы жилищно-коммунального хозяйства // Креативная экономика. 2022. Том 16. № 10. С. 3981–3992.

8. Тищенко Т.В. Отраслевые особенности реализации концессионных соглашений: анализ преимуществ и рисков // Известия ДВФУ. Экономика и управление. 2020. № 3. С. 67–79.
9. Развитие коммунальной инфраструктуры городов // Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/9a680585e205cf7f1973d1f4581bef11.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).
10. Развитие коммунальной инфраструктуры городов партнерство государства и бизнеса // Росинфра. URL: <https://rosinfra.ru/files/analytic/document/4c3a4251274d00632615d976f21971e4.pdf> (дата обращения: 05.08.2023).
11. Боливар вынесет двоих: как рынок государственно-частного партнерства ответил на внешнее давление // Аналитическое кредитное рейтинговое агентство. URL: <https://acra-ratings.ru/research/2723/?ysclid=11684g9yiq836153586> (дата обращения: 05.08.2023).

Информация об авторе:

Шор Инна Михайловна — кандидат экономических наук, доцент кафедры финансов, учета и экономической безопасности Волгоградского государственного университета (ORCID ID: 0000-0003-4154-1199) (e-mail: ShorIM@volsu.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-512-523

EDN: OEQLRF

Научная статья / Research article

Развитие государственно-частного партнерства в России с 2015 года по 2023 год

П.А. Земсков

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 20

Московский финансово-промышленный университет «Синергия»,
129090, Россия, Москва, Мещанская ул., д. 9/14, стр. 1

✉ 9610271@mail.ru

Аннотация. Государственно-частное партнерство (ГЧП) является финансовым инструментом, позволяющим привлекать частные инвестиции в развитие социальной инфраструктуры и, таким образом, эффективнее распределять бюджетные средства. Цели данного инструмента заключаются в улучшении качества жизни населения и поднятии благосостояния страны. В рамках теории смешанной экономики государство посредством ГЧП отказывается от неэффективных форм управления, перекладывая управление государственной собственностью и различные обязанности на частный сектор, который приносит в производство организационный опыт и различные инновации, инвестирует собственные средства в развитие предприятия и минимизирует риски предпринимательской деятельности. Важным аспектом изучения возможностей, которое несет государственно-частное партнерство для Российской Федерации и частного бизнеса, является рассмотрение развитие ГЧП на протяжении последних нескольких лет. Учитывая изложенный факт, было проведено небольшое исследование, заключающееся в анализе развития государственно-частного партнерства в России в период с 2015 года по 2023 год.

Ключевые слова: государственно-частное партнерство, развитие государственно-частного партнерства в Российской Федерации, примеры государственно-частного партнерства в Российской Федерации

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.08.2023. Принята к публикации: 20.10.2023.

Для цитирования:

Земсков П.А. Развитие государственно-частного партнерства в России с 2015 года по 2023 год // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 512–523. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-512-523>

© Земсков П.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Development of Public-Private Partnerships in Russia from 2015 to 2023

Pavel A. Zemskov

National Research University Higher School of Economics,
20, Myasnitskaya st., Moscow, Russian Federation, 101000

University for Industry and Finance “Synergy”,
1, Meshchanskaya st., 9/14, Moscow, Russian Federation, 129090

✉ 9610271@mail.ru

Abstract. Public-private partnership (PPP) is a financial instrument that allows attracting private investment in the development of social infrastructure and allocating budget funds more efficiently. The goals of this tool are to improve the quality of life of the population and raise the welfare of the country. Within the framework of the theory of a mixed economy, the state, through PPP, abandons inefficient forms of management, shifting the management of state property and various responsibilities to the private sector, which brings organizational experience and various innovations to production, invests its own funds in the development of the enterprise and minimizes the risks of entrepreneurial activity. The important aspect of exploring the opportunities that public-private partnership brings for the Russian Federation and private business is to consider the development of PPP over the past few years. Taking into account the stated fact, a small study was conducted, consisting in the analysis of the development of public-private partnership in Russia in the period from 2015 to 2023.

Keywords: public-private partnership, development of public-private partnership in the Russian Federation, examples of public-private partnership in the Russian Federation

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history: The article was submitted on 06.08.2023. The article was accepted on 20.10.2023.

For citation:

Zemskov P.A. Development of Public-private Partnerships in Russia from 2015 to 2023. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):512–523. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-512-523>

Введение

Много лет мировая экономика и политика представляют собой игру в монополию, в которой каждая страна — это важный и значимый игрок, представляющий из себя монополиста со своей экономикой и финансами. Цель игры — остаться единственным игроком, который не достигнет банкротства.

Начиная с 2014 года условия игры для одного из заметных игроков значительно изменились в связи с объединением части стран-участников для ее вытеснения из системы: с помощью санкций европейские страны уже на протяжении восьми лет пытаются вытеснить из этой игры сильного и влиятельного по своим экономическим возможностям игрока — Россию.

Вместе с тем Россия не только пытается использовать дипломатию для решения проблем внешней политики, но и перенимает опыт других стран для ведения внутренней. Таким образом, в нашей стране все более и более

развивается государственно-частное партнерство (далее также — ГЧП), открывающее новые возможности для государства и частного бизнеса.

Государственно-частное партнерство — это финансовый инструмент, который позволяет привлекать частные инвестиции в развитие социальной инфраструктуры, тем самым обеспечивая более эффективное распределение бюджетных средств. Это инвестирование в социальные проекты в сфере здравоохранения, жилищно-коммунального хозяйства, образования, создание инновационных технологий для модернизации экономики при сокращении расходования бюджетных средств.

Цели данного проекта заключаются в улучшении качества жизни населения и поднятии благосостояния страны. В рамках теории смешанной экономики государство, используя ГЧП, отказывается от неэффективной формы управления имуществом, передавая управление государственной собственностью и различные обязанности частному сектору, который приносит в производство организационный опыт и различные инновации, инвестирует собственные средства в развитие предприятия и минимизирует риски предпринимательской деятельности [1; 2].

Актуальность государственно-частного партнерства заключается в эффективном решении ряда вопросов внутренней экономики страны, таких как:

1. Повышение качества предоставляемых потребителю товаров и услуг;
2. Более эффективное использование государственного имущества;
3. Привлечение инвестиций в экономику страны за счет частного предпринимательства;
4. Поддержка отечественного производителя;
5. Реализация социально значимых проектов.

В Российской Федерации, опираясь на положительный опыт других стран, было принято решение о принятии Закона о государственно-частном партнерстве для решения внутренних вопросов, связанных с развитием экономики страны.

Наличие специализированных органов государственного управления государственно-частным партнерством в рамках общей системы государственного управления и уровень эффективности выполнения государственными служащими своих обязанностей являются важными факторами в развитии государственно-частного партнерства. Созданные указанные органы власти и работающие там чиновники более эффективно управляют проектами государственно-частного партнерства, помогают их реализации, выполняют функции государственного контроля за их исполнением. Вместе с тем указанные органы государственной власти занимаются финансовыми вопросами проектов ГЧП: льготное кредитование и меры налогового характера. В Великобритании и Австралии созданы также целевые фонды для совместного финансирования проектов государственно-частного партнерства [3].

Одним из важных аспектов изучения возможностей, которое несет государственно-частное партнерство для Российской Федерации и частного

бизнеса, является рассмотрение развития государственно-частного партнерства на протяжении последних нескольких лет. Учитывая изложенный факт, было проведено исследование, заключающееся в анализе развития государственно-частного партнерства в России в период с 2015 года по 2023 год.

Развитие государственно-частного партнерства *Развитие государственно-частного партнерства в 2015–2019 годах*

Если за статистическую основу брать проекты государственно-частного партнерства, которые прошли стадию коммерческого закрытия, то по сравнению с 2013–2014 годами рынок проектов ГЧП показал крайне высокий среднегодовой темп роста в 2015 году, связанный с развитием законодательства о концессионных соглашениях, существенный импульс которых был передан инвестициям в ЖКХ [4], новыми дополнительными гарантийные инструменты для инвесторов и введением института частной концессионной инициативы [5].

Вместе с тем, несмотря на развитие ГЧП в 2015 году, средний показатель по уровню развития ГЧП в России оказался на 4,8 процентов ниже ожидаемого и составил 24,4 %. Указанное отклонение можно объяснить следующими факторами:

1. В некоторых регионах планируемые проекты не были запущены;
2. Некоторые субъекты не приняли базовых системных мер по созданию фундамента сферы государственно-частного партнёрства, обозначенных в 2014 году;
3. Снижение интереса инвесторов к долгосрочным инвестициям в инфраструктуру на региональном и муниципальном уровне в связи с снижением темпов роста российской экономики.

В 2015 году был принят федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации», который впоследствии дополнялся и изменялся много раз [6; 7]. В основном поправки касались перечня объектов, в отношении которых возможно заключение соглашений о государственно-частном партнерстве. Так, в 2016 году были внесены комплексные поправки, в которых были уточнены положения в части состава объекта соглашения и его эксплуатации, требований, предъявляемых к частному партнеру в части лицензий и иных разрешений, введен термин «иное предоставляемое по соглашению имущество», а также закреплены особенности распоряжения имуществом, которое создается или приобретается частным партнером, но не входит в состав объекта соглашения. Новые положения также продлили срок приведения в соответствии с 224-ФЗ региональных и муниципальных правовых актов в сфере ГЧП до 1 января 2025 (ранее был установлен срок до 1 июля 2016 г.) Сумма инвестиционных обязательств по данным 2016 года — 196 млрд рублей.

В соответствии с поправками у частного партнера, заключившего договор ГЧП, появилось право распоряжаться муниципальным имуществом по своему усмотрению, но с сохранением его прямого назначения и с неким сохранением бюджетных мест. Так, например, в сфере здравоохранения значительно сокращается количество мест для пациентов с полисом ОМС: в Новосибирской области передача в концессию объектов здравоохранения привела к сокращению числа пациентов, обслуживаемых по ОМС: в роддоме — с 1780 до 48 человек в год, в стоматологической поликлинике — со 130 тыс. до 300 человек в год. В концессионных детских садах Москвы примерно треть мест оплачивается родителями по ценам, соответствующим плате за содержание детей в государственных садах, тогда как две три мест оплачиваются по цене 40–45 тыс. руб. в месяц. Аналогичная практика имеется и в других регионах: в Новосибирске из 100 мест в концессионном детсаде только 10 должны быть «бюджетными», в Благовещенском районе Амурской области из 75 мест «бюджетных» — 15, причем инвестиционные обязательства частного партнера ограничиваются укомплектованием созданного за бюджетный счет здания недорогим оборудованием (кроватьи и детские горки).

В 2017 году были приняты дополнительные поправки о передаче в концессию имущественного комплекса объектов жилищно-коммунального хозяйства. По данным 2017 года в стране действовало 1759 концессионных соглашений, сумма инвестиционных обязательств составила около 215 млрд рублей.

Передача объектов жилищно-коммунального хозяйства благотворно повлияло на качество жизни и обслуживания населения: в регионах, где действуют концессионные соглашения, наблюдается снижение аварийности в теплоснабжении (на 47 %) и в водоснабжении (на 21 %). Результаты преобразований видны уже в течение года после прихода на объект тепло или водоснабжения концессионера.

Вместе с тем к концу 2017 года наблюдается значительное увеличение количества споров в отношении различных объектов коммунальной инфраструктуры: 84 % от общего количества споров, вытекающих из концессионных соглашений [8]. Суды, разбирающие указанные спорные ситуации, чаще всего обращаются государственные контролирующие органы прокуратуры и антимонопольные органы. Чаще всего споры возникают из-за расторжения соглашения либо из-за выплаты компенсации после его расторжения.

В 2018 году в перечень объектов ГЧП были добавлены сооружения связи и объекты ИТ [9]. С закреплением возможности заключения соглашений о государственно-частном партнерстве в отношении объектов ИТ в закон также была добавлена отдельная глава, посвященная регулированию данных правоотношений. Факторами, меняющими рынок ГЧП в России, послужило следующее.

1. Снижение числа крупных проектов;
2. Разделение практики применения механизмов ГЧП на промышленную, сельскохозяйственную и IT-инфраструктуру;
3. Совершенствование законодательства в целях упрощения процедур и снижения инвестиционных рисков.

Помимо этого в 2018 году закрепились практика применения механизмов ГЧП в отраслях общественного транспорта, железнодорожного транспорта и портовой инфраструктуре, а также выход на рынок новых финансирующих игроков (большого числа негосударственных пенсионных фондов и страховых компаний).

В 2019 году рынок государственно-частного партнерства в Российской Федерации насчитывал более 3600 проектов с общим объемом инвестиций 3,9 трлн рублей, из которых 2,8 трлн рублей составляли частные средства инвесторов [10; 11].

Изменения, внесенные в 224-ФЗ в 2019 году, также касались вопросов, связанных с объектами IT: в федеральный закон добавили положение, устанавливающее возможность отчуждения государственным партнером частному лицу исключительного права на результаты интеллектуальной деятельности, входящих в состав объекта соглашения. Вместе с тем была введена оговорка о том, что правительством могут быть установлены случаи, когда такое право не может отчуждаться частному партнеру.

Самыми крупными и удачными проектами государственно-частного партнерства по данным РОСИНФРА [12] в 2019 году стали:

1. «Безопасный город» — современная система видеонаблюдения и видеоаналитики в Нижнем Новгороде, которая позволяет круглосуточно наблюдать за обстановкой на улицах города, прогнозировать развитие чрезвычайных ситуаций, выработать единый план реагирования для всех служб и ведомств, а также создать единую среду для их коммуникации;
2. Транспортная карта «Стрелка» — пополняемая транспортная карта, электронное средство платежа для безналичной оплаты проезда на транспорте Московской области;
3. Система маркировки и прослеживания товаров «Честный знак». Это информационная система, предназначенная для контроля прохождения товаров от производителей и/или импортеров через торговые сети потребителям. С 2024 года маркировка должна распространиться на все товарные группы;
4. Цифровое Приморье — система для сбора, хранения, обработки и передачи информации в цифровой форме во всех сферах социально-экономической деятельности Приморского края;
5. Создание платформы «РОСИНФРА» — это платформа поддержки инфраструктурных проектов.

Таким образом, принятие поправок в закон, касающиеся IT-технологий, благотворно повлияло на некоторые аспекты социальной жизни и бизнеса в целом. Создание, развитие и интеграция цифровых платформ стало

эффективным инструментом для преодоления нехватки данных об инфраструктуре и привлечения частных инвестиций в ее развитие. Только благодаря одной платформе «РОСИНФРА» регионы получили не только возможный доступ к информации, но и получили возможность выставлять свои ГЧП проекты для поиска инвесторов среди частного сектора.

Развитие государственно-частного партнерства в 2020–2021 годах

В 2020 году на рынке ГЧП происходят изменения, вызванные мировой пандемией коронавируса: на экономику страны оказывают давление не только мировые санкции, но и полное закрытие государственных границ, а также переход на полную дистанционную деятельность, к которой государство и частный сектор были не готовы.

Недостаточный рост внутренних инвестиций в основной капитал из-за волатильности мировых цен на энергоносители неблагоприятно сказался на состоянии государственного бюджета. На начало 2020 года в России сохраняется недостаточный объем инвестиций из-за избыточных административных барьеров, неэффективной защиты права собственности и сокращение доходов населения из-за введения мировых санкций.

Из-за мирового санкционного давления на частный бизнес, происходит увеличение роста государственно-частного партнерства со стороны частных организаций. Таким способом, частные организации пытаются разделить и минимизировать риски, поскольку государство становится гарантом при взаимодействии с кредитно-финансовыми организациями.

В 2021 году ГЧП-рынок в России начинает восстанавливаться после спада в связи с коронавирусом [13]. В начале года было объявлено о 33 % больше концессионных и ГЧП конкурсов, чем годом ранее, а общий объем инвестиций составил более 447,9 млрд руб., что почти в 4 раза больше, чем в 2020 году [14]. Закрытых крупных или средних ГЧП-проектов, которые прошли коммерческое закрытие на 22,7 % меньше, чем годом ранее, однако несмотря на такую динамику объем привлекаемых инвестиций продолжает расти. Так, в 2020 году общий объем «законтрактованных» инвестиций составлял — 363,9 млрд руб., из них частных — 211,3 млрд руб., а в 2021 общий объем «законтрактованных» инвестиций составляет более 414,8 млрд руб., из них частных — не менее 344,1 млрд руб.

Стабильные показатели наблюдаются в социальной сфере и городской инфраструктуре. Значимую роль в восстановлении рынка ГЧП сыграло постановление Правительства Российской Федерации от 14 июля 2021 года № 1189 и № 1190, таким образом была запущена программа предоставления регионам льготных бюджетных кредитов на реализацию инфраструктурных проектов. Эта программа предоставила возможность «демографической субсидии», благодаря которой получилось осуществить реализацию концессионных проектов, направленных на увеличение количества учебных мест в школах городов, в которых прогнозируется рост демографии.

Новые поправки 2021 года коснулись и социальной сферы. Постановление Правительства Российской Федерации от 04.12.21 № 2200 были внесены изменения в государственную программу «Социальная поддержка граждан». Данная программа предусматривала выделение средств из государственного бюджета с целью реконструкции и строительства геронтологических центров для людей преклонного возраста. Дополнительно были приняты поправки, касающиеся «дальневосточных концессий» — они предусматривали возмещение до 100 % затрат инвестора, которые были использованы для создания инфраструктуры в течение 10–20 лет после ввода объекта в эксплуатацию.

Таким образом, с учетом большого финансирования и госгарантий количество проектов государственно-частного партнерства увеличивается. Регионы не только начинают участвовать в реализации ГЧП проектов, но и реализуют их самостоятельно на местном уровне. Например, наблюдается тенденция, в которой регионы сами увеличивают количество ГЧП сделок в разных сферах либо ставят ГЧП проекты на поток. Например, к середине 2021 года в Московской области, насчитывалось около 100 концессий.

Развитие государственно-частного партнерства в 2022–2023 годах

Поправки, принятые в 2022 году, связаны с упрощением процедур и расширением перечня оснований для корректировки соглашений в связи с изменениями экономики проекта и обстоятельств его реализации. Эти поправки позволили своевременно отреагировать на рыночные изменения и обеспечить стабильность уже запущенных проектов. Вместе с тем эти изменения не затронули ряд сфер, в частности, автодорожную и коммунальную инфраструктуру. В то же время эксперты отмечают целесообразность предоставления аналогичных возможностей для таких проектов. В июне 2022 года президент Владимир Путин объявил о запуске механизма промышленной ипотеки, в рамках которой инвестор сможет получить заем под залог недвижимости по льготной ставке до 5 % [15].

Федеральный бюджет компенсирует коммерческим банкам разницу между льготной и рыночной ставками — на эти цели может быть выделено до 500 млн руб. Указанный механизм интересен промышленным предприятиям, планирующим приобрести производственные мощности на территории промышленных парков и технопарков, а также управляющим компаниям, осуществляющим строительство, модернизацию или реконструкцию производственных площадей и объектов обеспечивающей инфраструктуры. Использование промышленной ипотеки позволит оперативно разворачивать новые производства, сократив срок запуска проекта с 2–3 лет до 6 месяцев. Кроме того, мера способствует решению проблемы простаивающих производственных мощностей в промышленных парках и технопарках, снизив риски для управляющих компаний в связи с уходом иностранных производителей.

По данным РОСИНФРА в 2023 наблюдается уменьшение числа проектов ГЧП [16]. В январе в ГИС Торги размещено 35 ГЧП-проектов. В их числе – 15 частных концессионных инициатив и 20 конкурсов. Общий объем предполагаемых инвестиций составляет около 367 млн руб. Все проекты планируется реализовать в форме концессионных соглашений (115-ФЗ).

В феврале 2023 года также вступил в силу федеральный закон, направленный на увеличение числа ГЧП-проектов в сфере ИТ: теперь федеральный закон № 224-ФЗ предусматривает возможность заключать концессионные соглашения в отношении объектов информационных технологий и договоры ГЧП на муниципальном уровне [17], что позволит органам местного самоуправления привлекать внебюджетные средства в развитие цифровой инфраструктуры.

Заключение

В заключении необходимо отметить, что в связи с изменениями, внесенными в Закон о ГЧП, принятый в 2015 году, частному сектору пришлось адаптироваться к нему в течение восьми лет. Принятие указанного закона, а также поправок в него, направленных на минимизирование всех рисков со стороны как государства, так и частного сектора, благотворно повлияло на экономику страны в целом, так как за это время было реализовано большое количество малых объектов и многомиллиардных проектов.

В программе государственно-частного партнерства существуют свои плюсы и минусы. Как уже упоминалось выше, в 224-ФЗ ежегодно вносятся поправки, с учетом ошибок предыдущего года, таким образом, минимизируются риски для частного сектора и государства. Безусловно, работа по совершенствованию этой программы предстоит долгая, но уже сейчас она открывает огромные возможности для частного бизнеса.

Анализ изменений, связанных с развитием государственно-частного партнерства в России на протяжении последних нескольких лет, показывает заинтересованным сторонам векторы развития ГЧП, а также новые области, в которых стало возможно применение государственно-частного партнерства.

За все время существования внесения изменений и поправок, касающихся закона о ГЧП, частный сектор получил следующие преимущества:

- закрепление условий взаимодействия с государством в рамках долгосрочного соглашения;
- возможность получения земельного, лесного или водного участка без торгов для целей реализации СГЧП;
- возможность софинансирования проекта государством, получение дополнительных гарантий (в т. ч. минимальной доходности);
- возможность увеличивать свою выручку по проекту за счет оказания дополнительных платных услуг и/или применения различных решений, снижающих затраты на этапе создания или эксплуатации;
- передача части рисков по проекту государству;

- закрепление в сферах деятельности, традиционно занимаемых государством;
- в случае частной инициативы — возможность самостоятельно проработать структуру проекта и предложить проект соглашения, сократить срок заключения соглашения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Государственно-частное партнерство в России. Региональное и муниципальное ГЧП: текущее состояние и актуальные тренды. URL: https://investnovoros.ru/ru/v-pom-investoru/files/gchp_metod-mat_03.pdf (дата обращения: 20.07.2023).
2. Государственно-частное партнерство 2023. URL: <https://investmoscow.ru/business/public-private-partnership> (дата обращения: 25.07.2023).
3. Международный опыт развития ГЧП. URL: <https://research-journal.org/archive/4-82-2019-april/mezhdunarodnyj-opyt-razvitiya-gchp> (дата обращения: 25.07.2023).
4. Обзор практики применения механизмов ГЧП в сфере жилищно-коммунального хозяйства и благоустройства. URL: <https://investkuban.ru/upload/iblock/c0e/c0ed9612e28329929762f5e80059de56.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).
5. *Борщевский Г.А.* Государственно-частное партнерство: учебник и практикум. М.: Издательство «Юрайт», 2016. 344 с.
6. Федеральный закон от 13.07.2015 № 224-ФЗ «О государственно-частном партнерстве, муниципально-частном партнерстве в Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2023).
7. Развитие государственно — частного партнерства в России в 2015–2016 годах. Рейтинг регионов по уровню развития ГЧП. URL: https://investkuban.ru/_files/gchp/reitreg_in_2015_2016.pdf (дата обращения: 22.07.2023).
8. Исследование государственно-частного партнерства в России 2016–2017: рейтинг регионов. URL: https://admtyumen.ru/files/upload/OIV/D_Economy/Рейтинг%20Г%202016-2017.pdf (дата обращения: 20.07.2023).
9. Как изменился закон о ГЧП за прошедшие пять лет. URL: <https://rosinfra.ru/news/kak-za-5-let-izmenilsa-federalnyj-zakon-o-gcp-i-skolko-proektov-udalos-zapustit> (дата обращения: 22.07.2023).
10. *Александров Е.В.* Современное состояние государственно-частного партнерства в Российской Федерации // Молодой ученый. 2020. № 23 (313). С. 352–355.
11. Рынок ГЧП в России. Итоги 2019 года. URL: <https://ensib.ru/wp-content/uploads/2020/12/Рынок-ГЧП-в-России.-Итоги-2019.pdf> (дата обращения: 22.07.2023).
12. Единая информационная система ГЧП в России. URL: <http://www.pppi.ru/> (дата обращения: 25.07.2023).
13. Рынок ГЧП в РФ итоги 2021 года. URL: https://finance.rambler.ru/business/47787320/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (дата обращения: 22.07.2023).
14. Основные тренды ГЧП по итогам 2021 года. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/5b4/5b4d97fb08864dd525b2923a2b14b415.pdf> (дата обращения: 25.07.2023).
15. Инвестиции в инфраструктуру ГЧП. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf> (дата обращения: 20.07.2023).
16. Ежемесячный дайджест рынка ГЧП в России. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/ezemesacnyj-dajdzest-rynka-gcp-v-rossii-fevral-2023> (дата обращения: 20.07.2023).
17. Частное навстречу государственному // Коммерсант. 2019. 12 февраля. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880942> (дата обращения: 22.07.2023).
18. Федеральный закон от 25.02.1999 г. № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений». URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.07.2023).

19. Варнавский В.Г., Клименко А.В., Королев В.А. Государственно-частное партнерство. Теория и практика. М.: Издательство ГУ-ВШЭ, 2010. 231с.
20. Мау В. и др. Российская экономика в 2015 году. Тенденции и перспективы. М.: Издательство «Институт экономической политики им. Е.Т. Гайдара», 2016. Т. 37. 472 с.

REFERENCES

1. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo v Rossii. Regional'noe i municipal'noe GChP: tekushhee sostojanie i aktual'nye trendy* [Public-Private Partnership in Russia. Regional and Municipal PPP: Current State and Current Trends]. URL: https://investnovoros.ru/ru/v-pom-investoru/files/gchp_metod-mat_03.pdf (accessed: 20.07.2023) (In Russ.).
2. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo 2023* [Public-Private Partnership 2023] URL: <https://investmoscow.ru/business/public-private-partnership> (accessed: 25.07.2023) (In Russ.).
3. *Mezhdunarodnyj opyt razvitiya GChP* [International Experience of PPP Development].
4. URL: <https://research-journal.org/archive/4-82-2019-april/mezhdunarodnyj-opyt-razvitiya-gchp> (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
5. *Obzor praktiki primenenija mehanizmov GChP v sfere zhilishhno-kommunal'nogo hozjajstva i blagoustrojstva* [Review of the Practice of Using PPP Mechanisms in the Field of Housing and Communal Services and Landscaping]. URL: <https://investkuban.ru/upload/iblock/c0e/c0ed9612e28329929762f5e80059de56.pdf> (accessed: 20.07.2023) (In Russ.).
6. Borshhevskij G.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo: uchebnik i praktikum* [Public-Private Partnership: Textbook and Workshop]. Moscow: Izdatel'stvo "Jurajt"; 2016. 344 p. (In Russ.).
7. Federal'nyj zakon ot 13.07.2015 № 224-FZ "O gosudarstvenno-chastnom partnerstve, municipal'no-chastnom partnerstve v Rossijskoj Federacii i vnesenii izmenenij v otdel'nye zakonodatel'nye akty Rossijskoj Federacii" [Federal Law of 13.07.2015 № 224-FZ "About Public-Private Partnership, Municipal-Private Partnership in the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation"]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 20.07.2023).
8. *Razvitie gosudarstvenno — chastnogo partnerstva v Rossii v 2015–2016 godah. Rejting regionov po urovnju razvitiya GChP* [Development of Public-Private Partnership in Russia in 2015–2016. Rating of Regions by the Level of PPP Development]. URL: https://investkuban.ru/_files/gchp/reitreg_in_2015_2016.pdf (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
9. *Issledovanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossii 2016–2017: rejting regionov* [Public-Private Partnership Research in Russia 2016–2017: Rating of Regions]. URL: https://admtymen.ru/files/upload/OIV/D_Economy/Rejting%20GChP%202016-2017.pdf (accessed: 20.07.2023) (In Russ.).
10. *Kak izmenilsja zakon o GChP za proshedshie pjat' let* [How has the PPP Law Changed over the Past Five Years]. URL: <https://rosinfra.ru/news/kak-za-5-let-izmenilsa-federalnyj-zakon-o-gcp-i-skolko-proektov-udalos-zapustit> (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
11. Aleksandrov E.V. Sovremennoe sostojanie gosudarstvenno-chastnogo partnerstva v Rossijskoj Federacii [The Current State of Public-Private Partnership in the Russian Federation]. *Molodoj uchenyj*. 2020; 23 (313): 352–355 (In Russ.).
12. *Rynok GChP v Rossii. Itogi 2019 goda* [The PPP Market in Russia. Results of 2019]. URL: <https://ensib.ru/wp-content/uploads/2020/12/Rynok-GChP-v-Rossii.-Itogi-2019.pdf> (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
13. *Edinaja informacionnaja sistema GChP v Rossii* [Unified PPP Information System in Russia]. URL: <http://www.pppi.ru/> (accessed: 25.07.2023) (In Russ.).
14. *Rynok GChP v RF itogi 2021 goda* [The PPP Market in the Russian Federation Results of 2021.] URL: https://finance.rambler.ru/business/47787320/?utm_content=finance_media&utm_medium=read_more&utm_source=copylink (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
15. *Osnovnye trendy GChP po itogam 2021 goda* [The Main Trends of PPP by the End of 2021]. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/5b4/5b4d97fb08864dd525b2923a2b14b415.pdf> (accessed: 25.07.2023) (In Russ.).

16. *Investicii v infrastrukturu GChP* [Investments in PPP Infrastructure]. URL: <https://pppcenter.ru/upload/iblock/59e/59e99c63fe1b0558340251ab897b3409.pdf> (accessed: 20.07.2023) (In Russ.).
17. *Ezhemesjachnyj dajdzhest rynka GChP v Rossii* [Monthly Digest of the PPP Market in Russia]. URL: <https://rosinfra.ru/digest/documents/one/ezemesacnyj-dajdzest-rynka-gcp-v-rossii-fevral-2023> (accessed: 20.07.2023) (In Russ.).
18. *Chastnoe navstrechu gosudarstvennomu* [Private Towards Public]. *Komersant*. 2019; February 12. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/3880942> (accessed: 22.07.2023) (In Russ.).
19. Federal'nyj zakon ot 25.02.1999 № 39-FZ “Ob investicionnoj dejatel'nosti v Rossijskoj Federacii, osushhestvljaemoj v forme kapital'nyh vlozhenij” [Federal Law of 25.02.1999 № 39-FZ “About Investment Activities in the Russian Federation carried out in the Form of Capital Investments”]. URL: <http://www.consultant.ru> (accessed: 20.07.2023).
20. Varnavskij V.G., Klimenko A.V., Korolev V.A. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo. Teorija i praktika* [Public-Private Partnership. Theory and practice]. Moscow: Izdatel'stvo GU-VShJe; 2010. 231p. (In Russ.).
21. Mau V. i dr. *Rossijskaja jekonomika v 2015 godu. Tendencii i perspektivy* [The Russian Economy in 2015. Trends and Prospects]. Moscow: Izdatel'stvo “Institut jekonomicheskoy politiki im. E.T. Gajdara”; 2016: 37. 472 p. (In Russ.).

Информация об авторе:

Земсков Павел Алексеевич — аспирант факультета «Финансы» Московского финансово-промышленного университета «Синергия» (ORCID ID: 0009-0000-2401-4341) (e-mail: 9610271@mail.ru).

Information about the author:

Pavel A. Zemskov — Postgraduate Student of the Faculty of Finance, University for Industry and Finance “Synergy” (Russian Federation) (ORCID ID: 0009-0000-2401-4341) (e-mail: 9610271@mail.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-524-531

EDN: OCNVOQ

Научная статья / Research article

Увековечение воинского подвига в СССР

И.В. Акуленко

Российский государственный социальный университет,
129226, Москва, ул. Вильгельма Пика, д. 4, стр. 1

✉ ilias.iwanov@yandex.ru

Аннотация. В данной статье представлены результаты изучения форм увековечения воинской памяти в СССР. Подробно излагается информация про формы увековечения, которые могут быть реализованы, как в форме культурных традиций: песни, былины, так и в форме религиозных сооружений, мемориальных табличек и мемориальных комплексов. В наше время самыми яркими формами увековечения памяти остаются вечные огни в городах, монументальная пропаганда и присвоение имен героев Отечества знаковым объектам: аэропортам, скверам, улицам.

Ключевые слова: историческая память, увековечение, памятник, герой, мемориальная табличка, Отечество

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 05.08.2023. Принята к публикации: 20.10.2023.

Для цитирования:

Акуленко И.В. Увековечение воинского подвига в СССР // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 524–531. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-524-531>

Perpetuation of a Military Feat in the USSR

Ilia V. Akulenko

Russian State Social University,
4/1, Vilgelma Pika Str., Moscow, Russian Federation, 129226

✉ ilias.iwanov@yandex.ru

Abstract. This article presents a study of the various forms of memorialization in the former USSR, tracing their roots back to ancient Russia and examining their prevalence in modern times. The article provides a detailed overview of forms of perpetuation, encompassing cultural traditions such

© Акуленко И.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

as songs and bylinas, as well as religious buildings, memorial tablets, and memorial complexes. Technical terms are explained upon first use, and sentences are formulated with clear structure and causal connections. In contemporary times, the most prominent means of preserving historical memory are the eternal flames in urban areas, grandiloquent propaganda, and the practice of naming significant sites after the heroes of the homeland such as airports, squares, and roads.

Keywords: historical memory, memorialization, monument, hero, memorial plaque, homeland

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history: The article was submitted on 05.08.2023. The article was accepted on 20.10.2023.

For citation:

Akulenko I.V. Perpetuation of a Military Feat in the USSR. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):524–531. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-524-531>

Память о воинской доблести, ратных подвигах и воинской славе в Российском государстве сохранялась с момента образования государства. Ввиду географических особенностей нашей страны постоянно приходилось воевать. Историческая память народа бережно хранила социально значимые события, но сам процесс сохранения имел разные формы: в дописьменный период бытовали устные предания — эпосы, былины, сказания (устная форма), в которых прославлялись подвиги в основном знатных лиц. Наиболее распространенными сюжетами были гибель вождя, переход власти, военная победа или особо тяжелое поражение. Позднее военная память чаще всего увековечивалась в форме храма, объединяя увековечение подвига, историческую память о жертвенном служении Отечеству и акцентирование духовной праведности сражения — часто в художественной форме проводилась параллель между русским войском и воинством небесным [1]

В СССР история увековечения начинается сразу после февральской революции 1917 г., когда была создана Комиссия по уничтожению памятников и положено начало новым формам увековечения памяти. После Октябрьской социалистической революции снос и уничтожение памятников продолжились, так как это процесс вообще типичен для революций: подобные разрушения наблюдались и во время Великой Французской буржуазной революции, и в аналогичные периоды истории в других странах, например, в Польше в 1917 г., в бывших социалистических странах и в США в настоящее время. После образования Российской Советской Федеративной Социалистической Республики Совнарком принял декрет [2] «О памятниках Республики», в котором говорилось, что Памятники, воздвигнутые в честь царей и их слуг и не представляющие интереса ни с исторической, ни с художественной стороны, подлежат снятию с площадей и улиц и частью перенесению в склады, частью использованию утилитарного характера, решение по данному вопросу будет принимать Особая Комиссия, по соглашению с художественной коллегией Москвы и Петрограда. С этого решения СНК РСФСР началось преобразование пространства советских городов: массовое создание новых формирующих культурную среду

объектов, а также ликвидация либо изменение символического значения старых. Меморизация становится частью культурного образа городского пространства.

Нарком просвещения А.В. Луначарский вспоминал, как в 1918 г. В.И. Ленин поделился с ним своей идеей изменить городскую среду в идеологическом ключе: вписать в нее агитационные плакаты, лозунги, а также установить памятники выдающимся деятелям революции. Глава Советского государства представлял при этом город-коммуна будущего в духе Города Солнца Томмазо Кампанеллы, в котором само пространство должно воспитывать «нового человека» через различные наглядные средства: статуи, фрески, барельефы.

2 августа 1918 г. под руководством Луначарского был составлен «Список лиц, коим предложено поставить монументы в г. Москве и других городах Р. Соц. Фед. Сов. Республики», далее за подписью Ленина был опубликован в «Известиях ВЦИК». Список содержал 66 фамилий революционеров и государственных деятелей, писателей и поэтов, философов и ученых, композиторов, артистов.

В ходе реализации плана «Монументальная пропаганда» были демонтированы многие памятники, символизировавшие царскую власть. В РГАСПИ хранится «Предписание В.И. Ленина в Комиссариат народного просвещения и имуществ республики о немедленном предоставлении сведений по проведению в жизнь декрета о снятии старых памятников царизма и о замене их новыми» [3]. Обращает на себя внимание то, что уже в июне, то есть через три месяца после принятия Декрета «О памятниках республики», Ленин требовал сообщить, как идут дела, — такова, с его точки зрения, важность задачи по разработке нового визуального языка городской среды.

Одним из самых ярких примеров использования «старого» памятника, связанного с прежними культурными символами, для новых пропагандистских целей является трансформация Обелиска к 300-летию Дома Романовых в Александровском саду в Обелиск «Революционным мыслителям». По постановлению Моссовета под руководством архитектора Н. Всевожского прежний текст был сбит, и на уже существующую монументальную форму были нанесены имена великих философов и революционеров: К. Маркса, Ф. Энгельса, К. Либкнехта, Ф. Лассалья, А. Бебеля, Т. Кампанеллы, Ж. Мелье, Т. Мора, А. Сен-Симона, С. Фурье, Ж. Жореса, М. Прудона, М. Бакунина, Н. Чернышевского, П. Лаврова, Г. Михайловского и Г. Плеханова.

Не все памятники получились удачными, много критики, в том числе со стороны Луначарского и Ленина, вызвал открытый 7 ноября 1918 г. памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу (скульптор С. Мезенцев) на площади Революции — ему явно не хватало композиционной цельности. За непропорционально большой белый постамент памятник получил у москвичей ироничное название «двое в одной ванной». Монумент оказался настолько неудачным, что уже через год его демонтировали (рис. 1).

Рис. 1. Памятник К. Марксу и Ф. Энгельсу на Площади революции.

Fig. 1. Monument to K. Marx and F. Engels on Revolution Square.

Большая часть памятников, созданных по плану «Монументальной пропаганды», не сохранилась до наших дней. В обстановке первых лет советской власти, необычайно сложных для молодой республики в политическом и экономическом отношении, скульптуры создавались из любых доступных материалов: дерева, гипса, фанеры, цемента. Первые советские памятники назывались временными даже в документах, в частности в «Постановлении СНК об ассигновании Наркомпросу 30 000 рублей на работы по постановке временных памятников великим деятелям русской революции» [4]. Так, барельеф «Павшим в борьбе за мир и братство народов» на Красной площади в Москве скульптора С. Коненкова в виде аллегорической фигуры Гения Революции со знаменем на фоне восходящего солнца был выполнен из подкрашенного цемента (рис. 2).

После был утвержден список лиц, которых было принято решение увековечить [5]. Данный список дополнялся до тех пор, пока не умер Владимир Ленин. Именно памятники Ленину сделали узнаваемым культурное пространство любого советского города, став в нем своеобразной центральной точкой.

Рис. 2. Барельеф «Павшим в борьбе за мир и братство народов».

Fig. 2. Bas-relief “Fallen in the struggle for peace and brotherhood of peoples”.

Помимо точечных памятников героям военных действий и героям революции, в Советской России был создан Пантеон — некрополь у Кремлевской стены, начало существованию которого положило захоронение останков 238 участников уличных боев в две братские могилы 10 ноября 1917 г.

В 1917 году в стене захоронили 240 погибших, до сих пор известны имена лишь 57 человек. Позже у Кремлевской стены прошли новые захоронения, и было обустроено еще 15 братских могил, с 1928 года захоронения такого рода прекратились. Индивидуальные захоронения начались в 1919 г. после погребения Якова Свердлова, а затем Леонида Красина — известных революционеров и участников Гражданской войны. Центром кремлевского некрополя стал Мавзолей В.И. Ленина, построенный в 1924 г. сначала из дерева, а к 1930 г. из гранита, также в 1930 г. у стены установили однотипные монументы и надгробия. В 1930–40 годы в некрополе хоронили выдающихся летчиков, с 60-70-х годов — погибших космонавтов и крупных ученых. До 1976 г. здесь совершались погребения маршалов Советского Союза. Всего в некрополе покоятся более 400 человек, в том числе Ф.Э. Дзержинский М.В. Фрунзе, маршал К.К. Рокоссовский, конструктор С.П. Королев, знаменитые советские летчики Валерий Чкалов и Марина Раскова; руководители государства

и иностранные граждане — деятели международного коммунистического движения. Самое удивительное, что по сей день данный некрополь остается главным кладбищем страны, перед которым на Красной площади ежегодно проходит парад Победы [1. С. 49–50].

После войны в разных формах началось увековечение памяти павших защитников Отечества — воинов, ополченцев, партизан, других категорий граждан. Так, например, памятники в честь погибших за свободу и независимость нашей страны в годы Великой Отечественной войны нередко отражают не только принадлежность защитников Родины к Вооруженным Силам, но и их гражданский статус — профессию, родственные отношения, место жительства. Память о массовом героизме, о великом подвиге в борьбе против фашизма вызвала к жизни массовое патриотическое движение, пик которого в советское время пришелся на 60-е — 70-е годы XX века. По всей стране в это время создавалась сеть военно-мемориальных музеев, главная тема их экспозиции — подвиг народа в борьбе с гитлеровским фашизмом. Меморизация коснулась не только военной составляющей войны; ее содержанием стала и напряженная самоотверженная работа тружеников тыла, и подвиг юных защитников Отечества, и подвиг матерей, воспитавших сыновей и дочерей — героев, отдавших жизнь за Родину, и память о несломленных жителях блокадного Ленинграда, и героизм партизан, и многие другие сюжеты, отражавшие героическую тему «Все для фронта, все для победы!». Столь широкий охват меморизируемых объектов — особенность советского периода истории Отечества и отражение его философии — единства народа и армии, общего вклада всех слоев общества в победу нашей страны. Яркими примерами считается: Могила неизвестного солдата и вечный огонь в Александровском саду (Москва), памятник-ансамбль «Героям Сталинградской битвы» (Волгоград), мемориал защитникам Заполярья в годы ВОВ (Мурманск), комплекс на Поклонной горе и другие.

Если говорить об увековечении памяти тыловиков и детей, то яркими примерами являются монументы «Тыл—фронту» (1979 г., Магнитогорск) и «Детям войны» (2019 г, Архангельск), причем данная традиция перешла от Советского союза к современному российскому государству, прижилась и проявилась в новых формах. Например, в СССР Указом Президиума Верховного Совета СССР 8 мая 1965 года было учреждено звание «Город-герой» [7]. Почётное звание города-героя присваивалось в СССР городам, жители которых проявили «массовый героизм и мужество в защите Родины в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов». Данная традиция возымела продолжение спустя 40 лет в 2006 г. указом Президента Российской Федерации от 1 декабря 2006 года № 1340 было учреждено почетное звание: Город воинской славы — почётное звание Российской Федерации, присваивалось отдельным городам Российской Федерации «за мужество, стойкость и массовый героизм, проявленные защитниками города в борьбе за свободу и независимость Отечества», а в 2020 г. «в целях увековечения подвига

тружеников тыла во время Великой Отечественной войны 1941–1945 годов» было установлено новое почётное звание Российской Федерации — Город трудовой доблести [8].

Заключение

С момента образования Советского государства закона об увековечении памяти не было вплоть до Великой Отечественной войны, данные вопросы решались локальными нормативно-правовыми актами, примеров которых большое количество, одним из которых было решено увековечить память погибших 25.03.1936 в бою с японцами, согласно которому было принято решение переименовать село и поставить памятник на могиле погибших в бою [6], также подобные нормативно правовые акты могли носить персонифицированный характер, как в случае с увековечением памяти т. Кирова [9]. После окончания ВОВ данная работа стала носить систематический характер. А перенос поста № 1 Почётного караула у Вечного огня на Могиле Неизвестного Солдата у стен Московского Кремля, который изначально был установлен у Мавзолея Ленина в 1924 г., а в 1997 г. восстановлен в Александровском саду, лишний раз подтверждает факт преемственности традиций увековечения.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Кудинский В.Б., Кирилина А.В., Кузнецов О.В., Миронов И.Ю., Сисецкий И.Б., Слепов Б.В., Таранов А.Л., Усик А.Ф., Шелудченко П.Е.* Управление по увековечению памяти погибших при защите отечества в историческом контексте. Коллективная монография. М.: Издательство и типография «Лантана принт», 2021.
2. Декрет от 12 апреля 1918 г. «О снятии памятников, воздвигнутых в честь царей и их слуг, и выработке проектов памятников Российской социалистической революции».
3. Решение Председателя совета Народных комиссаров № 4032 от 15 июня 1918 г.
4. Постановление совета Народных комиссаров № 4940 от 29 июня 1918 г.
5. Постановление СНК РСФСР о постановке в Москве памятников 50 великим людям. 18 июля 1918 г.
6. Решение Политбюро ЦК ВКП (б) № 39 от 20 мая 1936 г. п. 34 «Об увековечении памяти погибших 25.03.36 в бою с японцами».
7. Указ Президиума Верховного совета СССР № 3566 от 8 мая 1965 об учреждении положения «Город-герой».
8. Федеральный закон № 41-ФЗ от 01.03.2020 г. «О почетном звании Российской Федерации «Город трудовой доблести».
9. Выписка из протокола № 19 заседания объединенного бюро Областкома и ЛК ВКП (б) от 11 декабря 1934 г. с решением «Об увековечении памяти т. Кирова».

REFERENCES

1. Kudinsky V.B., Kirilina A.V., Kuznetsov O.V., Mironov I.Yu., Sisetsky I.B., Slepov B.V., Taranov A.L., Usik A.F., Sheludchenko P.E. *Upravlenie po uvekovecheniju pamjati pogibshih pri zashhite otechestva v istoricheskom kontekste. Kollektivnaja monografija*. [The Department for Perpetuation of the Memory of those who Died in Defense of the Fatherland in the Historical Context. Collective monograph]. Moscow: Lantana Print; 2021 (In Russ.).

2. *Dekret ot 12 aprelya 1918 g. «O snjatii pamjatnikov, vozdvignutyh v chest' carej i ih slug, i vyrabotke proektov pamjatnikov Rossijskoj socialisticheskoj revoljucii»* [Decree of 12 April 1918. “On the Removal of Monuments Erected in Honour of the Tsars and Their Servants and the Elaboration of Projects of Monuments of the Russian Socialist Revolution”] (In Russ.).
3. *Reshenie Predsedatelja soveta Narodnyh komissarov № 4032 ot 15 ijunja 1918 g.* [Decision of the Chairman of the Council of People’s Commissars No. 4032 dated 15 June 1918] (In Russ.).
4. *Postanovlenie soveta Narodnyh komissarov № 4940 ot 29 ijunja 1918 g.* [Resolution of the Council of People’s Commissars No. 4940 dated 29 June 1918] (In Russ.).
5. *Postanovlenie SNK RSFSR o postanovke v Moskve pamjatnikov 50 velikim ljudjam. 18 ijulja 1918 g.* [Decree of the Council of People’s Commissars of the RSFSR on Erecting Monuments to 50 Great People in Moscow. 18 July 1918] (In Russ.).
6. *Reshenie Politbjuro CK VKP (b) № 39 ot 20 maja 1936 g. p. 34 «Ob uvekovechenii pamjati pogibshih 25.03.36 v boju s japoncami».* [Decision of the Politburo of the Central Committee of the All-Union Communist Party of Bolsheviks (b) No. 39 of 20 May 1936, Issue 34 “On Immortalising the Memory of those Who Died 25.03.36 in the Battle with the Japanese”] (In Russ.).
7. *Ukaz Prezidiuma Verhovnogo soveta SSSR № 3566 ot 8 maja 1965 ob uchrezhdenii polozenija «Gorod-geroj».* [Decree of the Presidium of the Supreme Soviet of the USSR № 3566 of 8 May 1965 on the Establishment of the Position of “Hero-City”] (In Russ.).
8. *Federal’nyj zakon № 41-FZ ot 01.03.2020 g. «O pochetnom zvanii Rossijskoj Federacii «Gorod trudovoj doblesti».* [Federal Law No. 41-FZ of 01.03.2020. “On the Honorary Title of the Russian Federation “City of Labour Valour”] (In Russ.).
9. *Vypiska iz protokola № 19 zasedanija ob#edinennogo bjuro Oblastkoma i LK VKP (b) ot 11 dekabnja 1934 g. s resheniem «Ob uvekovechenii pamjati t. Kirova».* [Extract from the Minutes № 19 of the Meeting of the United Bureau of the Regional Committee and LC of the All-Union Communist Party of 11 December 1934 with the Resolution “On Immortalising the Memory of Kirov”] (In Russ.).

Информация об авторе:

Акуленко Илья Вячеславович — сотрудник департамента по увековечению памяти погибших при защите Отечества Министерства обороны Российской Федерации, аспирант кафедры комплекса гуманитарных дисциплин (субъект-субъектные отношения) Российского государственного социального университета (e-mail: ilias.iwanov@yandex.ru).

Information about the author:

Ilija V. Akulenko — Employee of the Department for Perpetuating the Memory of those Killed in the Defense of the Fatherland, Ministry of Defense of the Russian Federation; Postgraduate Student of the Department of Complex Humanities (Subject-Subject Relations), Russian State Social University (Russian Federation) (e-mail: ilias.iwanov@yandex.ru).

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

CURRENT PROBLEMS OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-532-542

EDN: OBDKLO

Научная статья / Research article

Использование современных технологий блокчейн для повышения уровня доверия в обществе

Д.А. Громыко

Российский университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы,
117198, Россия, Москва, Миклухо-Маклая ул., д. 6

✉ da_gromyko@rudn.ru

Аннотация. Одной из актуальных проблем современного мира является проблема доверия к власти. Процедура выборов является важнейшим событием в жизни общества, влияет на будущее страны. Снижение доверия к власти, в том числе к выборам, приводит к уязвимости процесса голосования и подсчёта результатов. В свою очередь, стремительное развитие информационных технологий, автоматизация и компьютеризация процессов, затрагивающие практически все сферы жизнедеятельности, кроме всего прочего, оказывает повсеместное влияние на функционирование государственных институтов. Одной из основных задач, решаемых новыми технологиями, является повышение уровня доверия в обществе. Настоящей революцией в мире информационных технологий стали блокчейн, или распределенные реестры, которые нашли применение во многих сферах, в том числе при организации процедуры выборов на разных уровнях. Использование технологии блокчейн в выборном процессе может помочь в решении проблемы доверия, так как обеспечивается прозрачность, надежность и конфиденциальность голосования, а также минимизируется возможность подделки результатов. В частности, в системе, разработанной на основе блокчейн, голосование может проходить анонимно, без участия посредников и промежуточных технологий. В статье рассмотрена проблема доверия к государственным институтам, выделены проблемы выборного процесса, представлено описание решения с использованием технологии блокчейн, приведены примеры существующих систем, используемых во время выборной процедуры. Сделан вывод о том, что внедрение блокчейн технологии в выборный процесс позволит обеспечить более прозрачный и безопасный процесс голосования и существенно повысить уровень доверия к власти.

Ключевые слова: доверие, блокчейн, распределенные системы коммуникаций, цепочки блоков, распределенные реестры, выборы, голосование

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 06.07.2023. Принята к публикации: 20.10.2023.

© Громыко Д.А., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Для цитирования:

Громыко Д.А. Использование современных технологий для повышение уровня доверия в обществе // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 532–542. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-532-542>

The Use of Modern Technologies to Increase the Level of Trust in Society

Denis A. Gromyko

RUDN University,
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

✉ da_gromyko@rudn.ru

Abstract. One of the pressing issues of the modern world is the problem of trust in government. The election process is a pivotal event in society's life, influencing a country's future. Decreased trust in authority, including elections, leads to vulnerability in the voting and result tallying process. Simultaneously, the rapid advancement of information technology, automation, and computerization affecting almost all spheres of life, among other things, has a widespread impact on the functioning of government institutions. One of the key tasks addressed by new technologies is increasing trust levels in society. Blockchain technology, or distributed ledgers, has revolutionized the world of information technology and found applications in various domains, including the organization of elections at different levels. The use of blockchain technology in the electoral process can help address the trust issue by ensuring transparency, reliability, and confidentiality in voting, while minimizing the possibility of result tampering. In a blockchain-based system, voting can occur anonymously without intermediaries and intermediate technologies. This article examines the problem of trust in government institutions, highlights issues in the electoral process, presents a description of the blockchain technology-based solution, and provides examples of existing systems used during the electoral process. It concludes that the implementation of blockchain technology in the electoral process will ensure a more transparent and secure voting process, significantly increasing trust in authority.

Keywords: trust, blockchain, distributed communication systems, block chains, distributed registries, elections, voting

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 06.07.2023. The article was accepted on 20.10.2023.

For citation:

Gromyko D.A. The Use of Modern Technologies to Increase the Level of Trust in Society. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):532–542. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-532-542>

Введение

Современное общество находится в постоянном поиске эффективных способов повышения уровня доверия в различных сферах жизни. С увеличением потока информации и сложностью взаимодействий, проблема доверия к власти, бизнесу и другим институтам стала актуальной и требует новых решений. В данной статье исследуется роль современных технологий, таких как блокчейн и цифровые платформы, в контексте повышения уровня доверия в обществе.

Мы рассмотрим, какие возможности предоставляют эти технологии для обеспечения прозрачности, безопасности и эффективности выборных процессов. Анализируя успешные примеры применения этих инноваций, попытаемся выявить ключевые факторы и практики, способствующие повышению доверия в современном обществе.

Статья призвана исследовать, как современные технологии могут стать инструментами для укрепления доверия и создания более стабильных и ответственных общественных отношений. Будут обсуждены возможные вызовы и ограничения, связанные с внедрением этих инноваций, и предоставлены рекомендации для их успешного использования в будущем. Цель статьи — показать перспективы того, как технологии могут содействовать созданию более доверительного и устойчивого общества.

Феномен доверия

Доверие к власти и к ее политическим институтам является основным элементом гражданской политической культуры. Без доверия нет ни гражданского общества, ни сильной политической власти.

Проблематика доверия, в том числе источники сохранения доверия, рассматривается в социально-политических науках совместно с такими понятиями, как свобода и равенство, во взаимоотношениях между государством и гражданским обществом, между отдельными социальными институтами, социальными группами и гражданами как внутри страны, так и в международных отношениях.

В прошлом общественные ценности, в том числе доверие, поддерживались традициями, обществом, церковью.

Вместе с тем наряду с всеобщим признанием значения доверия до настоящего времени отсутствует четкое определение самого этого понятия.

Кроме того, разногласия научного сообщества вызывают следующие вопросы [1. Р. 90]:

- на чем основано доверие — на расчете или на обычае;
- какие аспекты управления связаны с доверием;
- что лежит в основе доверия — эгоистические или альтруистические мотивы.

Исторически сформировалось как минимум четыре группы ученых, которые рассматривают доверие с различных сторон.

В частности, доверие как уверенность в действиях других людей, основанная на чувстве и ощущении, а не на рациональном расчете, рассматривает научная группа таких зарубежных обществоведов, как Ф. Фукуяма, Г. Зиммель, Т. Парсонс, Э. Гидденс и др. [2]

Так, Ф. Фукуяма определяет доверие как «возникающее у членов сообщества ожидание того, что другие его члены будут вести себя более или менее предсказуемо, честно и с вниманием к нуждам окружающих, в согласии с некоторыми общими нормами. Кое-что из этих норм относится к сфере «фундаментальных ценностей» (понимание справедливости), однако в их число

входят и такие вполне светские вещи, как профессиональные стандарты и корпоративные кодексы поведения» [3. С. 52].

Также Ф. Фукуяма определил неизменные для любой социальной группы базовые характеристики доверия. При этом у каждой социальной группы свое понимание этих «фундаментальных ценностей» и представление категории доверия на основании собственного восприятия действительности [4. С. 185].

Другая группа ученых (П. Штомпка, Д. Гамбетта, А. Селигмен, Дж. Коулмэн и Х. Уайт) определяет доверие как феномен, присущий исключительно современным типам общества [5], который строится на рациональном расчете, что в свою очередь помогает гражданину ориентироваться в современном обществе неопределенности и риска [6].

Так, П. Штомпка определяет доверие как ставку «в отношении будущих непредвиденных действий других». При этом доверие (недоверие) выступает как важный показатель отношения людей друг к другу и к тому обществу, в котором они живут. Кроме того, доверие является одной из характеристик социальных ожиданий и поведенческих стратегий граждан.

По мнению ученого, для роста доверия в какой-либо сфере должны создаться, развиваться и поддерживаться объективные условия, в том числе для оказания позитивного влияния на личностные интересы индивидуумов.

Но существующие субъективные желания, потребности и творческие стремления, в свою очередь должны встраиваться в доверительный тип культурного взаимодействия, зачастую в ущерб личностным интересам.

Еще один взгляд на доверие был сформулирован группой ученых под руководством Н. Лумана. Из определения немецкого ученого следует, что доверие — это «рискованный аванс, с помощью которого мы все-таки можем решить проблему неопределенности». При этом выделено два уровня доверия — характеристика на уровне межличностных отношений (микроуровень) и доверие в обществе (макроуровень) [7].

Четвертая группа под руководством известного американского социолога А. Селигмена определила доверие как «функцию деятельности социальных акторов, которая реализуется» [8].

В самом общем и абстрактном виде А. Селигмен утверждает, что потребность в долговечных, стабильных и обладающих всеобщим признанием структурах доверия коренится в фундаментальном индетерминизме социального взаимодействия. Этот индетерминизм отношений между социальными акторами, между социальными акторами и их целями, между социальными акторами и ресурсами приводит к принципиальной непредсказуемости общественной жизни, несмотря на универсальность человеческой взаимозависимости.

Из этого следует, что любая перспективная попытка построения социального порядка и целостных систем социального взаимодействия должна быть основана на развитии стабильных отношений взаимного доверия между социальными субъектами.

Доверие в гражданском обществе

Так как от доверия напрямую зависит функционирование общественных структур, то проблема доверия играет важную роль в гражданском обществе.

В современном обществе граждане не всегда доверяют не только друг другу, но также не доверяют организациям и институтам, которые составляют гражданское общество.

Наиболее яркие примеры возникновения проблемы доверия можно было увидеть во время финансового кризиса 2008 года и пандемии COVID-19 [9]. В подобные периоды масштабных катаклизмов граждане чувствуют себя уязвимыми и часто обращаются к правительству и иным организациям за помощью и поддержкой. При этом низкий уровень доверия к властям приводит к тому, что граждане не верят в достоверность информации и действий своего правительства.

Одним из путей решения проблемы доверия является установление прозрачности и открытости в деятельности организаций и институтов, в том числе правительства и выборных институтов.

Открытость, прозрачность, доступность и понятность общения между гражданами и институтами позволит населению лучше понять действия государственных организаций и правительства, способствовать росту эффективности работы государственных институтов, улучшению их взаимодействия с гражданским обществом, повышению уровня доверия к властям.

Доверие в выборной системе

Несмотря на неопределенность такого понятия, как «доверие», во взаимоотношениях власти и общества оно играет существенную роль, в том числе формирует моральную обстановку в обществе, которая способствует развитию и эффективному решению проблем.

Фактор доверия приобретает юридическую значимость во взаимоотношениях гражданина и государства, так как на его основе выстраивается весь комплекс отношений по формированию и функционированию представительной системы [10].

Так как в современном мире господствующим легитимирующим принципом является принцип суверенитета народа, то Конституция способствует тому, что властные полномочия осуществляются соответствующими органами в соответствии с волей и доверием народа [11].

Иначе говоря, народ, избирая депутатов, главу государства и т.п., оказывает доверие и делегирует право на осуществление конституционной власти, которая может и должна осуществляться в предусмотренных конституцией формах и установленных ею пределах [12. С. 36].

Следует отметить, что важнейшим показателем этого доверия становятся выборы. При этом следует понимать, что, когда выбор очевиден, в нем нет никакой нужды. Когда выбор не очевиден, его результат легко фабрикуется и подтасовывается, обрастая множеством спекуляций [13].

Проблемы существующих выборных систем

О недоверии к выборам как способу формирования правящего социального слоя известно еще с эпохи древнегреческого философа Платона.

Процедура голосования не обеспечивает и не гарантирует выбор наиболее достойных людей. Достойные могут туда попасть, а могут и не попасть, гарантий нет никаких. Избирателя можно подкупить, обмануть, запугать.

Вековой опыт выборных кампаний и с выборщиками, и без выборщиков показал, что при прочих равных условиях порядочному кандидату на выборах не победить, так как он никогда не позволит себе приёмы борьбы, до которых опускается непорядочный оппонент. И чем выше ступень выборов, тем выше уровень нравственного падения ее участников.

Нормальный обыватель относится к выборным инструментам с очень и очень большим подозрением, и негативом, недоверием и внутренним неприятием выборных решений.

Пути решения

Чтобы повысить доверие именно к выборной процедуре, и уже как следствие к властным структурам, необходимо, чтобы механизм стал максимально прозрачным и достоверным, а также реально анонимным.

При этом граждане должны осознавать, что отсутствует любая возможность подтасовки документов для голосования, а также возможность уничтожения результатов.

Кроме того, необходимо реализовать процедуру, которая позволит любому гражданину, а также правоохранительным и надзирающим органам, просмотреть и проверить всю цепочку сбора и подсчета голосов.

Таким образом, гражданин должен понимать защищенность, прозрачность, анонимность и достоверность всего механизма голосования.

С введением пандемийных ограничений, которые повлияли на многие сферы жизнедеятельности человека, появился тренд на внедрение дистанционного электронного голосования, на сам выборный механизм.

Реализация указанного механизма подразумевает повышенные требования к безопасности самого избирательного процесса, его открытости и гласности, эффективной и прозрачной нормативной базе.

Распределенные системы

На современном этапе развития информационных технологий одним из перспективных направлений в сфере хранения и обработки данных является распределенность [14].

Так, в 1964 году американский ученый Пол Бэрэн наряду с централизованными и децентрализованными системами коммуникаций предложил идею распределенной системы (peer-to-peer) [15].

Идея заключается в отсутствии единого центра принятия решений, что позволяет отдельным узлам осуществлять коммуникации друг с другом напрямую.

Примерами использования распределенных систем являлись пиринговая сеть для обмена музыкой Napster (1999 год) и протокол обмена данными BitTorrent (2001 год).

Известным проектом использования распределенных реестров на государственном уровне является e-Estonia.

Начиная с 1994 года, в рамках указанного проекта власти Эстонии начали работу по предоставлению доступа к электронным сервисам, связавших государственный и частный секторы. После формулирования Принципов информационной политики Эстонии в 1996 году была разработана общенациональная инициатива по развитию ИТ-инфраструктуры Tiger Leap.

В том числе были созданы и внедрены решения для онлайн-банкинга (e-Banking). Далее были разработаны и внедрены база данных и планировщик для потоковой передачи процессов принятия управленческих решений (e-Cabinet), налоговая онлайн декларация (e-Tax), оплата парковок с телефона (M-Parking), распределенный уровень обмена данными для регистров и информационных систем (X-Road), система цифровой идентификации (e-ID), а также электронная медицинская карта (EHR) и, конечно же, система онлайн-голосования (i-Voting). Системы электронного рецепта, электронного правительства с использованием элементов искусственного интеллекта успешно функционируют на платформе e-Estonia и помогают оптимально организовать работу государственных учреждений.

Технология блокчейн

Следует отметить, что наибольшую популярность распределенные реестры получили после реализации технологии цепочки блоков — технологии блокчейн.

Впервые описание работы данной технологии содержалось в статье «Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic cash system» [16]. Суть состоит в безопасном распределённом хранении информации на электронных носителях без возможности её удаления и изменения.

Блокчейн представляет собой «распределенную базу данных, которая содержит информацию обо всех транзакциях, проведенных всеми участниками системы. Информация хранится в виде «цепочек блоков», в каждом из которых содержится определенное число коммуникаций».

Сохранённая в блокчейне информация равномерно распределяется между работающими компьютерами [17].

Первая практическая реализация технологии блокчейн — создание криптовалюты биткоин [18].

Технология блокчейн обладает такими достоинствами, как прозрачность и анонимность, все операции в сети совершаются открыто, любое лицо может ознакомиться с историей совершаемых транзакций, но не сможет получить информацию о фактическом отправителе и получателе.

Все участники системы блокчейн получают доступ к информации при помощи специальных уникальных ключей, представляющих из себя индивидуальный набор криптографических записей, которые не может получить постороннее лицо.

Обобщая вышесказанное, можно с уверенностью утверждать, что технология блокчейн позволяет решить проблему доверия за счет следующих принципов.

1. Децентрализация: в блокчейне отсутствует центральный контролирующий орган, данные хранятся на распределенных узлах, каждый узел имеет копию данных и проверяет их на достоверность.
2. Прозрачность: любой участник сети может проверить все записанные в блокчейн транзакции.
3. Безопасность: блокчейн использует криптографические алгоритмы для защиты данных от хакеров и злоумышленников. Каждый блок данных имеет уникальную цифровую подпись, которая позволяет проверить его на подлинность.
4. Неизменяемость данных: данные в блокчейне нельзя изменить или удалить без согласия большинства узлов. Это обеспечивает надежность и стабильность системы.

Использование же технологии смарт-контрактов позволяет автоматически исполнять заранее запрограммированные действия, в том числе транзакции, при наступлении определенных условий. Такой инструмент исключает вмешательство третьих лиц, нивелирует человеческий фактор, обеспечивает безопасность проведения транзакций, а также комплексов транзакций.

Использование технологии блокчейн в системе выборов

Все вышеуказанные принципы и механизмы позволяют создать децентрализованную, безопасную, надежную и прозрачную среду, которая решает проблему доверия между участниками какого-либо процесса, в том числе процесса выборов.

В частности, блокчейн может использоваться для записи результатов выборов, для проверки легитимности голосования и избирательных процессов. Действия участников выборного процесса становятся прозрачными и открытыми для всех. Данные, записанные в блокчейн, защищены криптографической подписью, их невозможно подделать или изменить без согласия всех участников.

Внедрение технологии блокчейн в сферу выборов позволяет улучшить процесс голосования, устраняет возможность мошенничества, позволит повысить доверие граждан к результатам голосования и деятельности государственных органов.

Примером реализации технологии блокчейн в сфере выборов является проект Aqora, который был протестирован в рамках выборов в Сьерра-Леоне в 2018 году [19].

В тайном (анонимном) голосовании приняли участие около 70 % избирателей [20], что не в последнюю очередь объясняется применением технологии блокчейн.

Записи о каждом избирательном голосе сохранялись в блокчейне. После подсчёта голосов и опубликования результатов голосования эти записи стали доступны для скачивания и изучения всеми желающими.

Т.о., применение технологии блокчейн позволит сделать избирательный процесс более открытым и полностью проверяемым. Применение данной технологии также существенно снижает расходы на проведение выборов, т.к. как минимум отпадает необходимость выпуска бюллетеней для голосования.

Еще одним примером является блокчейн-проект Департамента информационных технологий Правительства г. Москвы (ДИТ). Так, департаментом в 2019 году в трех избирательных округах Москвы (Чертаново, Бибирево и в Зеленограде) была опробована блокчейн технология при проведении электронного голосования на выборах в Мосгордуму муниципальных выборов [21].

Выбрать своего кандидата можно было не выходя из дома. Кроме того, использование технологии блокчейн позволило обеспечить анонимность и прозрачность выборного процесса.

Заказчиком блокчейн-проекта выступил ЦИК РФ. Целью было проведение публичного и абсолютно прозрачного, экспериментального голосования.

В ходе международного конкурса на взлом системы, более 40 независимых экспертов по информационной безопасности и криптографии смогли проверить защиту инфраструктуры портала mos.ru и серверов от возможных DDoS-атак, протестировать алгоритмы шифрования.

Дальше всех продвинулся французский криптограф Пьеррик Годри. Он обнаружил, что приватный ключ 256×3 не обеспечивал достаточную стойкость шифрования, и выложил математический код, который осуществляет расшифровку данных.

За свои рекомендации П. Годри получил приз в 1 миллион рублей. Вторую половину призового фонда разделили другие участники эксперимента: они сделали важные замечания по работе формы и выявили потенциальные уязвимости системы. Устойчивость системы, созданной на блокчейне, также показал проведенный краш-тест.

При этом следует отметить, что реализованная система не является классическим блокчейн-кейсом, так как она контролируется со стороны органов исполнительной власти.

Проблемы при внедрении технологии в выборный процесс

Чтобы ввести в практику технологию блокчейн (даже на муниципальных и региональных выборах в России), потребуется провести грандиозную просветительскую работу по информированию граждан, их регистрации, а также по разработке, внедрению и настройке данной системы.

Помимо вышеперечисленных организационных мер придётся также внести соответствующие изменения в нормы действующего избирательного законодательства.

Заключение

Таким образом, применение технологии блокчейн может быть использовано для совершенствования выборов любого уровня, от муниципальных до федеральных (как парламентских, так и президентских).

Использование во время выборов технологии блокчейн дает возможность организовать процедуру таким образом, чтобы обеспечить максимальную прозрачность и безопасность.

Такой подход является одним из эффективных шагов по повышению доверия к власти и властным институтам, особенно если в обществе отсутствует атмосфера справедливости [22]. И если избиратель будет точно понимать, что подтасовать выборы и сделать выбор за него не представляется возможным, и что реально избранный кандидат будет избран, то это может стать одним из параметров, который придаст властным структурам устойчивость и в конечном счете поднимет доверие к народным избранникам и их деятельности.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. *Kautonen T.* Trust as a Governance Mechanism in Inter-firm Relations: Conceptual Considerations // *Evolutionary and Institutional Economics Review*. Tokyo, 2006. Vol. 3. № 1. P. 89–108.
2. *Никитина Ю.Н.* Доверие как элемент структуры рынка страхования жизни. URL: http://www.ecsoc.msses.ru/pdf/ecsoc_t8_n1.pdf/ (дата обращения: 20.08.2023).
3. *Фукуяма Ф.* Доверие: Социальные добродетели и путь к процветанию М.: АСТ: Ермак, 2004.
4. *Мильнер Б.З.* Теория организации: Учебник для студентов вузов, обучающихся по специальности «Государственное и муниципальное управление» // Менеджмент организации. 4-е изд., переработ. доп. М.: ИНФА-М, 2004.
5. *Штомпка П.* Социология. Анализ общества / Пер. с польского. М., 2005
6. *Фреик Н.В.* Концепция доверия в исследованиях П. Штомпки. URL: http://www.ecsocman.edu.ru/images/pubs/2007/08/14/0000310977/002_Freik.pdf/ (дата обращения: 20.08.2023).
7. *Luhmann N.* Trust and Power. Chichester: John Wiley and Sons Inc., 1979.
8. *Селигмен А.* Проблема доверия. Перевод с англ. И.И. Мюрберг, Л.В. Соболевой. М.: Идея-Пресс, 2002.
9. *Баранов Н.А.* Выборы как институт доверия: особенности функционирования в условиях пандемии COVID-19 // *Управленческое консультирование*. 2021. № 10.
10. *Кокотов А.Н.* Доверие. Недоверие. Право. М.: Юрист, 2004. С. 112–113.
11. *Кравец И.А.* Конституционная теология и основы конституционного строя. М.: Издательские решения, 2016. С. 24–25.

12. *Эбзеев Б.С.* Народ, народный суверенитет и представительство: доктринальные основы и конституционная практика // Государство и право. 2016. № 4.
13. *Фатенков А.Н.* Как вернуть себе доверие к выборам? // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2019. № 1 (45).
14. *Кутейников Д.Л.* Особенности применения технологий распределенных реестров и цепочек блоков (блокчейн) в народных голосованиях // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 9 (106)
15. *Varan P.* On Distributed Communications // Rand Corporation. URL: https://www.rand.org/content/dam/rand/pubs/research_memoranda/2006/RM3420.pdf/ (дата обращения: 20.08.2023).
16. *Nakamoto S.* Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System. URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf/> (дата обращения: 20.08.2023).
17. Что такое технология блокчейн простыми словами? URL: <https://www.bitbetnews.com/криптовалюты/что-такое-технология-блокчейн-простыми-словами/html/> (дата обращения: 20.08.2023).
18. Не биткоином единым. Блокчейн — технология будущего. URL: <http://racurs.ua/1690-ne-bitkoinom-edinum-blokchejn-tehnologiya-buduschego/> (дата обращения: 20.08.2023).
19. *Алексеев Р.А.* Блокчейн как избирательная технология нового поколения — перспективы применения на выборах в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2018. № 2.
20. *Сычёв В.* В Сьерра-Леоне прошли блокчейн-выборы президента. URL: <https://nplus1.ru/news/2018/03/15/votes/> (дата обращения: 20.08.2023).
21. Кибервыборы v1.0: как создавалась система блокчейн-голосования в Москве // Компания ДИТ. URL: <https://habr.com/ru/specials/480152/> (дата обращения: 20.08.2023).
22. *Иванов В.Г.* Кризис концепции технократии в контексте изучения пост-индустриального общества // Вопросы гуманитарных наук. 2007. № 1. С. 428–433.

Информация об авторе:

Громько Денис Александрович — сотрудник кафедры государственного и муниципального управления Российского университета дружбы народов имени Патриса Лумумбы (e-mail: da_gromyko@rudn.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-543-551

EDN: NRHNMM

Обзорная статья / Review article

Изучение политических ценностей в цифровом пространстве: обзор российских и зарубежных исследований

А.Ю. Невмержицкий¹ , С.Ю. Белоконев^{1,2}

¹Финансовый университет при правительстве РФ,
126167, Россия, Москва, Ленинградский просп., 49

²Государственный университет управления,
109542, Россия, Москва, Рязанский просп., 99

 221650@edu.fa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются лучшие практики изучения политических ценностей респондентов в контексте высокой степени цифровизации. В процессе возрастания роли Интернета возникает потребность изучения паттернов поведения пользователей в сетевом пространстве. Целью же данной статьи является выработка оптимального дизайна научной работы для исследования когнитивно-ценностной структуры мировоззренческих моделей современного россиянина. В основе статьи лежит анализ нормативно-правовых актов. Автор предполагает, что гибридная стратегия исследования и триангуляция методов является ключевым фактором в разработке программы научной работы в условиях цифрового перехода в обществе. Рассмотренные материалы содержат важные для понимания подходов и методик изучения политических ценностей респондентов.

Ключевые слова: политические ценности, киберметрия, социально-медийный анализ, информационное общество, мировоззренческие модели, когнитивно-ценностная структура

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке Министерства науки и высшего образования РФ (Государственное задание в сфере научной деятельности, проект № FENW-2023–0059, тема: «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия»).

История статьи:

Поступила в редакцию: 20.09.2023. Принята к публикации: 30.10.2023.

Для цитирования:

Невмержицкий А.Ю., Белоконев С.Ю. Изучение политических ценностей в цифровом пространстве: обзор российских и зарубежных исследований // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 543–551. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-543-551>

Studying the Political Values in the Digital: The Review of Russian and Foreign Cases

Alexander Yu. Nevmerzhtsky¹ , Sergey Yu. Belokonev^{1,2}

¹Financial University under the Government of the Russian Federation,
49, Leningradsky prospect, Moscow, Russian Federation, 126167

²State University of Management,
99, Ryazansky prospect, Moscow, Russian Federation, 109542

 221650@edu.fa.ru

Abstract. The article discusses the best practices for studying the political values of respondents in the context of a high degree of digitalization. In the process of increasing the role of the Internet, there is a need to study the patterns of user behavior in the network space. The purpose of this article is to develop an optimal design of a scientific work for the study of the cognitive-value structure of worldview models of a modern Russian. The article is based on the analysis of regulatory legal acts. The author suggests that a hybrid research strategy and triangulation of methods is a key factor in the development of a scientific work program in the context of the digital transition in society. The reviewed materials contain important for understanding the approaches and methods of studying the political values of the respondents.

Keywords: political values, cybermetrics, social and media analysis, information society, worldview models, cognitive-value structure

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Acknowledgements: The study was carried out with the financial support of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (State assignment in the field of scientific activity, project No. FENW-2023-0059, topic: “Cognitive-value Structure of Worldview Models of Modern Russians: Generational and Regional Differences”).

Article history:

The article was submitted on 20.09.2023. The article was accepted on 30.10.2023.

For citation:

Nevmerzhtsky A. Yu., Belokonev S. Yu. Studying the Political Values in the Digital: The Review of Russian and Foreign Cases. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023; 10(4): 543–551. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-543-551>

Ценности — это фундамент любого общества. Каждая социальная система создаёт, сохраняет и трансформирует ценности для поддержания своей целостности [1]. Ценности играют роль своеобразных правил, которые передаются от человека к человеку и объединяют общество, культуру и личность [2]. Если бы общество не владело ценностной системой, то оно не могло бы эффективно достигать групповых целей [3].

Для изучения ценностей учёные традиционно проводят так называемые полевые исследования — приезжают в места проживания интересующей социальной группы и собирают необходимую информацию на месте. К примеру, американский исследователь Э. Бэнфилд на 11 месяцев отправился в деревню на Юге Италии, где наблюдал за жизнью незнакомого ему сообщества [4].

Сегодня российские исследователи тоже бороздят просторы страны в поисках ответов на разные актуальные вопросы. К примеру, А. Токарев совместно с командой посетил 18 населённых пунктов 14 российских регионов [5]. Для изучения российского образа будущего авторы проводили фокус-группы и использовали психографический метод — респонденты не только рассказывали о России 2030 г., но и рисовали её. В свою очередь, С. Павленко и П. Павленко провели серию неформализованных интервью с сотрудниками полиции. Исследователи изучали ролевые модели взаимодействия полицейских с местными жителями, органами власти и руководством МВД [6]. Основываясь на концепции «культурологического анализа классов», авторы исследования Е. Полухина, А. Стрельникова и А. Ванке на время поселились в районе Уралмаш города Екатеринбурга и провели 15 интервью с рабочими Уралмашзавода, 8 экспертных интервью и полевых наблюдений, чтобы выяснить трансформацию идентичности рабочего класса в трех различных временных периодах социально-экономического развития России [7]. Другое эмпирическое исследование провела Ю. Карпич: она провела глубинные интервью с верующими в Липецкой области в 2019–2020 гг. для изучения взаимосвязи между религиозностью и политическим выбором православных верующих россиян [8]. Е. Бердышева анализировала ценность заботы о здоровье с помощью серии глубинных интервью с россиянами [9]. Помимо качественных методик проведения исследования для изучения ценностей социальные группы, применяются количественные — к примеру, массовый опрос в формате онлайн-анкетирования. Так, Е. Бродовская и А. Домбровская провели собрали 1500 анкет в ходе онлайн-опроса, для изучения взаимосвязи между ценностным и компетентным выбором российской молодёжи [10].

Однако широкая цифровизация и сетевизация общественной жизни предоставили новые возможности по изучению ценностей общества. Направления исследовательских работ начинаются от оценки цифровых компетенций конкретной социальной группы до поиска взаимосвязи между политическим взглядами и «цифровыми следами» той или иной группы пользователей. Сегодня существует несколько крупных «школ», которые предлагают свои исследовательские дизайны для изучения ценностей: Институт гуманитарных технологий в сфере социального компьютеринга использует методику интеллектуального поиска и анализа данных, Центр цифрового будущего Университета Лос-Анжелеса — методику исследования национальных интернет-аудиторий мирового интернет-проекта.

Впрочем, изучение ценностей в цифровом пространстве тоже предполагает сбор информации в офлайн или онлайн формате. К примеру, Е. Бродовская совместно с А. Синяковой и М. Давыдовой провели офлайн исследования. Они провели массовый опрос (13 тыс. респондентов) в Ставропольском крае для изучения цифровых компетенций разных поколений [11]. В качестве примера онлайн исследования ценностей можно привести работу П. Гонга, Л. Вана, И. Вэя и Ю.Ю, которые на основе большого массива данных (450 тыс. сообщений в китайском сервисе микроблогов Sina Weibo) собрали информацию

об общественном восприятии ядерной энергетики в Китае [12]. Объектами их изучения стали ключевые слова, тематики и тональность сообщений. Изучая гражданскую активность российской молодёжи в цифровом пространстве, А. Добмровская провела массовый онлайн-опрос [13].

Изучая влияния современных технологий на политический активизм, Е. Бродовская и А. Ахременко использовали методы моделирования (как математического, так и тематического) и логистических регрессий, а также сетевой анализ [14].

Большой исследовательский интерес вызывают цифровые площадки, где пользователи оставляют цифровые следы (к примеру, лайки, репосты, комментарии), которые становятся объектом изучения мировоззрения людей. По данным Mediascope, в апреле 2022 г. Интернетом в России пользовалось 80 % населения в возрасте старше 12 лет, или 97,5 млн человек [15]. К примеру, исследователи доказали, что цифровые коммуникации влияют на развитие гражданских ценностей и предоставляют новые возможности для политического участия граждан [14. С. 15]. Как пишет С. Булианн, сегодня социальные сети чаще всего используются для политического выражения, чем информационного освещения событий [16]. Социальные сети передают эмоциональные или мотивационные сообщения, в которых подчёркивается нравственное негодование, проблемы социальной справедливости или идеологические вопросы [17]. При этом учёные пристально изучают модели поведения и ценности поколения Z (родившихся с 1997 г. по 2012 г.), на социализацию которых повлияла цифровая среда [18].

Учёные применяют различные методы и методики для изучения ценностей в цифровом пространстве. Наиболее распространёнными методиками стал контент- и дискурс-анализ в социальных сетях. Так, Д. Антонов оценил, как политические ценности проявляются в контенте на официальных страницах глав субъектов России [19]. Автор проанализировал сообщения пользователей под публикациями руководителей российских субъектов на наиболее популярных в России цифровых площадках. О. Шмелёва и Д. Каминченко провели контент-анализ 185 сообщений с хэштегом «государство» в цифровом пространстве для изучения образа государства у российских пользователей [20]. Примечательно, что авторы дополнили свою работу проведением полевого психосемантического исследования — проективные рисунки и ассоциативные тесты.

Впрочем, вышеперечисленные работы, скорее всего, можно отнести к качественным — авторы не стремятся за репрезентацией, но ставят акцент на изучении конкретных исследовательских кейсов.

Другая когорта учёных стремится собрать большие массивы данных. К примеру, учёные собрали почти 65 млн сообщений в цифровом пространстве в период распространения коронавируса (Covid-2019), проанализировали их тональность и пришли к выводу, что пандемия крайне негативно сказалась на общественных настроениях. Китайские учёные С. Шань, Ц. Пэн и И. Вэй поставили перед собой задачу создать многоуровневую систему

оценки отношения жителей к загрязнению городских рек [21]. Для изучения эмоциональных реакций людей в китайской сервисе микроблогов Weibo авторы предложили изучать сообщения в разных оптиках: тренды, времена года, пространство и динамика.

Однако хаотичный массив данных вынуждает использовать комплексный подход и методологию поиска цифровых маркеров в социальных медиа для автоматизированного извлечения информации. Стоит отметить, что анализ поведения пользователей в социальных медиа владеет несколькими преимуществами: пользователи добровольно оставляют сообщения и не ожидают, что они будут исследованы, что повышает объективность и достоверность выводов. Такой подход к изучению ценностей в цифровом пространстве вынуждает использовать сервисы для мониторинга медиaproстранства. Выгруженный массив данных, используется учёными для построения социальных графов с целью изучения взаимодействия внутри и между онлайн-сообществами [22].

Здесь следует сделать отступление и осветить текущий рынок систем медиа мониторинга и прочих инструментов, которые помогают исследователю собирать данные. Лидерами среди мониторинговых систем на отечественном рынке являются медиалогия (позиционируется как более подходящая система для социально-политических тематик) и Brandanalytics (в позиционировании делают акцент на мониторинг для коммерческих организаций), однако если сравнивать возможности в выгрузке сообщений — условия практически идентичны: максимально допустимый временной интервал составляет год, а количество упоминаний для единоразовой выгрузки — до миллиона сообщений. Но данные системы не предоставляют подробную информацию о пользователях, которую можно использовать для построения графа. Для этого применяются парсеры, работа которых основывается на открытых API социальных медиа. Подобные возможности предоставляют только Вконтакте и Telegram. Исследователи ценят метод построения и анализа социального графа, который позволяет изучить механизма и силу влияния лидеров общественного мнения на пользователей, а также определить схему взаимодействия внутри и между онлайн-сообществами.

Одной из новаторских и важных работ в сфере количественных цифровых исследований можно назвать работу Г. Магно и В. Альмейда, в которой авторы разработали методологию измерения данных из текстовых онлайн-источников с использованием моделей встраивания слов, чтобы измерить международные человеческие ценности в онлайн-среде. Целью исследования было создать онлайн-индекс человеческих ценностей по странам, который отражает культурные особенности и ценности по всему миру. Г. Магно и В. Альмейда использовали 1.7 миллиардов «твиттов» в социальной сети Твиттер (сейчас X), группируя их по местоположению из 59 стран, а затем создали список из 22 онлайн-запросов, каждый из которых содержит определенный вопрос из социологического проекта Всемирного обзора ценностей (The World Values Survey), связанный с такими полемическими темами, как

«религия», «наука» и «аборты». По результатам исследования можно выявить, что данная методология действительно способна фиксировать общечеловеческие ценности онлайн для разных стран и по разным темам [23].

Исследователи С. Какар, Д. Дакка и М. Мехротра в своей работе также используют анализ, основанный на «твиттах» пользователей социальной сети Твиттер (сейчас X). Целью работы стало изучение известных систем ценностей, которыми обладает большинство людей в анализируемых регионах (Дели/Вашингтон). Так, с помощью лексикологического метода (*value-based lexicon method*), основанного на ценностях, авторы создали словарь для определения поведения пользователей с точки зрения их систем ценностей [24].

Нельзя не упомянуть о проблеме в применении количественных метрик, упрощающих понимание цифрового гражданства ввиду их построения на противопоставлении цифрового и нецифрового [14. С. 14]. Именно поэтому в социологической науке присутствуют исследования, в которых стараются использовать и качественные, и количественные методы. Например, А. Домбровская и А. Синяков во время исследования гражданской активности молодежи провели всероссийский массовый опрос молодежи, обработанный с помощью методов кластерного анализа и многомерного шкалирования. В результате чего была выявлена связь между типом гражданской активности и ценностным профилем респондента [25].

Исследование информационных потоков противников вакцинации в цифровой среде России И. Батаниной, Е. Бордовской, В. Лукшина и М. Давыдовой также опиралось на использование гибридной стратегии, подразумевающей совмещение методов когнитивного картирования и социально-медийного анализа тематических информационных потоков, а также построение графов цифровых сообществ [26].

Исходя из вышеописанного, для заявленного исследования по теме «Когнитивно-ценностная структура мировоззренческих моделей современного россиянина: поколенческие и региональные различия» оптимальными подходами являются неинституциональный и сетевой. Поскольку средой выступает сеть, рекомендуется начать исследование с «переключающих узлов» — в нашем случае это аккаунты в социальных сетях, которые артикулируют дискурс, формируют стереотипы. Методом когнитивного картирования будут собраны сообщения, формализованы согласно ключевым параметрам как стандартным для социальных медиа (охват, тип социальной сети и др.), так и специальным, присущим предмету: стереотипам как социальным институтам. Далее следует выявить речевые паттерны, а также классифицировать их принадлежность к различным типам авторов и стереотипов. На данном этапе базовыми платформами выступают Telegram, X и YouTube. Далее с помощью метода СМА и технологии «больших данных» будут определены центральные узлы сети, которые распространяют стереотипы, тем самым институционализируя их. А метод социального графа поможет оценить развитость инфраструктуры (близость узлов и интенсивность связей внутри сети). Центральными

узлами в нашем случае выступают крупные сообщества и каналы в социальных медиа Вконтакте и Telegram. Полученные данные продемонстрируют, каким образом стереотипы формируются и распространяются в социально-медийном пространстве. Далее необходимо оценить, как рядовые пользователи усваивают и репродуцируют стереотипы в социальных сетях. Поскольку для данного исследования важными факторами являются социально-демографические признаки пользователей, то логичным шагом будет изучить их поведение, где есть данные о их возрасте и регионе проживания, т. е. единственный вариант — это социальная сеть Вконтакте. Предлагается изучать сообщения пользователей на своей странице и в комментариях, а также классифицировать по параметрам, основанным на тех, что были заданы на старте исследования, так мы сможем оценить, насколько сторонники тех или иных ценностей готовы воспроизводить. Помимо этого, предлагается проверить пересечения аудитории крупных сообществ, ретранслирующих различные категории стереотипов, чтобы проверить гипотезу о наличии эффекта «эхо-камеры» взаимоисключающих стереотипов.

Как показывает проведённый обзор современных исследований, изучение ценностей в цифровом пространстве возможно с использованием разного набора методов и методик. Исследователи могут опираться на количественные или качественные методы. Окончательный выбор зависит от поставленной задачи в исследовании: для фиксации ценностных трендов будет достаточно использование качественных методов и малого объёма эмпирического материала, для определения масштаба тех или иных ценностей в цифровой среде следует использовать количественные методы с обязательным соблюдением репрезентативной выборки. Впрочем, гибридный дизайн исследования — сочетание количественных и качественных методов и методик — позволяет провести многомерный анализ ценностей в цифровом пространстве, что приблизит выводы к объективным.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Парсонс Т. О структуре социального действия. М.: Академический Проект, 2000. 880 с.
2. Ле Гофф Ж. С небес на землю (перемены в системе ценностных ориентаций на христианском Западе XII–XIII вв.) // Одиссей. Человек в истории. 1991. С. 28–44.
3. Клакхон К. Зеркало для человека. Введение в антропологию. СПб.: [Б.м.], 1998. 352 с.
4. Бэнфилд Э. Моральные основы отсталого общества. М.: «Новое издательство», 2019. 216 с.
5. Токарев А.А., Кравчук И.Д., Бойко М.Ю., Ильинский Р.В. Социология российского образа будущего: предварительные результаты // Полис. Политические исследования. 2022. № 5. С. 117–136. <https://doi.org/10.17976/jpps/2022.05.09> (дата обращения: 12.10.2023).
6. Павленко С.Ю., Павленко П.С. Сотрудники. Опыт социологического анализа современной российской полиции. М.: Фонд поддержки социальных исследований «Хамовники»; Common Place, 2021. 224 с.
7. Polukhina E.V., Strelnikova A.V., Vanke A. Transformation of Working Class Identity in Post-Soviet Russia: A Case Study of the Ural Industrial Region. URL: <https://publications.hse.ru/preprints/212410298> (accessed: 05.10.2023)

8. *Карнич Ю.В.* Влияние религиозности на политический выбор православных верующих в России (на примере Липецкой области) // Вестник Пермского университета. Серия: Политология. 2020. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-religioznosti-na-politicheskiy-vybor-pravoslavnyh-veruyuschih-v-rossii-na-primere-lipetskoj-oblasti> (дата обращения: 17.10.2023).
9. *Бердышева Е.С.* Ценности самозаботы: «энтузиасты здоровья» и хэлсифицированное потребление // Интеракция. Интервью. Интерпретация. 2022. Том 14. № 1. С. 58–88. <https://doi.org/10.19181/inter.2022.14.1.3>
10. *Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Пырма Р.В., Синяков А.В., Азаров А.А.* Взаимосвязь ценностного и компетентностного выбора молодежи в условиях цифровизации: результаты всероссийского исследования (2018 г.) // *Ценности и смыслы*. 2019. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vzaimosvyaz-tsennostnogo-ikompetentnostnogo-vybora-molodezhi-v-usloviyah-tsifrovizatsii-rezultaty-vsrossiyskogo-issledovaniya-2018> (дата обращения: 17.10.2023).
11. *Бродовская Е.В., Синяков А.В., Давыдова М.А.* Цифровые компетенции разных поколений: результаты социологического исследования в Ставропольском крае // Известия ТулГУ. Гуманитарные науки. 2022. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tsifrovye-kompetentsii-raznyh-pokoleniy-rezultaty-sotsiologicheskogo-issledovaniya-v-stavropolskom-krae> (дата обращения: 17.10.2023).
12. *Gong P., Wang L., Wei Y., Y Y.* Public Attention, Perception, and Attitudes to Nuclear Power in China: A Large-Scale Empirical Analysis Based on Social Media // *Journal of Cleaner Production*. 2022. Vol. 373. <https://doi.org/10.1016/j.jclepro.2022.133919>
13. *Домбровская А.Ю.* Гражданский активизм молодежи в современной России: особенности проявления в онлайн- и офлайн-средах (по результатам эмпирического исследования) // *Власть*. 2020. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/grazhdanskiy-aktivizm-molodezhi-v-sovremennoy-rossii-osobennosti-proyavleniya-v-onlayn-i-offlayn-sredah-po-rezultatam-empiricheskogo> (дата обращения: 17.10.2023).
14. *Ахременко А.С., Бродовская Е.В.* Влияние новых информационно-коммуникационных технологий на гражданский и политический активизм: «линии напряжения» дискуссионного поля // *Мониторинг*. 2021. № 6. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/vliyanie-novyh-informatsionno-kommunikatsionnyh-tehnologiy-na-grazhdanskiy-i-politicheskiy-aktivizm-linii-napryazheniya> (дата обращения: 17.10.2023).
15. Интернетом в России пользуются 80 % населения старше 12 лет // *Mediascope*. 18.05.2022. URL: <https://mediascope.net/news/1460058/> (дата обращения: 17.10.2023).
16. *Boulianne S.* Revolution in the Making? Social Media Effects across the Globe // *Information, Communication & Society*. 2019. № 1 (22). P. 39–54.
17. *Barbera P., Bonneau R., Langer M., Metzger M., Nagler J., Sterling J., Tucker A.J.* How Social Media Facilitates Political Protest: Information, Motivation, and Social Networks // *Advances in Political Psychology*. 2018. № 1 (39). P. 85–118.
18. *Плетнев А.В.* Социализация представителей поколения Z в цифровой среде и её влияние на образование // *Ученые записки СПбГИПСР*. 2020. № 1 (33). С. 115–121.
19. *Антонов Д.Е.* Аккаунты руководителей субъектов Российской Федерации в социальных сетях как объект исследования политических ценностей россиян // *Русская политология*. 2020. № 1 (14). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/akkaunty-rukovoditeley-subektov-rossiyskoj-federatsii-v-sotsialnyh-setyah-kak-obekt-issledovaniya-politicheskikh-tsennostey-rossiyan> (дата обращения: 17.10.2023).
20. *Шмелева О.Ю., Каминченко Д.И.* Социальные медиа как механизм формирования образа современного государства в политическом сознании россиян // *Вестник МГОУ*. 2019. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/sotsialnye-media-kak-mehanizm-formirovaniya-obraza-sovremennogo-gosudarstva-v-politicheskom-soznanii-rossiyan> (дата обращения: 17.10.2023).
21. *Siqing Sh., Jing P., Yigang W.* Environmental Sustainability Assessment 2.0: The Value of Social Media Data for Determining the Emotional Responses of People to River Pollution — A Case Study of Weibo (Chinese Twitter) // *Socio-Economic Planning Sciences*. 2021. <https://doi.org/10.1016/j.seps.2020.100868>

22. Бродовская Е.В., Домбровская А.Ю., Карзубов Д.Н., Синяков А.В. Развитие методологии и методики интеллектуального поиска цифровых маркеров политических процессов в социальных медиа // Мониторинг. 2017. № 5 (141). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitiye-metodologii-i-metodiki-intellektualnogo-poiska-tsifrovyyh-markerov-politicheskikh-protsessov-v-sotsialnyh-media> (дата обращения: 17.10.2023).
23. Magno G., Almeida V. Measuring International Online Human Values with Word Embeddings. ACM Trans. Web 16, 2, Article 9 (May 2022). 38 p. <https://doi.org/10.1145/3501306>
24. Kakar S., Dhaka D., Mehrotra M. Value-Based Behavioral Analysis of Users Using Twitter // Inventive Communication and Computational Technologies. Lecture Notes in Networks and Systems. Ranganathan G., Chen J., Rocha Á. (eds). Singapore: Springer, 2021. Vol. 145. https://doi.org/10.1007/978-981-15-7345-3_23
25. Домбровская А.Ю., Синяков А.В. Стратегии онлайн-сетевой гражданской активности и ценностные профили молодых россиян: результаты кластерного анализа и многомерного шкалирования // Власть. 2021. № 4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/strategii-onlayn-setevoy-grazhdanskoy-aktivnosti-i-tsennostnye-profil-molodyh-rossiyan-rezultaty-klaster-nogo-analiza-i> (дата обращения: 17.10.2023).
26. Батанина И.А., Бродовская Е.В., Лукушин В.А., Давыдова М.А. Информационные потоки противников вакцинации: особенности масштаба, репертуара и структуры движения «антиваксеров» в российском сегменте социальных медиа // Известия ТулГУ. Науки о Земле. 2022. № 3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/informatsionnye-potoki-protivnikov-vaksinatsii-osobennosti-masshtaba-repertuara-i-struktury-dvizheniya-antivakserov-v-rossiyskom> (дата обращения: 17.10.2023).

Информация об авторах:

Невмержицкий Александр Юрьевич — студент 2 курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации (ORCID ID: 0000-0001-5119-7972) (e-mail: 221650@edu.fa.ru).

Белоконев Сергей Юрьевич — директор Института глобальных исследований факультета международных экономических отношений Финансового университета при правительстве РФ; доцент кафедры государственного и муниципального управления Государственного университета управления (ORCID ID: 0000-0002-8028-7421) (e-mail: syubelokonev@fa.ru).

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-552-566

EDN: ORLXNH

Научная статья / Research article

Государственная инновационная политика в условиях структурной перестройки экономики

Р.Д. Мухитдинов

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
101000, Россия, Москва, Мясницкая ул., д. 20

✉ rmuhitdinov@hse.ru

Аннотация. В настоящее время основная роль государства в рамках осуществления государственной инновационной политики заключается в создании инфраструктуры для инноваций и финансировании новых разработок и фундаментальных исследований. В современном мире скорость изменений растет, а роль государства становится еще более значимой, в особенности в условиях кризиса и в условиях структурной перестройки экономики. Государственная инновационная политика может ускорить темп развития отдельных отраслей, стимулировать межотраслевое сотрудничество, а также помочь в устранении препятствий для развития инноваций (законодательные и инфраструктурные). Данное исследование посвящено формированию эффективной инновационной политики в условиях перестройки экономики, связанных с экономическим кризисом, тяжелой международной политической и экономической обстановкой. Для анализа и выработки рекомендаций по инновационной политике анализируются такие основные инновационные факторы, как: финансирование, создание инфраструктуры, заказчик или инициатор инноваций, развитие компетенций, а также создание инновационной культуры. Роль государства в перечисленных факторах является первостепенной. В исследовании анализируются данные, представленные за последние 5 лет, а также даны прогнозы на 2023 год.

Ключевые слова: государственная инновационная политика, факторы инновационного развития, структурная перестройка экономики, инновации в условиях кризиса

Заявление о конфликте интересов: Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 10.08.2023. Принята к публикации: 20.10.2023.

Для цитирования:

Мухитдинов Р.Д. Государственная инновационная политика в условиях структурной перестройки экономики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 552–566. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-552-566>

© Мухитдинов Р.Д., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

State Innovation Policy in the Conditions of Structural Reorganization of the Economy

Rozdon J. Mukhitdinov

The National Research University — Higher School of Economics (HSE University),
20, Myasnitskaya str., Moscow, Russian Federation, 101000

✉ rmuhitdinov@hse.ru

Abstract. Currently, the main role of the state in the implementation of the state innovation policy is to create infrastructure for innovation and to finance new developments and fundamental research. In today's world, the speed of change is increasing, and the role of the state becomes even more important, especially in times of crisis and economic restructuring. State innovation policy can accelerate the pace of development of individual industries, stimulate inter-industry cooperation, and help to remove barriers to innovation (legislative and infrastructural). This study is devoted to the formation of effective innovation policy in the conditions of economic restructuring associated with the economic crisis, heavy international political and economic environment. In order to analyze and make recommendations on innovation policy, such main innovation factors are analyzed as: financing, creation of infrastructure, customer or initiator of innovations, development of competencies, as well as creation of innovation culture. The role of the state in the above factors is paramount. The study analyzes the data presented for the last 5 years and provides forecasts for 2023.

Keywords: state innovation policy, factors of innovative development, structural restructuring of the economy, innovations in crisis conditions

Conflicts of interest: The author declared no conflicts of interest.

Article history: The article was submitted on 10.08.2023. The article was accepted on 20.10.2023.

For citation:

Mukhitdinov R.J. State Innovation Policy in the Conditions of Structural Reorganization of the Economy. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):552–566. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-552-566>

Введение

С момента бурного экономического роста в начале XXI века в России наблюдаются кризисы с цикличностью в 7–8 лет. Так, после мирового финансового кризиса 2008 года, в России наблюдался кризис 2014–2015 годов, а также кризис 2022 года, от которого, по оптимистичным данным Центрального банка, экономика будет восстанавливаться минимум 5 лет [1]. На сегодняшний день в условиях снижения численности трудоспособного населения и сложной экономической обстановки для развития России в социально-экономическом плане необходимы новые парадигмы роста. Одной из таких парадигм представляют собой инновации.

Рост числа инновационных кластеров, технопарков и особых экономических зон указывает на успешную политику по улучшению инновационной инфраструктуры. В качестве примера государственного заказа инноваций можно привести систему ГЛОНАСС, созданную в военных целях

по государственному заказу в 1995 году. Развитие востребованных компетенций и квалификаций на базе WorldSkills (международное общественное движение) в рамках обучения цифровым профессиям по программе «Цифровая экономика» также говорит об участии государства в данном направлении инновационной политики. Активное участие в последние годы государственных фондов в венчурном инвестировании инновационных стартапов также указывает на поддержку предпринимательской и инновационной культуры в России.

Аналитический центр по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice выделил 5 ключевых для государства направлений для эффективной национальной инновационной системы:

- Государство как заказчик инноваций;
- Создатель инфраструктуры;
- Источник: финансирования инновационных исследований;
- Стимулирование конкурентоспособных на международной арене компетенций и технологий;
- Стимулирование инновационной и предпринимательской культуры [2].

Как отмечает аналитический центр, данные направления государственной инновационной политики не только совершенствуются, но и уже имеют положительные результаты.

В данной работе рассматриваются показатели, характеризующие деятельность государства по всем 5 направлениям, упомянутым ранее, представлена характеристика по влиянию данных показателей на инновационный выпуск и экономический рост. Кроме того, подчеркивается как необходимость государственного участия в национальной инновационной системе, так и необходимость взаимодействия государства с бизнесом и исследовательскими институтами для более эффективной реализации государственной инновационной политики.

Исследование содержит анализ текущей ситуации в сфере инновации в России, а также даны рекомендации по совершенствованию государственной инновационной политики, представленных на основе исследования и прогнозов, взятых из авторитетных и аутентичных источников.

Теория

Согласно теории инновационного общественно-государственного управления, государство заинтересовано в фундаментальных исследованиях и реализации инноваций как в источнике экономического развития [3]. Исходя из этого основной целью государственной инновационной политики является разработка и реализация инновационных товаров, услуг, методов или полезных моделей [4].

В связи с тем, что инновационная деятельность сопровождается высокими рисками, наблюдаются провалы рынка, когда выгоды для коммерческих фирм ниже затрат на исследования и разработки инновационных товаров.

Государство, заинтересованное в инновациях, с помощью механизмов государственной поддержки нивелирует провалы рынка посредством оказания финансовой и нефинансовой поддержки инновационным компаниям, технологии которых являются социально важными как для государства, так и для общества [5].

Однако существует проблема государственного управления, которая не способствует эффективному взаимодействию государства и инновационного бизнеса. Речь идет о такой проблеме, как отсутствие взаимодействия и налаживания кооперации. Иными словами, государства выступает только в качестве регулятора и контролера. В настоящее время большинство стран осуществляют свою деятельность в рамках парадигмы *New public management* (NPM) и предоставляют услуги компаниям с социально важными инновациями, доверяя бизнесу реализацию и коммерциализацию инноваций бизнесу. Однако, согласно обновленной парадигме *New public governance* (NPG), сменившей NPM, государство должно взаимодействовать с бизнесом, участвовать в совместном управлении, совместном производстве или совместной реализации инноваций, для более эффективного применения инновационных технологий, так как бизнес может ставить коммерческие интересы выше социальных [6].

Поэтому, для выстраивания эффективной национально инновационной системы (НИС) необходимо вовлечение как государства, так и бизнеса, и исследовательских институтов, в результате взаимодействия которых коммерциализируются фундаментальные исследования и создаются социально важные инновации.

Обзор литературы

Государственные финансы следует сравнивать по эффективности с частным бизнесом. Так, к примеру, исследователи из США и России приходят к выводу, что опыт высокотехнологичных стран указывает на то, что чем выше бюджетные расходы инновации и НИОКР, тем ниже продуктивность исследователей (в Швейцарии, Дании, Сингапуре и других технологичных странах). Американские исследователи с помощью анализа данных инновационных компаний из S&P (Американский фондовый индекс) и иных открытых источников за последние 10 лет, а также при помощи верификационного метода подтверждают затратность государственных расходов на НИОКР относительно расходов частного сектора [7]. Что касается отечественных работ, то в них чаще приводятся примеры неэффективности государственных расходов, потраченных на инновации, и даются рекомендации для более эффективной кооперации между бизнесом и исследовательскими центрами, о чем свидетельствуют несколько примеров в рамках специальных экономических зон и других [8]. Несмотря на это, не следует преуменьшать значимость государственной поддержки и бюджетных расходов на инновационное развитие.

Немаловажным также является рассмотрение способа распределения бюджетных средств. Так, на сегодняшний день наиболее распространенным методом распределения средств в России является конкурс, представленный в виде грантов на выполнение исследований. Активность научно-исследовательских организаций и институтов зависит от количества полученных грантов и связей организаций с промышленностью [9]. Превалирование государственных финансовых расходов на НИОКР и исследования способствуют построению вертикальных связей в национальной инновационной системе, что в свою очередь приводит к повышению транзакционных издержек, а также установлению квазирыночных или рентоориентированных отношений вместо рыночных [10].

Существует ряд исследователей, которые отдают главенствующую роль в финансировании исследований и разработок государству. Одни исследователи считают, что финансирование государством должно производиться в тех отраслях, которые наиболее важны для государства.

Исследователи зачастую приводят примеры успешно реализованных инфраструктурных инновационных проектов и созданных специальных инновационных зон [11]. Также приводят в пример опыт России с 1998 года по 2008 год, где отмечают развитие инноваций в России и роль государства в поддержании национальной инновационной системы во время кризиса 2008 года [12]. Развитие отдельных отраслей, по мнению данных исследователей, является приоритетом для государства, которое в свою очередь приведет к росту смежных отраслей и всей экономики в целом. К такому же выводу приходят и некоторые зарубежные исследователи, которые указывают на комплексный рост экономики в технологичных странах в 2010-х годах [13]. Основная идея таких исследований заключается в развитии теории международных отношений и концепции глобального распределения труда, смысл которых заключается в том, что недостаток в разработках в других сферах можно компенсировать путем заимствования существующего мирового опыта, в то время как государство должно поддерживать те отрасли, в которых оно само заинтересовано [14]. Однако такого рода построение отношений не только ограничит технологическое развитие страны, сделав её зависимой от других стран, но и будет способствовать провалам рынка, нарушая при этом рыночные механизмы путем спроса на отдельные разработки и исследования со стороны государства.

Помимо этого существуют сторонники государственного финансирования инноваций и НИОКР, которые утверждают, что государство должно поддерживать те отрасли, которые наименее развиты и не способны существовать без государственной поддержки [15; 16]. В статьях анализируются данные из открытых источников для выявления связей и анализ вторичных данных. В исследованиях подчеркивается, что первоочередным для государства должно быть поддержание конкурентоспособности страны, даже без учета эффективности государственных финансов.

С другой стороны, некоторые исследователи считают частный сектор первостепенной составляющей в развитии национальной инновационной системы. Как правило, данные исследователи разделяют идею роли государства как сервисного органа, который при необходимости должен принимать участие в развитии инноваций по инициативе частного сектора. Теоретические взгляды данных исследователей схожи по концепции с ранее упомянутой парадигмой *New public management (NPM)* [17]. Способность частного сектора к коммерциализации инноваций делает его доминантным в отношениях в рамках национальной инновационной системы, в то время как государство по своей природе менее эффективно относительно частного сектора, в особенности в сфере инноваций [18]. Также в пользу гипотезы исследователи приводят данные по 45 странам, где в большинстве стран, фактический результат государственной инновационной поддержки ниже ожидаемого. Принимая это во внимание, государство должно спонсировать и оказывать поддержку в той сфере, в которой частный сектор имеет развитие [19]. Однако здесь упускается то, что некоторые социально важные сферы не подразумевают коммерциализацию и получение прибыли. Данные отрасли без вмешательства государства могут быть обделены вниманием бизнеса, так как для частного сектора приоритетным является получение прибыли. Помимо этого зачастую исследования в областях, где риск убытка выше, чем социальная выгода, не представляют интерес. В связи с этим социально важные проекты должны быть инициированы государством.

Отсюда вытекает, что государственная поддержка инноваций является необходимой для эффективного функционирования национальной инновационной системы. Однако государство, бизнес и исследовательские институты должны иметь равные отношения для построения горизонтальных связей между собой. Так, при построении вертикальных связей и превалировании одного актора над другим создадутся провалы рынка, что будет указывать на неэффективность НИС [20]. Исходя из этого для построения эффективной НИС роль государства не должна ограничиваться лишь сервисными функциями, но и подразумевать возможности кооперации, совместно производства и иных механизмов взаимодействия согласно парадигме *New public governance (NPG)*.

В качестве мер государственной поддержки инновационных организаций малого и среднего размера могут использоваться одновременно несколько инструментов: гранты, программно-целевые расходы на НИОКР, инфраструктурные гранты (инкубаторы, технопарки, зоны и др.), введение налоговых льгот, минимизация бюрократических процедур, которые необходимы для регистрации малого и среднего бизнеса, а также начала деятельности, упрощение получения финансирования и т.д. [21].

Перечисленные меры государственной поддержки инновационных компаний частного сектора можно разделить на две категории: косвенные и прямые. Косвенные меры регулирования (налоговые и кредитно-денежные) не являются нейтральной мерой и способствуют развитию наукоемкой

промышленности и могут быть более эффективны в России, так как не способствуют выстраиванию горизонтальных связей как при предоставлении государственных грантов, так и при иной поддержке в рамках целевых программ. Косвенные меры государственного регулирования инновационной сферы должны иметь более высокую эффективность, так как предоставляют малому и среднему бизнесу самостоятельный выбор направления технического развития. Прямые методы государственной поддержки в инновационной сфере принято разделять на административно-ведомственные и программно-целевые. Административно-ведомственный метод поддержки проявляется в виде прямого финансирования, осуществляемого в соответствии со специальными нормативно-правовыми актами, принимаемыми с целью поддержки инновационных компаний [22]. Программно-целевые методы государственной поддержки инноваций подразумевают контрактное финансирование инновационных компаний посредством государственных целевых программ, для поддержки нововведений, в том числе в малых наукоемких организациях.

Ряд исследователей отмечают важность прямых методов поддержки инновационного бизнеса. Ввиду того, что эффект от данных механизмов легко посчитать, а также ввиду конкретных целей государственной поддержки не учитывающую за частую различные экстерналии. Данные по целевым программам, как правило, широко афишируются и строго контролируются. Исследователи в основном используют данные из государственных источников для оценки регулирующего воздействия государственных программ и отслеживания достижения целей [23; 24]. При помощи анализа отдельных кейсов исследователи приходят к выводу о том, что прямые методы поддержки частного сектора способствуют четкому разделению функций, где государство занимается координацией, а бизнес исполнением. Разграничение функций обеспечивает необходимый уровень бюрократии, который должен соблюдаться для эффективного достижения поставленных перед бизнесом целей, а также поддержит развитие важных для государства отраслей [25; 26]. Помимо этого, некоторые исследователи по результатам опросов пришли к выводу о том, что прямые методы поддержки в виде денежных грантов являются более привлекательными для самого бизнеса [27]. Следует отметить, что существуют компании, которые создаются для получения того или иного финансирования или существующие компании меняют сферу своей деятельности для получения государственной финансовой поддержки, что искажает рыночные механизмы и при развитии одной отрасли останавливают развитие другой отрасли. Некоторые исследователи отмечают, что в странах с высоким уровнем коррупции наблюдается также связь между организациями получателями гранта и источником финансирования. Как правило результаты деятельности в таких случаях проверяются более лояльно [28; 29].

Однако в пользу косвенных методов государственной поддержки инноваций относят высокие издержки перераспределения, которые требуются при формировании бюджета, с которого будут выплачиваться гранты [30]. Кроме этого, в последнее время популярна идея о том, что государство должно

способствовать созданию инновационных компаний путем снижения бюрократии или иных методов, стимулирования конкуренции и снижения входных барьеров. Поэтому у инновационных компаний будут конкурентные преимущества. Отметим, что эта идея весьма популярна и в России. Данные исследователи опираются на международные рейтинги, индексы и иные показатели, которые включают в свои индексы легкость ведения бизнеса и административные барьеры для открытия бизнеса [31; 32; 33]. Именно благодаря улучшению предпринимательского климата и ведения нового бизнеса Россия упрочила свои места в рейтингах «Doing business» [34; 35]. Рейтинг Doing business весьма важен для технологически развитых стран. Однако следует отметить, что в развитых европейских странах экономика основывается на малом и среднем бизнесе. Не только создание условий инфраструктуры способствует развитию инновационных МСП, но и готовность населения к предпринимательству, предпринимательская грамотность, а также поддержка МСП не только со стороны государства, но и промышленности.

Меры, предложенные по ускоренному развитию IT-отрасли, должны способствовать развитию наукоёмкой инновационной отрасли и способствовать замещению западных технологий. В то же время косвенные методы не ограничат существующие компании в векторе развития и могут оказаться более эффективными.

Методология

Для оценки государственной инновационной политики по предложенным направлениям будут проанализированы следующие показатели за последние 5 лет:

- Доля инновационных продуктов в выручке;
- Количество технопарков;
- Расходы на НИОКР;
- Расходы на профессиональную переподготовку и повышение квалификации;
- Объем венчурных инвестиций.

Кроме данных показателей по 5 направлениям инновационной политики, также будут проанализированы показатели государственных расходов на НИОКР, объем выпуска инновационных товаров и услуг, а также прогнозы государственных ведомств по отраслям и прогнозы аналитического центра инновации и стартапов «Desight» резидента IT-кластера Сколково.

Помимо рекомендаций по совершенствованию государственной инновационной политики в данном исследовании проверяются следующие гипотезы:

H1 — Национальная инновационная система эффективна тогда, когда существует финансирование как со стороны государства, так и со стороны бизнеса;

H2 — Косвенные меры поддержки инновационных компаний в России более эффективны чем прямые.

Результаты

В рамках исследования были проанализированы показатели, характеризующие деятельность государственной инновационной политики по указанным выше направлениям.

Государство как заказчик инноваций

В рамках данного направления был рассмотрен показатель доли инновационных продуктов в общем объеме товаров и услуг. Государство как заказчик должно стимулировать увеличение доли инновационных товаров и услуг, что делает экономику более конкурентоспособной и маржинальной. Согласно данным за последние 5 лет средний прирост инновационных товаров составляет минус 0,5 %, что указывает на уменьшение доли инновационных товаров в общем объеме произведенных товаров и услуг в России (рис. 1).

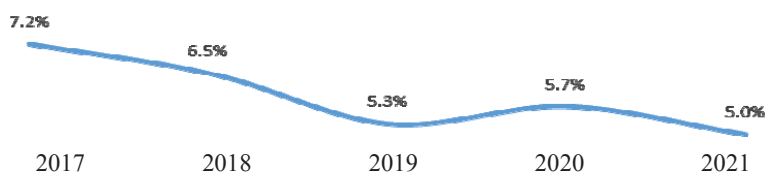

Рис. 1. Доля инновационных товаров в общем объеме отгруженных товаров и услуг согласно Росстату

По секторам товаров и услуг больше всего доля инноваций присутствует в научной сфере, затем в сфере телекоммуникаций. Однако даже в данных отраслях изменения за последние 5 лет незначительные (рис. 2).

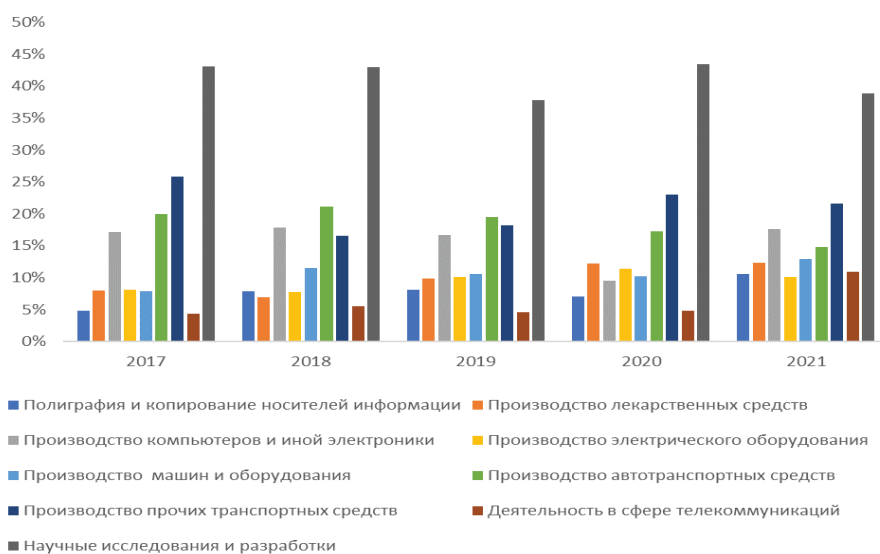

Рис. 2. Динамика доли инновационных товаров по секторам экономики за 5 лет согласно Росстату

Следует отметить, что несмотря на то, что приведенные данные относятся к товарам и услугам, произведенным в России, большая часть инновационных товаров импортируется из более технологически развитых стран. Однако ввиду большого количества санкций, запрета ввоза в России технологий, а также ухода американских и европейских технологических компаний существует потребность в замещении инноваций. Так, например, в качестве замещения могут выступать госзаказы, гранты и иные льготы.

Государство как создатель инфраструктуры

Данное направление можно рассмотреть по количеству действующих технопарков в России за последние 5 лет. Следует отметить, что количество инноваций растет в среднем на 12 единиц (рис. 3).

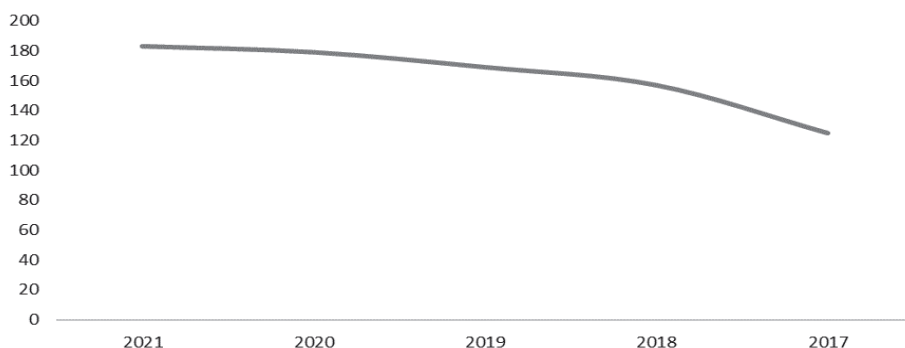

Рис. 3. Государственные расходы на инфраструктуру для инноваций
 Источник: Составлена автором на основе данных проекта «Госрасходы» [35].

Государство как источник финансирования

По данному направлению рассматривается показатель финансирования исследований из федерального бюджета.

Согласно бюджету за 2022 год расходы на НИОКР и исследования выросли примерно на 1 %. Санкции и перестройка экономики на данное направление существенно не влияют (рис. 4).

Кроме того, согласно данным Росстата, более 70 % расходов на НИОКР приходится на государство, в то время как в Европе и США более 60 % расходов на исследования приходится на частный сектор. При проведении корреляционного анализа между частными инвестициями и объемом инновационных товаров в России наблюдается зависимость $r = 0,67$ для России и $0,54$ для США, что указывает на важность частных инвестиций для России. Данное исследование подтверждает первую гипотезу о необходимости взаимодействия государства и частного бизнеса.

Рис. 4. Соотношение типов государственных расходов на исследования и разработку согласно Росстату

Создание новых компетенций

По данному направлению в последние годы в России запущено несколько программ по профессиональной переквалификации и созданию востребованных профессий. Примером является финансирование обучений незащищенных категорий лиц в рамках программы «Цифровая экономика», где граждане определенной категории могут через госуслуги записаться на востребованные ИТ специальности.

Расходы на профессиональную переподготовку также показывают положительную динамику и не зависят от санкций и перестройки экономики (рис. 5).

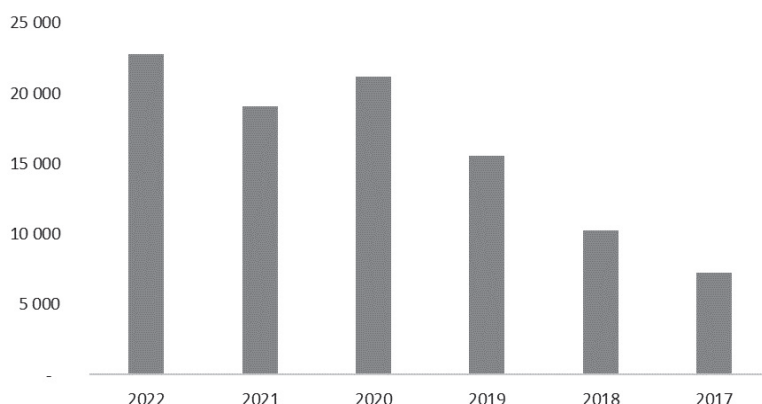

Рис. 5. Расходы на переподготовку кадров для инновационной сферы согласно министерству труда и социальной защиты

Создание инновационной и предпринимательской культуры

Данное направление чаще всего рассматривают через количество стартапов, так как в них вовлечено больше мелких компаний и физических лиц, а успешные проекты мотивируют общество на предпринимательскую деятельность. По данному направлению в последние годы в России запущены программы по профессиональной переподготовке предпринимателей (рис. 6).

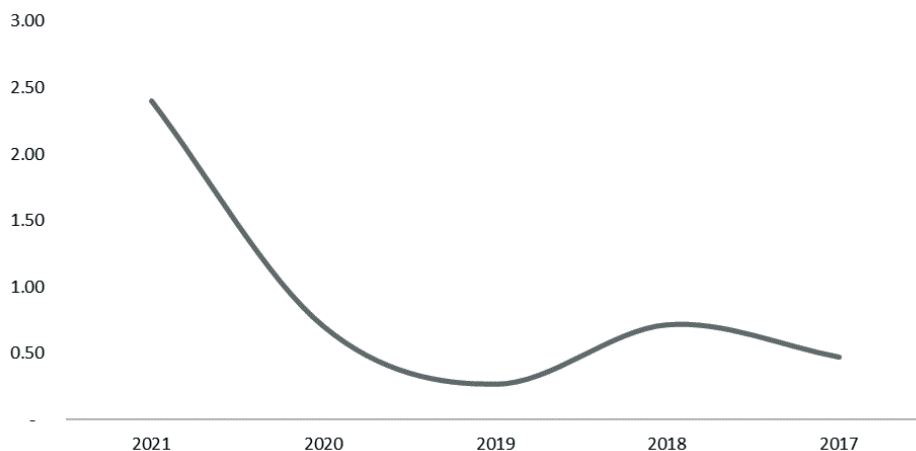

Рис. 6. Прирост малых предприятий в мероприятия инновационного центра «Сколково»

Согласно данным аналитического центра Сколково “Desight” в последние годы венчурное финансирование увеличивается быстрыми темпами. Однако несмотря на то, что за 1 квартал 2022 года был прирост инвестиций на 25 %, к концу 2022 года наблюдалось снижение венчурных инвестиций вдвое. Данное изменение связано в основном с тем, что в первом квартале были профинансированы сделки, заключенные до 2022 года, а 40 % от общего объема инвестиций приходилось на зарубежные компании и фонды. В данном секторе России в условиях перестройки необходимо увеличивать финансирование за счет бюджетных средств.

Что касается гипотезы 2, то согласно данным за последние 10 лет наблюдается несущественное превалирование влияния косвенных методов на объем выпуска технологий и инноваций. Но в период кризиса данное допущение не является справедливым, так как бизнес больше нуждается в финансировании. Нельзя утверждать о подтверждении второй гипотезы. Однако, в связи с беспрецедентными санкциями и ограничениями в течение 2022 года, следует отметить возросшую роль государственных механизмов поддержки предпринимательства.

В начале 2023 года, прогнозы Центрального банка и Правительства были переоценены в положительную сторону. Несмотря на сложности в инновационном секторе, существенных провалов в экономике не наблюдается и Центральный банк улучшает прогноз по возвращению к докризисным показателям и понижает сроки с 5 лет до 3 лет. В 2023 году ожидается аккумулирование внутренних резервов для развития технологичного

производства и замены ушедших иностранных инвесторов внутренними или инвесторами из дружественных стран. На конец 2023 года планируется тестирование отечественных изобретений в авиационной сфере, а также национализация технологических компаний, работающих в России с иностранной регистрацией бизнеса.

Заключение

В качестве выводов исследования были выделены наиболее уязвимые направления государственной инновационной политики в условиях структурной перестройки и кризиса. Данными направлениями являются в первую очередь государственные заказы инноваций и стимулирование конкурентоспособных компетенций и технологий. Данную проблему подтверждают снижение инновационных товаров в общем объеме товаров и услуг, ограничение по ввозу технологий в Россию, а также закрытие ряда международных организаций, в том числе международных сертификационных центров (АССА, СФА и другие). Данные изменения указывают на необходимость увеличения государственных заказов, субсидий и грантов, способствующих замещению зарубежных технологий и способствующих конкурентоспособности России на рынке технологий. Также в сложившихся условиях необходимо поддерживать культуру инноваций и предпринимательства, учитывая, что больший объем инвестиций приходился на зарубежные компании и фонды. В качестве замены может выступить Российский фонд прямых инвестиций, увеличив участие в венчурном финансировании. Ввиду подтверждения гипотезы о необходимости взаимодействия государства и бизнеса в рамках национальной инновационной системы, немаловажным также является финансирование малого и среднего инновационного предпринимательства, проведения мероприятий по налаживанию диалога между бизнесом и государством, а также сокращение бюрократических процедур для ведения и открытия бизнеса. Что касается гипотезы, связанной с косвенными и прямыми методами государственного регулирования, то в условиях структурной перестройки экономики данная гипотеза не подтвердилась.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Макроэкономический опрос Банка России. URL: http://www.cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 06.10.2022).
2. Алябьев С. и др. Инновации в России — неисчерпаемый источник роста // Центр по развитию инноваций McKinsey Innovation Practice. 2018. 112 с.
3. Сукманов Э.В., Чемыхин А.В. Предпринимательство как феномен развития инновационной экономики (концепция И. Шумпетера) // Экономический анализ: теория и практика. 2010. № 8. С. 60–64.
4. Tax Incentives for Research and Development: Trends and Issues // OECD. Paris, 2003.
5. Nelson R.R. National Innovation Systems: A Comparative Analysis. New York: Oxford University Press, 1993. 560 p.

6. *Барабашев А.Г.* Кризис государственного управления и его влияние на основные административные парадигмы государства и бюрократии // Вопросы государственного и муниципального управления. 2016. № 3. С. 163–194.
7. *Acharya V., Zhaoxia Xu.* Financial Dependence and Innovation: The Case of Public Versus Private Firms // Journal of Financial Economics. 2017. № 2 (124). P. 223–243.
8. *Ряпухина В.Н., Дорошенко Ю.А.* Проблема финансирования науки в контексте ее эффективной интеграции в инновационную систему в России // Вестник БГТУ им. В.Г. Шухова. 2018. № 3. С. 135–146.
9. *Szarowska Jr.* Does Public R&D Expenditure Matter for Economic Growth? // Journal of International Studies. 2017. № 2 (10). P. 90–103.
10. *Колосова М.А.* Оппортунистическое поведение государства на рынке доверительных благ // Современная экономика: актуальные вопросы, достижения и инновации: сборник статей VII Международной научно-практической конференции / Под общ. ред. Г.Ю. Гуляева. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2017. С. 14–18.
11. *Никулина О.В., Крстовски Я.Я.* Роль и значение государственной поддержки в финансовом обеспечении инновационной деятельности современных компаний // Экономика: теория и практика. 2019. № 1 (53). С. 3–9.
12. *Коротковская Е.В.* Государственная поддержка инновационной активности в условиях финансового кризиса // Поволжский торгово-экономический журнал. 2010. № 3. С. 30а-37.
13. *Hottenrott H., Lopes-Bento C., Reinhilde V.* Direct and Cross Scheme Effects in a Research and Development Subsidy Program // Research Policy. 2017. № 6 (46). P. 1118–1132.
14. *Vanino E., Roper S., Becker B.* Knowledge to Money: Assessing the Business Performance Effects of Publicly-funded R&D Grants // Research Policy. 2019. № 7 (48). P. 1714–1737.
15. *Carboni O.A.* The Effect of Public Support on Investment and R&D: An Empirical Evaluation on European Manufacturing Firms // Technological Forecasting and Social Change. 2017. № 17. P. 282–295.
16. *Catozzella A., Vivarelli M.* The Possible Adverse Impact of Innovation Subsidies: Some Evidence from Italy // International Entrepreneurship and Management Journal. 2016. № 2 (12). P. 351–368.
17. *Charbel E., Profiroiu C.* Innovation in Public Administration Reform: A Strategic Reform through NPM, ICT, and e-Governance. A Comparative Analysis between Lebanon and Romania // Administratie si Management Public. 2020. № 35. P. 75–89.
18. *Carvalho A.* Wishful Thinking About R&D Policy Targets: What Governments Promise and What They Actually Deliver // Science and Public Policy. 2018. № 3 (45). P. 373–391.
19. *Leyden D., Link A.* Public Sector Entrepreneurship: US Technology and Innovation Policy. New York: Oxford University Press., 2015.
20. *Ильина И.Е.* Проблемы повышения эффективности государственных расходов на НИОКР // Наука. Инновации. Образование. 2015. № 1 (10). С. 51–73.
21. *Деменко О.Г., Гретченко А.А.* Государственное регулирование инновационной деятельности в промышленности: пути развития на современном этапе // Вестник алтайской науки. 2015. № 3–4 (25–26). С. 210–214.
22. *Рыбалко М.И.* Государственное регулирование инновационной предпринимательской деятельности: организационные, экономические, финансовые и нормативно-правовые аспекты // Стратегия социально-экономического развития общества: управленческие, правовые, хозяйственные аспекты: сборник научных статей 5-й Международной научно-практической конференции. Курск: ЗАО «Университетская книга». 2015. С. 259–261.
23. *Jaffe A.* Patents, Citations, and Innovations: A Window on the Knowledge Economy. MIT Press. 2002.
24. *Venaik S.* Avoiding Uncertainty in Hofstede and GLOBE // Journal of International Business Studies. 2010. № 41 (8). P. 1294–1315.
25. *Karlson N., Christian S., Karl W.* Bureaucrats or Markets in Innovation Policy? — a Critique of the Entrepreneurial State // The Review of Austrian Economics. 2021. № 34 (1). P. 81–95.

26. *Bhatt S., Sharma A., Deepak K.* Relationship Between Cultural Social Norms and Availability of Entrepreneurial Funding: Mediating Effect of Government Policies, Priorities, Support and Ease of Doing Business // *International Journal of Manage.* 2020. № 9 (11). P. 803–820.
27. *Shinkl G., Suchard J.* Innovation in Newly Public Firms: The Influence of Government Grants, Venture Capital, and Private Equity // *Australian Journal of Management.* 2019. № 44 (2). P. 248–281.
28. *Ellis J., Jared S., Roger W.* Corruption and Corporate Innovation // *Journal of Financial and Quantitative Analysis.* 2020. № 55 (7). P. 2124–2149.
29. *Huang Q., Tao Y.* Does Political Corruption Impede Firm Innovation? Evidence from the United States // *Journal of Financial and Quantitative Analysis.* 2021. № 56 (1). P. 213–248.
30. *Van Reenen J.* Innovation Policies to Boost Productivity/ Washington, DC: The Hamilton Project, Brookings Institution, 2020.
31. *Eide A.* Growth Aspirations in SMEs: Managerial Determinants and Organizational Outcomes // *Journal of Small Business and Enterprise Development.* 2021. № 4 (28). P. 640–665.
32. *Просалова В., Локуша А., Петрова Н.* Мировые инновационные рейтинги как оценка инновационного развития государства // *Экономика и предпринимательство.* 2019. № 8.
33. *Иванов В.Г.* Влияние динамики экспорта на уровень политической стабильности на примере России // *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология.* 2012. № 3. С. 46–70.
34. *Никонов В.* Государственная поддержка предпринимательства в развитых странах и адаптация опыта в России // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.* 2017. № 1. С. 244–249.
35. *Тельнова Н.Н., Шеховцова С.Р., Шаталова О.И.* Функционирование российского предпринимательства в рыночной рецессионной среде // *Сборник материалов Международной научно-практической конференции: «Актуальные проблемы экономической науки».* Армавир: ФГБОУ ВО «Армавирский государственный педагогический университет, 2017. С. 240–244.
36. Технологический проект «Госрасходы». URL: <https://spending.gov.ru/np/> (дата обращения: 12.12.2022).

Информация об авторе:

Мухитдинов Роздон Джемшиедович — аспирант департамента политики и управления Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0002-2987-695X) (e-mail: rmuhitdinov@hse.ru).

МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ ГОСУДАРСТВЕННОГО УПРАВЛЕНИЯ

INTERNATIONAL EXPERIENCE OF PUBLIC ADMINISTRATION

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-567-582

EDN: PHXCKC

Научная статья / Research article

Георгиос Василиу и императивы внешней политики Кипра. К вопросу о роли индивида в международных отношениях

В.С. Изотов¹ , Н.В. Кардаш²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»
(НИУ ВШЭ),

109028, Россия, Москва, Покровский бульвар, д. 11

²Российский университет дружбы народов им. П. Лумумбы,

117198, Россия, Москва, ул. Миклухо-Маклая, д. 6

 nk@vkcyrpus.com

Аннотация. Статья рассматривает внешнеполитические стратегии третьего президента Республики Кипр Георгиоса Василиу (1988–1993 гг.) через призму антропологии международных отношений. Основное внимание уделяется попыткам решения кипрского конфликта и успешной интеграции Кипра в ЕС. Анализируется взаимосвязь ряда факторов внешней и внутренней политики Кипра, связанных с особенностями политической культуры и внутренними партийно-политическими процессами. Авторы приходят к выводу, что политика, проводившаяся Василиу, в значительной степени определялась особенностями его личности, биографией, уровнем образования, общей и политической культуры. Правильность европейского выбора и ведущую роль Василиу в этом процессе ещё предстоит оценить будущим поколениям. Именно это позволило Кипру своевременно запустить механизмы модернизации, сделавшие его современным инновационным государством. В работе использованы малоизвестные биографические факты и материалы нескольких личных интервью с экс-президентом.

Ключевые слова: антропология международных отношений, Восточное Средиземноморье, Георгиос Василиу, деколонизация, ЕС, евроинтеграция, Кипр, кипрский конфликт, ТРСК

© Изотов В.С., Кардаш Н.В., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 30.09.2023. Принята к публикации: 30.10.2023.

Для цитирования:

Изотов В.С., Кардаш Н.В. Георгиос Василиу и императивы внешней политики Кипра. К вопросу о роли индивида в международных отношениях // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 567–582. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-567-582>

Georgios Vasiliou and the Imperatives of Cyprus's Foreign Policy: Examining the Role of the Individual in International Relations

Vladimir S. Izotov¹ , Natalia V. Kardash²

¹The National Research University — Higher School of Economics,
11, Pokrovsky Bulvar, Moscow, Russian Federation, 109028

²Peoples' Friendship University of Russia named after P. Lumumba (RUDN University),
6, Miklukho-Maklaya str., Moscow, Russian Federation, 117198

 nk@vkcypus.com

Abstract. The article examines the foreign policy strategies of the third President of the Republic of Cyprus, Georgios Vasiliou (1988–1993), through the prism of the anthropology of international relations. The main emphasis is on his attempts to resolve the Cyprus conflict and successfully integrate Cyprus into the EU. The analysis explores the interconnection of various factors in Cyprus's foreign and domestic policies, which are related to the peculiarities of its political culture and internal party-political processes. The authors conclude that Vasiliou's policy was largely shaped by the peculiarities of his personality, biography, education level, and overall political culture. The correctness of Cyprus's European choice and Vasiliou's leading role in this process is yet to be evaluated by future generations. It is this choice that allowed Cyprus to timely initiate the mechanisms of modernization, transforming it into a modern democratic and innovative state. The work incorporates little-known biographical facts and materials from the Cyprian newspaper and personal interviews with the former president.

Keywords: anthropology of international relations, anthropological diplomacy, Eastern Mediterranean, Georgios Vasiliou, decolonization, EU, European integration, Cyprus, Cyprus conflict, TRNC

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 30.09.2023. The article was accepted on 30.10.2023.

For citation:

Izotov V.S., Kardash N.V. Georgios Vasiliou and the Imperatives of Cyprus's Foreign Policy: Examining the Role of the Individual in International Relations. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):567–582. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-567-582>

«Неожиданная» деколонизация и геополитическая этимология конфликта

Кипрский конфликт остается одним из самых сложных порождений процессов деколонизации, происходивших в 50-х — 60-х гг. прошлого столетия. Менее чем за 10 лет произошла трансформация политической структуры мира, значительную часть которой составили новые независимые государства. Безусловно, это стало одним из самых значительных достижений созданной институциональной системы глобального регулирования во главе с ООН [1]. Однако большинство из постколониальных стран продолжали сохранять зависимость (экономическую, военную, культурную) от бывших метрополий. Степень такой «фантомной привязанности» в ряде случаев была очень сильна, и во многом обуславливалась эффектом неожиданности для послевоенных грандов мировой политики, лишившихся своих заморских территорий. Недостаточное внимание, а иногда и непонимание процессов, начавшихся на периферии мировой системы, можно считать одной из фундаментальных причин последующих конфликтов. Существует обоснованное мнение о том, что теории международных отношений, развиваясь в основном русле западнцентричных подходов, оказались неспособными отразить радикальные изменения, происходящие в мировой системе, и прежде всего, предсказать ускоренную деколонизацию «второго мира» в послевоенный период [2]. Старые метрополии не сразу приняли новую постколониальную реальность. В ряде случаев попытки реорганизации колониальных империй привели к конфликтам, как, например, войне в Алжире в 1954–1962 годах. Но активность проявляли не только экс-метрополии. Активную политику влияния на новые государства стали проводить и сопредельные страны. Эти процессы особенно усиливал эффект этнической и религиозной общности. Кроме того, в силу исторических обстоятельств, на особые отношения с новыми постколониальными субъектами мировой системы могли претендовать несколько стран с несовпадающими интересами. В этом случае возникала зона постоянного геополитического напряжения с высоким конфликтным потенциалом. Именно такие обстоятельства стали характерными маркерами кипрского кейса, основанного на длительном этническом и религиозном противостоянии двух проживающих на острове общин — греческой и турецкой.

Острая фаза конфликта началась ещё до распада колониальной системы, в середине 1950-гг., с борьбы Национальной организации освобождения Кипра (ЭОКА) против британской армии и этнических турок. В ответ на это «в целях защиты турецкого меньшинства» при прямой поддержке Анкары была создана Турецкая организация сопротивления (ТМТ). Конец 1950-х — 1960-е гг. прошел под знаком вооруженных столкновений, балансирующих на грани гражданской войны. Ситуация особенно обострилась в 1963 г., когда первый президент независимого Кипра архиепископ Макариос (Михалис Мускос) под давлением праворадикального окружения из ЭОКА предложил внести в Конституцию поправки, ограничивавшие права турок-киприотов. Трагическую паузу в конфликте поставила турецкая

оккупация северной части острова (около 37% всей территории) в июле 1974 г., в ходе которой с мест исторического проживания были изгнаны более 180 тыс. греков-киприотов. В 1983 г. завершилось и юридическое «оформление» псевдогосударства — Турецкой Республики Северного Кипра (ТРСК), признанного только Турцией. Совет Безопасности ООН принял соответствующую резолюцию (Пакистан был единственной из 15 стран, проголосовавшей «против»), объявляющую этот акт «юридически недействительным» и призывающую к отмене односторонней декларации независимости.

С тех пор предпринимались бесплодные попытки примирить две общины. Негативному развитию ситуации способствовал рост фрагментации общественного сознания на разных частях острова по религиозному и этническому признаку, усиливая взаимное недоверие. Остро стояла и проблема собственности на севере Кипра, на возвращении которой настаивали греки-киприоты.

В 2004 г. население ТРСК проголосовало за план, предусматривавший федерализацию Кипра с последующим членством (в качестве единого государства) в ЕС. Однако известная инициатива генсека ООН Кофи Аннана не получила необходимой поддержки среди греков-киприотов. В итоге членом ЕС стала Республика Кипр, под политическим контролем которой находится только южная часть острова¹. На севере продолжает существовать ТРСК — псевдосубнациональное государственное образование, не признанное международным сообществом [3].

Таким образом, перед нами уникальный конфликт, детерминация которого необычайно многослойна. Это — и проблема турецкого меньшинства на Кипре (менее 20%), и историческое разделение по этническо-религиозному фронтиру, и проекции политического, экономического и культурного влияния Великобритании, Греции, Турции [4].

Свою роль сыграли и Лондонско-Цюрихские соглашения 1959 г., закрепившие независимость Кипра от Великобритании. По мнению многих исследователей, именно их юридическая неестественность и заведомая нереалистичность спровоцировала серию кризисов в молодом государстве. В частности, «Договор о гарантиях» в рамках этих соглашений стал политико-идеологическим прикрытием для турецкого вторжения [5].

Своеобразная спецификация затрудняет точную классификацию кипрского конфликта. Однако большинство политологов склонны определять его как этническо-религиозный, применяя для моделирования и оптимизации ситуации комплекс подходов, включая классическую для теории игр «дилемму узника». Примечательно, что такие попытки были ещё до турецкой интервенции. В 1973 г. норвежский политолог Мальверн Лумсен пробовал с помощью этой теории найти решение кипрского вопроса. Рассматривались четыре

¹ Специальное юридическое соглашение, регламентирующее принятие Кипра в ЕС, трактует ситуацию следующим образом: официально в состав ЕС входит *весь* остров. Однако действие нормативно-правовых актов ЕС не распространяется на его северную часть.

возможных варианта: война, мир, энosis (присоединение острова к Греции), таксим (раздел Кипра на две части с последующим присоединением северных территорий к Турции) [6]. Через год реальностью стал первый вариант.

Антропология международной политики: кипрское измерение

Проблема роли индивида в решении международных политических конфликтов находится в более широких границах исследований в области международных отношений. Как научная дисциплина, антропология международных отношений начала развиваться с 1970-х годов [7–12], сформировав к концу XX века устойчивое мнение о том, что «индивиды всегда играли в международной системе более весомую роль, чем та, которая за ними традиционно признавалась» [12:137]. Однако и в этих работах тема роли индивида — политического лидера в решении международных конфликтов уходит в тень на фоне развития более общих теоретических и методологических вопросов. Даже в настоящее время ряд авторов считают, что антропология международных отношений (изучающая в том числе и значение личности в урегулировании конфликтов) ещё не вышла на уровень состоявшейся самостоятельной научной дисциплины. Большинство публикаций подобного рода пока демонстрируют начало освоения новой отрасли знаний со всеми вытекающими последствиями [13].

При этом существует весьма обширная источниковая база, посвященная анализу кипрского конфликта и поиску путей его решения [14–22]. Политологические исследования роли личности в кипрской политике в основном сконцентрированы на первом президенте Кипра архиепископе Макариосе. Одной из наиболее известных стала монография английского исследователя Стенли Майеса, опубликованная ещё в 1960 году [23]. Отметим мимоходом, что работа вызывает большие вопросы с точки зрения исторической объективности и непредвзятости авторской позиции. Майес, в частности, возлагает на Макариоса ответственность за задержку переговорного процесса и провоцирование развития событий, которые в итоге привели к несовершенной и потенциально взрывоопасной системе урегулирования посредством Лондонско-Цюрихских соглашений (см. выше). В российской науке личность Макариоса привлекает исследователей, в том числе уникальным для Европы XX века примером совмещения священнослужителем в одном лице высшей духовной и светской власти [24].

Георгиос Василиу: очень краткая биография

Будущий третий президент Кипра родился в 1931 г. в г. Фамагуста (греческое название — Аммохостос). Спустя два года семья переехала в Грецию (о. Лесбос), где отец работал хирургом-офтальмологом,

а мать — стоматологом. Родители были политическими активистами, отец состоял в Коммунистической партии². Как коммунист и британский подданный он был вынужден после немецкой оккупации Греции в 1941 г. бежать на Кипр. Через несколько лет он вернется в Грецию для того, чтобы участвовать в партизанском движении. Когда в 1949 г. отряды Демократической армии Греции (вооружённое крыло Коммунистической партии) были разбиты правительственными войсками, родители Василиу оказались в СССР, где жили до своего возвращения на Кипр в 1961 году. Георгиос Василиу остался учиться в Европе, сначала в Швейцарии, затем в Венгрии, где прожил почти десять лет.

Юность и обучение в Венгрии на протяжении 1950 гг. очень значимы с точки зрения формирования политических взглядов Василиу. По его словам, он был горячим сторонником обновления социалистического режима. Внутри венгерской компартии он примкнул к прогрессивной фракции, целью которой было построение «социализма с человеческим лицом». К сожалению, констатирует экс-президент: «на практике оказалось, что диктатура и социализм несовместимы, потому что социализм предполагает реальную демократию и уважение прав человека» [25].

После подавления венгерского восстания 1956 г. он несколько лет оставался членом компартии, но через три года все же был исключен из нее, при этом «сохранив верность идеям прогресса и социализма». Будущий президент, получив правительственную стипендию для представителей рабочего класса (трудился токарем на заводе), с отличием закончил факультет политической экономии одного из ведущих университетов и начал работу в Академии наук над диссертацией «Способы государственного вмешательства в развитие английской экономики» [26]. После её успешной защиты в 1960 г. Василиу переезжает в Великобританию, где посещает лекции в Лондонской школе экономики и работает в различных коммерческих компаниях. Спустя три года будущий президент возвращается на Кипр.

В контексте нашего исследования важно отметить, что в послевоенной Венгрии в силу исторических причин сохранялась одна из сильнейших экономических школ среди стран социалистического блока. В университетах работали ученые мирового уровня. Достаточно назвать имена Белы Баласса и Белы Шипоша. Первый из них эмигрировал в США после восстания 1956 г., став одним из создателей теории экономической интеграции. Его работы во многом заложили теоретические основы функционирования Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и позже Европейского союза. Бела Шипош — выдающийся эконометрик и прогнозист, первым доказавший, что длительные циклы мировой экономики в 50–60 лет (циклы Кондратьева)

² В одном из интервью Василиу говорит: «Я был молодым идеалистом, воспитанным в семье, где искренне, восторженно, самоотверженно верили в идею социализма. Последующие годы (после переезда в Венгрию в 1950 г.) были периодом медленного, но неуклонного осознания того, насколько груба реальность, скрывавшаяся за лозунгами и красивыми словами».

присутствуют во временных рядах бывших социалистических стран. Можно предположить, что знакомство с работами этих и других ученых повлияли на взгляды Василиу, в том числе заложив склонность к системному анализу ситуации на основе политэкономической методологии и закрепив представления о преимуществах и перспективах интеграции демократических стран. Позже это проявится в твердой внешнеполитической (евроинтеграционной) позиции и уверенности в единственно возможном европейском будущем для Кипра.

Георгиос Василиу вернулся на Кипр в 1963 г. и вскоре основал Ближневосточный центр маркетинговых исследований, специализирующийся на изучении рыночной конъюнктуры в Греции, странах Ближнего Востока, Иране, государствах Персидского залива. Фактически это была первая консалтинговая компания международного масштаба на независимом Кипре. К середине 1980-гг. Василиу заслужил репутацию одного из наиболее проницательных и системно мыслящих экономистов. «Я выступал на радио, писал статьи, представлял доклады на конференциях, — говорит он в одном из интервью, — так незаметно началась моя политическая карьера».

В 1988 г. Василиу, баллотируясь как независимый кандидат, но при поддержке коммунистической партии АКЕЛ, побеждает на президентских выборах. Через пять лет, в 1993 г., он переизбирался на второй срок, но с незначительным отставанием уступил кандидату от правоцентристской партии ДИСИ Глафкосу Клиридису. После этого Василиу основал партию «Свободное демократическое движение», а в 1996 г. стал председателем партии «Объединенные демократы». В 1998–2003 гг. Василиу отвечал за переговорный процесс по вступлению государства в ЕС, доведя его до финального положительного решения. Такова предельно сжатая биография третьего президента Кипра, к отдельным этапам которой мы будем возвращаться в контексте нашего исследования.

Перезагрузка переговорного процесса: барьеры внешние и внутренние

Поиск решения «теоремы» кипрского конфликта — главная внешнеполитическая линия любого президента. Стратегия действий на этом направлении не является вопросом исключительно международной дипломатии. Очевидно, что с теоретической точки зрения мы имеем дело со сложным (точнее, уникальным) сочетанием структурных факторов внешней и внутренней политики [27; 28]. После победы на выборах в феврале 1988 г. Василиу под эгидой ООН и при посредничестве Оскара Камильона (экс-министра иностранных дел Аргентины) без промедления начал переговоры с Рауфом Денкташем (президент ТРСК в 1983–2005 гг.) на новых условиях.

Важно отметить, что процесс межобщинных переговоров в 1988–1992 гг. совпал с фундаментальной трансформацией системы международных отношений, деструкцией социалистического блока, распадом СССР и значительным

усилением (после подписания Маастрихтского договора в 1992 г.) объединенной Европы в качестве субъекта мировой политики.

Принципиальной новаторской позицией нового президента Кипра стал отказ от установки на переговоры с «предварительными условиями», требующей вывода турецких войск и переселенцев с оккупированных территорий. Предыдущий президент Спирос Киприану придерживался именно такой позиции при активной поддержке греческого премьер-министра Андреаса Папандреу. Примечательно, что Василиу открыто критикует национал-популистскую позицию последнего: «Папандреу хотел представить себя великим патриотом и любил говорить отлично звучащими, но бессодержательными лозунгами» [25:64]. Подобные эпизоды разоблачают популярный политический миф о том, что кипрская политика в вопросе объединения острова является лишь проекцией подхода Греции и не имеет должной самостоятельности. Перезагрузка переговорного процесса не только продемонстрировала более реалистичное видение ситуации по сравнению с президентами-предшественниками (отмена условия, а priori не выполнимого для ТРСК), но и новые, более оптимистичные, «горизонты реальности» в решении конфликта.

Однако турко-кипрская сторона не проявила достаточной гибкости, настаивая на политической формуле, предполагающей создание двух государств по модели конфедерации в противовес цельному федеративному государству с единой международной субъектностью, предложенному греко-кипрской стороной. При этом в отдаленной перспективе ТРСК предлагала некую модель «федерации путем эволюции», предполагающую передачу власти центральному правительству. Позиция Денкташа (отличающегося внутренним и внешним авторитарным стилем) была бескомпромиссной — из двух независимых государств должна создаваться федеративная модель, но степень политической самостоятельности этих субъектов оставалась неясной. В результате турко-кипрская сторона фактически блокировала проведение анонсированной в конце 1991 г. Конференции ООН по Кипру. Перес де Куэльяр публично отметил крайнюю негибкость позиции Денкташа, настаивающего на том, что каждая из сторон выступает в качестве носителя *государственно-го* суверенитета, который сохраняется и после создания федерации, включая право на отделение [29]. Генсек ООН публично осудил требования турецкой стороны, заявив, что «введение новой концепции отдельного суверенитета и права на отделение... фундаментально изменит характер предыдущих решений, предусмотренных в предшествующих (базовых) соглашениях на высоком уровне 1977–1979 годов» [30]. В ноябре 1992 г. ООН также приняла важную резолюцию № 789, в которой констатировался глубокий кризис доверия, существующий в отношениях между обеими сторонами, осуждалась позиция турко-кипрской стороны. В результате переговоры откладывались ориентировочно до марта 1993 года [31].

Однако и внутри греко-кипрской политики не было достаточной консолидации по вопросу объединения. По свидетельству Василиу, переговорный процесс все больше оказывался (по всей вероятности, намеренно — *авт.*)

заложником юридической казуистики: «Все дискуссии начали вращаться вокруг того, что подразумевается под словом «федерация», и как она функционирует. К сожалению, под различными предложениями все предложения по введению федеративного устройства отвергались» [25:71]. Надо учитывать и сохранявшуюся националистическую оппозицию, с которой приходилось считаться президенту. Одним из ключевых достижений следует признать, несмотря на сильное внутривнутриполитическое сопротивление, принятие в 1989 г. Национальным советом Кипра документа, в котором впервые с 1974 г. получили одобрение идеи федеративного устройства и политического равенства между двумя общинами. Это был важный элемент в стратегии урегулирования конфликта. По сути был зафиксирован единственный вариант решения, сводящийся к тому, что Кипр должен быть единым независимым государством, что полностью устранило из области переговоров (и практически из публичного политического поля) идеи энтозиса и таксима. Но в 1991–1992 гг. произошла консолидация оппозиции. Был сформирован т.н. «фронт отвергающих»: блок национально-консервативных сил на основе сближения партий ЭДЕК и ДИКО. Кипрская православная церковь — влиятельный неформальный субъект политики — также поддержала их позицию.

Тем не менее на этом этапе кипрской дипломатии под руководством Василиу удалось «идеологически» выиграть важный раунд переговоров. До мирового общественного мнения, прежде всего до объединенной Европы, была донесена негибкость турко-кипрской позиции. В дальнейшем этот факт сыграл определённую роль в ускорении процесса вступления Кипра в ЕС. Позже, в апреле 2001 г., Денкташ напишет генсеку ООН Кофи Аннанду: «Европейский союз должен быть осведомлен о предоставлении односторонней и незаконной заявки греков-киприотов на вступление в ЕС. Наши многочисленные попытки убедить ЕС в возможных последствиях этой односторонней политики, к сожалению, были проигнорированы» [32]. Однако подобные дипломатические демарши уже не имели должной силы. Международные позиции лидера ТРСК были подорваны очевидной негибкостью в предыдущих раундах переговоров.

Европейский вектор и внутренняя демократизация

Курс на присоединение к ЕС стал вторым (после кипрского урегулирования) абсолютным императивом внешней политики Василиу, включенной в его предвыборную программу. По его словам, он поверил в европейскую идею задолго до того, как стал президентом. Ещё в 1963 году, — говорит он в одном из интервью, — вместе с Такисом Хаджидимитриу (кипрский политик, член партии ЭДЕК) и другими друзьями я основал движение за Европу... и оставался твердым сторонником идеи ЕС и таможенного союза» [26:30]. Василиу также (ещё находясь вне политического поля) с энтузиазмом поддержал Договор об ассоциации 1972 г. между Кипром и Европейским экономическим сообществом — институциональным предшественником ЕС.

Намерение стать частью объединенной Европы Василиу оценивал не как популистский реверанс Западу, ничего не значащий в практическом плане, но поворот в сторону европейского права и институтов. В своих речах и статьях он неоднократно повторял, что «применение в полном объеме *aquis communautaire*³ — лучшая гарантия достойной жизни для каждого киприота, будь то грек или турок». Все 15 лет, начиная от подачи заявки в 1990 г. и до момента вступления в 2004 г., Георгиос Василиу являлся главной политической фигурой — проводником Кипра в ЕС, сначала в роли президента и позже — в качестве официального представителя и координатора процесса евроинтеграции.

В области внутренней политики важнейшей (взаимосвязанной с европейским курсом) задачей стала демократизация кипрского общества, снижение доли радикально-националистических и антизападных настроений. Обратим внимание на то, что Василиу занял последовательную позицию по ключевому событию кипрской истории — военному перевороту в июле 1974 г., совершенному греческой националистической организацией ЭОКА-Б с целью скорейшего присоединения острова к Греции. Именно эти действия дали повод Турции ввести войска и положили начало дальнейшему трагическому разделению острова. «Это было роковое событие, — уверен Василиу, — если ты делаешь ошибки и совершаешь преступления, за это нужно платить» [26. Р. 24]. В целом же, по его убеждению, Кипр стал жертвой националистических настроений, уходящих корнями в 50–60 гг. прошлого века, выраженных в лозунге «*Ενωσις και μόνον Ενωσις*»⁴.

«Когда я стал президентом, — вспоминает он, — я хотел, чтобы люди почувствовали себя свободными. Поэтому мы отменили запрет для госслужащих принадлежать к какой-либо политической партии или выражать ее идеологию» [25:74]. В одном из интервью Василиу сообщает любопытные факты: «Раньше в государственных учреждениях разрешалось читать только газету правящей партии «Элефтеротипия», иначе — конец карьере. Нельзя было прийти на работу с газетой оппозиции — «Харавги» или «Алисия»⁵, например... Но я сразу дал министрам понять: мне не важно, каких взглядов, левых или правых, они придерживаются. Главное, чтобы с полной отдачей работали на благо страны» [26:24]. Были существенно ограничены полномочия силовых структур, прежде всего Центральной разведывательной службы. В информационно-политическом пространстве также произошли важные изменения — отменена монополия Кипрской вещательной корпорации

³ «Достояние сообщества» (фр.) — Совокупность принципов, правил и норм ЕС, подлежащих обязательному сохранению в процессе его деятельности и дальнейшего развития.

⁴ «Энозис и только энозис» — гр. Интересно замечание Василиу относительно живучести этой идеи во время его президентства: «Многие по-прежнему верили в энозис... несмотря на то, что идею федеративного решения (кипрской проблемы) поддержали АКЕЛ и ДИСИ, две партии большинства. Вне всякого сомнения, среди сторонников ДИСИ все ещё оставалось большое количество людей, веривших в энозис». См.: [25. Р. 109].

⁵ Соответственно, печатные органы партий АКЕЛ и ДИСИ.

и созданы условия для работы независимых радиостанций. Очевидно, что линия на политический плюрализм во всех сферах была необходима для создания устойчивой общественной поддержки стратегии евроинтеграции Кипра. Левый спектр политических элит и общества все ещё симпатизировал Движению неприсоединения [33; 34] (роль которого стремительно снижалась) и связывал членство в ЕС с неизбежной интеграцией в НАТО.

Экономическую политику президента Василиу авторы, ограниченные объёмом и основной темой статьи, вынуждены охарактеризовать предельно кратко. Превосходное политэкономическое образование, ранняя вовлечённость в транснациональный бизнес и международное финансово-экономическое сотрудничество, глубокое понимание европейских интеграционных процессов — все эти факторы нашли отражение в экономическом курсе. С первых дней президентской каденции Василиу проводил меры по снижению уровня экономического национализма, модернизируя экономику на основе активных внутренних реформ и развития международных связей. Впервые за свою экономическую историю Кипр стал открываться для внешнего мира. Начала активно развиваться сфера туризма и услуг, превратившись в основной источник валютных поступлений. Сегодня Кипр уверенно входит в десятку лучших стран мира по уровню надёжности и качества судоходной отрасли (шипинга) [35]. Основы этого успеха заложены именно при президенте Василиу. В конце 1980-х был введен специальный сбор на основе тоннажа судна и начата кампания продвижения Кипра как международного шипингового центра. Стратегическое ориентирование на активную транснационализацию предполагало и прогрессивную фискальную реформу. В частности, были существенно снижены ставки налога на прибыль, а также отменены несколько устаревших налогов. Для иностранных компаний, ведущих операционную деятельность на острове, ставка также была снижена до 4,25 %.

Важно подчеркнуть, что во многом общая экономическая политика определялась курсом на вступление в ЕС, верой в европейские политические ценности, эффективность наднациональных механизмов интеграции и правовой ориентацией на принятие (в ближайшей перспективе) *aquis communautaire*.

Заключение и основные выводы

Подведем итоги нашего исследования и сформулируем основные выводы. Во-первых, и это самое значимое, политика, проводившаяся Василиу, в значительной степени определялась особенностями его личности, уровнем общей и политической культуры. Влияние же этой культуры на международные отношения обусловлено тем обстоятельством, что ее формируют люди, воспитанные на определённых ценностях. Те самые личности — политические лидеры, являющиеся главным объектом внимания антропологии международных отношений [12:45]. Прежде всего, сказанное относится к двум важнейшим взаимосвязанным линиям внешней политики третьего президента — урегулированию кипрского конфликта и европейской интеграции.

Во-вторых, благодаря прогрессивному европейскому образованию, глубокому экономическому и политическому изучению двух систем — капиталистической и социалистической (политические убеждения родителей и их жизнь в СССР) он оказался прекрасно подготовлен к поворотному моменту мировой истории, на годы которого пришлось его президентство. Стремительный слом биполярной системы и окончание «холодной войны» дезориентировало политических лидеров многих стран, но Василию не относился к их числу. Последовательный курс на европейскую интеграцию (заявка на вступление подана до распада СССР), своевременное понимание снижения роли Движения неприсоединения, перезагрузка отношений с ООН и ведущими международными организациями, обновлённая и чрезвычайно инициативная позиция по решению кипрской проблемы дали суммарный эффект. Мировое сообщество стало более критично настроено по отношению к ТРСК и стоящей за ней Анкаре. Этот фактор, в свою очередь, сыграл важную роль в историческом решении о принятии Кипра в ЕС.

В-третьих, большое значение имеет социально-политический аспект. Юность и студенческие годы экс-президента сформировали достаточно редкий для того времени на Кипре тип открытой политической культуры человека, позднее вошедшего в элиту⁶. Её основные составляющие — хорошее образование, знание нескольких европейских языков, аналитический взгляд на политэкономические процессы на региональном и глобальном уровне. Он представлял практически идеальный тип «человека международного» — главного действующего актора и объекта изучения антропологии международных отношений [12:130]. Подчеркнем, что Василию в области интеграционной идеологии всегда относил себя к сторонникам радикального федерализма в духе одного из основателей современной модели евроинтеграции Альтиерио Спинелли, веря в создание «Соединенных Штатов Европы» — тотальной федерации с акцентом на ускорение политической интеграции [36–38].

Реалистичная оценка происходящих политических процессов, основанная на научно-аналитическом подходе, позволила критически осмысливать происходящее и сделать (требуемый в то время немалого политического мужества) европейский выбор во внешней и внутренней политике.

В первом случае можно говорить о том, что кипрские власти совершили дипломатический подвиг. Внутри объединенной Европы существовала мощная оппозиция группы государств, выступавших против вступления Кипра. Они, в частности, опасались «импорта геополитических проблем внутрь ЕС», а также ухудшения отношений с Турцией. Многие указывали и на очевидный международно-правовой нонсенс: Турция в качестве кандидата на вступление в ЕС оккупирует территорию государства-члена [39].

В области внутренней политики президенту также пришлось столкнуться с известными трудностями, производными от традиционной политической

⁶ Показательно с этой точки зрения высказывание Василию: «Истинный интеллигент не связывает свою способность мыслить с местом рождения». См: 25:193

культуры Кипра. Уникальные исторические и социальные условия сформировали на острове особый синкретический тип (гр. *συγκρητισμός* — соединение) политического мировосприятия. Произошла своеобразная интеграция европейского влияния (венецианская и британская колонизация) с общинной структурой аграрных социумов, характерных для Восточного Средиземноморья. Приобщение нации к европейской политической культуре и отказ от мировосприятия, основанного на идеях «патриотической демагогии» [25:59], стали основными идеологическими линиями внутренней политики.

В-четвертых, время показало амбивалентную взаимосвязь европейского курса и судьбы кипрского вопроса. Политические и социально-экономические предпочтения от вступления в ЕС сегодня трудно переоценить. Растет и обратная «зависимость». С учетом потенциала разработки и экспорта углеводородных месторождений в Восточном Средиземноморье Кипр становится важнейшим игроком в стратегии обеспечения европейской энергетической безопасности. Островное государство также выходит на лидирующие позиции в шипинге, IT-технологиях, науке и инновациях. Основы сегодняшнего успеха были заложены именно в 1980–1990 гг., когда был взят курс на открытость экономики и её транснационализацию. Василиу, — в прошлом глава консалтинговой компании, оперирующей в нескольких странах мира, — прекрасно понимал выгоды такого подхода. Это стало важным конкурентным преимуществом Кипра во время третьей волны глобализации [40–42], начало которой совпало с его президентским сроком. С другой стороны, вступление Кипра в ЕС с разделённой территорией существенно затормозило процесс урегулирования. Надо признать, что турецкая часть острова столкнулась с фактическим игнорированием своих интересов [32]. Как следствие, отношение Анкары и ТРСК к посредническим усилиям международных организаций (ООН и ЕС) стало, мягко говоря, более скептическим. В дальнейшем это стало одной из причин замораживания процесса евроинтеграции Турции [43].

В любом случае время подтвердило мудрость европейского выбора и, без преувеличения, выдающую роль Василиу как главного инициатора и навигатора этого процесса ещё предстоит оценить будущим поколениям. Именно это позволило Кипру своевременно запустить механизмы экономической и политической модернизации, сделавшие его современным инновационным государством — «средиземноморским Сингапуром», занимающим высокие места в европейских и глобальных рейтингах. С хронологической позиции сегодняшнего дня очевидно, что пять лет его президентства стали для Кипра более важными, чем десятилетние каденции его предшественника (Спироса Киприану) и преемника (Глафкоса Клиридиса). Конечно, такая оценка не принижает достижений этих политических фигур, получивших в свое время мандат доверия кипрских граждан.

В одном из интервью Георгиос Василиу сказал, что мечтает увидеть объединённый Кипр при своей жизни. К сожалению, на обозримых политических горизонтах это представляется маловероятным. Сегодня

переговорный процесс фактически откатился на десятилетия назад. Происходят показательные изменения в политической риторике, связанные с названием «ТРСК». Анкара демонстративно предпочитает оперировать термином «Турецкая Республика Кипр», подчеркивающим полную подконтрольность северной части острова. Симптоматично недавнее высказывание Хулуси Акара (экс-министра обороны Турции): «В 2023 г. речь идет о двух равноправных суверенных независимых государствах. Это необходимо принять. В Эгейском море, Восточном Средиземноморье и на Кипре мы полны решимости защищать права и законы, как свои собственные, так и наших кипрских братьев» [44].

Ответственность за сложившуюся ситуацию несут обе стороны, неоднократно упустившие моменты для выхода на плодотворные переговоры по созданию двухзональной этнофедерации [45]. Кроме региональных факторов, свою роль сыграл и кризис системы ООН и механизмов неформального регулирования международных отношений. Тем более бессмысленно искать меру «вины» Василиу за сложившуюся ситуацию. Все президенты, находившиеся после него у власти, придерживались (в разной степени) более консервативных и националистических взглядов, зачастую упуская из виду вектор на трансформацию международного политического мировосприятия, проложенный в свое время Василиу. Как признавал сам экс-президент, «внутриполитические факторы и жажда власти могут иметь приоритетное значение и становятся причинами задержки в решении кипрского вопроса» [25:73].

В заключение отметим, что исследователи роли личности в международных отношениях часто не видят в тени больших фигур «великой шахматной доски» менее масштабные, но также важные примеры. С этой точки зрения жизнь и политическая судьба третьего президента Кипра представляет большой интерес и, несомненно, открывает широкое поле для будущих исследований.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

1. Декларация о предоставлении независимости колониальным странам и народам. URL: http://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/colonial.shtml (дата обращения: 11.10.2023).
2. Цыганков П.А. Международные отношения. М.: Новая школа, 1996.
3. Добронравин Н.А. Модернизация на обочине: выживание и развитие непризнанных государств в XX — начале XXI века. СПб.: М-Центр, 2013.
4. *Eraminondas E.* A Hybrid Model of Mediterranean Capitalism with British Influences: The Case of Cyprus // *Management & Organizational History*. 2016. № 11: 3. <https://doi.org/10.1080/17449359.2016.1216865>
5. *Изотов В.С.* Кипрский конфликт как геополитический разлом в ЕС: региональные и глобальные аспекты // *Трансформация политических систем в контексте глобального развития*. Воронеж: ВГУ, 2011.
6. *Lumsden M.* The Cyprus Conflict as a Prisoner's Dilemma // *Journal of Conflict Resolution*. 1973. № 1. P. 7–32.
7. *Etheredge Lloyd S.* A World of Men: The Private Sources of American Foreign Policy. Cambridge: Mass.: MIT Press, 1978.

8. *Linklater A.* Men and Citizens in the Theory of International Relations. New York: St. Martin's Press, 1982.
9. *Nicholson M.* Individuals and Their Influence on the International System' // Individualism and World Politics. Girard M. (ed.) London: Macmillan, 1999. https://doi.org/10.1007/978-1-349-27032-3_2
10. Индивиды в международной политике / Под ред. М. Жирара. М., 1996.
11. *McDermott R.* Political Psychology in International Relations (Analytical Perspectives on Politics). University of Michigan Press, 2004.
12. *Баталов Э.Я.* Антропология международных отношений. М.: Аспект Пресс, 2018.
13. *Кузнецов А.М.* Человек в международных отношениях: дань времени или необходимая трансформация парадигмы? // Политическая концептология. 2013. № 2.
14. Cyprus: A Regional Conflict and Its Resolution / Ed. by Norma Salem. London: Palgrave Macmillan, 1992. <https://doi.org/10.1007/978-1-349-12781-8>
15. *Richmond O.* The Cyprus Conflict, Changing Norms of International Society, and Regional Disjunctures // Cambridge Review of International Affairs. 1999. № 13: 1. <https://doi.org/10.1080/09557579908400288>
16. *Mills G.* In Hope of an Olive Branch? The Cyprus Problem in International Relations // South African Journal of International Affairs. 2000. № 7: 1. <http://dx.doi.org/10.1080/10220460009545296>
17. *Rothman J.* Conflict Research and Resolution: Cyprus // The Annals of the American Academy of Political and Social Science. 1991. № 518.
18. *Michalis M.S.* The Cyprus Peace Talks: A Critical Appraisal // Journal of Peace Research. 2007. V. 44. № 5. <https://doi.org/10.1177/0022343307080857>
19. *Nugent N.* Review of A New Look at the Cyprus Problem // International Studies Review. 2003. V. 5. № 2.
20. *Hannay D.* Cyprus: The Search for a Solution. London: Tauris, 2004.
21. *Bryant R., Hatay M.* Suing for Sovereignty: Property, Territory, and the EU's Cyprus Problem. Global Political Trends Center, 2009.
22. *Kyriacou A.P.* A 'Just and Lasting Solution' to the Cyprus Problem // Search of Institutional Viability, Mediterranean Politics. 2000. V. 3. № 5. <https://doi.org/10.1080/13629390008414736>
23. *Mayes S.* Cyprus and Makarios. London: Putnam, 1960.
24. *Рябова Е.Л.* Культурологическая модель политического лидерства: священнослужитель на вершине государственной власти // Культура мира. 2021. Т. 9. № 3.
25. *Кызылюрек Н.* Георгиос Василиу: размышления о прошлом и будущем. М.: Весь Мир, 2016.
26. *Кардаш Н.* Остров сокровищ. Приключения отважных бизнесменов. Лимассол: Вестник Кипра, 2016.
27. *Rosenau J.* Along the Domestic-Foreign Frontier: Exploring Governance in a Turbulent World (Cambridge Studies in International Relations). Cambridge, 1997.
28. *Тюрина И.А.* Системный подход к изучению взаимосвязи внешней и внутренней политики // Известия РГПУ им. А.И. Герцена. 2006. № 22.
29. *Migdalovitz C.* Cyprus: Status of U.N. Negotiations. URL: <https://www.justice.gov/sites/default/files/eoir/legacy/2013/06/13/Cyprus%20Status%20of%20U.N.%20Negotiations.pdf> (дата обращения: 11.10.2023).
30. Security Council Resolution 716 (1991). URL: http://www.hri.org/Cyprus/Cyprus_Problem/p_716.html (дата обращения: 11.10. 2023).
31. Решение от 25 ноября 1992 года. (3140-е заседание): резолюция 789 (1992). URL: https://www.un.org/securitycouncil/sites/www.un.org.securitycouncil/files/89-92_08_cyprus.pdf (дата обращения: 11.10.2023).
32. *Сулейманов А.В.* Проблема Кипра: история и современность // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63. № 2. <https://doi.org/10.20542/0131-2227-2019-63-2-75-84>
33. *Ker-Lindsay J.* Shifting Alignments. The External Orientations of Cyprus since Independence // The Cyprus Review. 2010. № 22 (2).

34. *Sepos A.* The Europeanization of Cyprus: Polity Policies and Politics. Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2002. <https://doi.org/10.1057/9780230229822>
35. Cypriot Flag Now 8th Most Trustworthy in World of Shipping. URL: <https://cyprus-mail.com/2023/06/23/cypriot-flag-now-8th-most-trustworthy-in-world-of-shipping> (дата обращения: 10.10.2023).
36. *Pistone S.* Altiero Spinelli and the Strategy for the United States of Europe / Levi L. (ed.) Altiero Spinelli and Federalism in Europe and the World. Milan, 1990. DOI:10.1007/978-1-349-23984-9_11
37. *Pinder J.* Altiero Spinelli's European Federal Odyssey // *The International Spectator*. 2007. № 42: 4. <https://doi.org/10.1080/03932720701722944>
38. *Верхофстадт Г.* Страны Европы должны объединиться в федерацию // *Российская газета*. 17.12.2012. URL: <https://rg.ru/2012/12/17/verhofstadt-poln.html> (дата обращения: 11.10.2023).
39. *Stergiou A.* The History of Cyprus // *The Middle East and North Africa*. 68th Edition. Routledge, 2022.
40. *Mrtell L.* The Third Wave in Globalisation Theory // *International Studies Review*. 2007. № 9. <https://doi.org/10.1111/j.1468-2486.2007.00670.x>
41. *Hopkins A.* The History of Globalization — and the Globalization of History? // *Globalization in World History*. Ed by A.G. Hopkins. London: Pimlico, 2002.
42. *Scholte J.A.* Globalization: A Critical Introduction. Basingstoke: Palgrave, 2005.
43. Эрдоган о вступлении в Евросоюз: Турция больше ничего не ждет от ЕС // *Коммерсант*. 01.10.2023. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6251344> (дата обращения: 11.10.2023).
44. «Τουρκική δημοκρατία της Κύπρου» τα κατεχόμενα, λέει ο Ακάρ. URL: <https://cyprustimes.com/politiki/tourkiki-dimokratia-tis-kyprou-ta-katechomena-leei-o-akar/> (дата обращения: 11.10.2023).
45. *Изотов В.С.* Двухзональная этнофедерация как будущее Кипра // *Вестник Кипра*. 26.09.2015. URL: <https://vkcyprus.com/articles/834-ethnic-federation> (дата обращения: 11.10.2023).

Информация об авторах:

Изотов Владимир Сергеевич — кандидат политических наук, ведущий эксперт, доцент Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (ORCID ID: 0000-0002-4822-5896) (e-mail: vizotov@hse.ru).

Кардаш Наталья Владимировна — аспирант кафедры сравнительной политологии факультета гуманитарных и социальных наук Российского университета дружбы народов (e-mail: nk@vkcyprus.com)

DOI: 10.22363/2312-8313-2023-10-4-583-592

EDN: PWBGCW

Research article / Научная статья

An Investigation into the Retention of Talent in the Nigeria Banking Sector

Tolulope Bamigboye¹, Abdulmaleek O. Abdulazeez²

¹Birmingham City University,
15 Bartholomew Row, Birmingham, United Kingdom

²Osun State University,
Osogbo, Nigeria, 210001

 abdulmaleek.abdulazeez@uniosun.edu.ng

Abstract. This study aims to investigate talent retention in the Nigeria Banking Sector using Wema Bank Plc. as a case study. To achieve this aim, the primary source of data was employed to collect data from respondents. Specifically, semi-structured interviews were conducted to gather data from nine (9) employees at Wema Bank. Data retrieved were analysed using thematic analysis. Findings from the semi-structured interview showed that factors such as poor remuneration, non-flexibility in work arrangements, poor performance management process, increased workload, and increased stress levels are responsible for the increased rate of talent turnover in Nigeria Banks. In addition, it was discovered that the increased turnover rate caused by the identified factors had been the cause of poor service delivery of banks, especially in areas such as Internet banking and mobile applications. Furthermore, employee resistance to change, non-commitment of the management team, and budget constraints were identified as challenges causing a hindrance to the implementation of some of the talent retention strategies created by Wema Bank. Thus, based on the findings from the semi-structured interview, training and educating talent, ensuring timely promotion, pay increase in such a way that offers more than competitors within and outside the banking industry, rewarding and recognising talent, implementing flexible work arrangements, and ensuring cross border recruitment, have been found suitable for improving talent retention in Nigerian Banks. Furthermore, the study recommended implementing flexible work arrangement policies and practices to help reduce workload and stress and ensure a healthy work-life balance.

Keywords: talent, talent retention, Nigerian banking sector

Conflicts of interest: The authors declared no conflicts of interest.

Article history:

The article was submitted on 15.08.2023. The article was accepted on 29.10.2023.

For citation:

Bamigboye T., Abdulazeez A.O. An Investigation into the Retention of Talent in the Nigeria Banking Sector. *RUDN Journal of Public Administration*. 2023;10(4):583–592. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-583-592>

© Bamigboye T., Abdulazeez A.O., 2023

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Introduction

Organizations throughout the world now place a high focus on retaining skilled people. Since talent is the most valuable asset in any business, talent retention is one of the most important factors in today's competitive firms [1]. However, the problem of keeping talent employed poses a significant barrier to the operations of organizations in all industries in both developed and developing countries. Oganezi and Lozie [2] opined that any organization that retains talent benefits from improved business performance, customer satisfaction regarding the calibre of services or goods, a motivated workforce, corporate image, effective succession planning, and total profit. However, Ochouko and Olumola [1] emphasized that businesses in Nigeria experience difficulties due to talent leaving. The increased turnover and retention rates of talent in various Nigerian firms have been the subject of several studies. These studies linked poor talent retention to a weak organizational reward system in some cases [3] and weak talent management in others [4].

The banking sector in Nigeria is well renowned for being one of the highest-paying sectors in the country, and as a result, it draws a wide range of talent hoping to pitch a tent with one of the many banks in the country [5]. However, despite the various benefits of being a talent in Nigeria, talent retention has become a significant problem for banks in the Nigerian banking sector [6]. Furthermore, Akanda et al. [4] noted that the Nigerian banking sector still has a very high talent turnover rate, stressing that they never stay in one bank for an extended period. Thus, an investigation is still needed into the long-term retention of talent in banks [2]. It is on the premise that this study is based. The study seeks to investigate talent retention in the Nigeria Banking Sector using Wema Bank Plc. as a case study. In addition, the study looks to discover what strategies Nigerian money deposit banks might use to keep talent in the workplace despite the enormous youth migration observed and the global talent war in the fast-paced corporate climate.

This study aims to investigate talent retention in the Nigeria banking sector using Wema Bank Plc. as a case study, while the specific objectives of this study are to:

- identify issues supporting or hindering the retention of talent in the Nigerian banking sector;
- determine the effect of poor talent retention practices on the quality-of-service delivery in the Nigerian Banking sector;
- make recommendations for Wema Bank plc. on methods to be employed in the retention of talent.

Conceptual review

Methodology

The interpretivism research philosophy underpins this study. Furthermore, in keeping with the interpretivism research philosophy, the research approach adopted for this study is qualitative and inductive. Respondents were interviewed to gather information from which themes and patterns were discovered to understand talent

retention practices in the Nigerian banking sector and to offer solutions to issues identified during the survey. Data for this study was retrieved from primary sources. Specifically, the interview method of data collection was used. Additionally, respondents for the study were selected using the snowball sampling method. Nine (9) participants, including one (1) Head of Talent Management, one (1) staff managing the talent management 9box grid classification, two (2) branch managers, three (3) senior managers on the mentoring programme that serves as a mentor and two (2) staff from the 9box grid classification were selected for this study. Thematic analysis, a qualitative data analysis technique, has been identified as the survey data analysis method.

Results

Defining talent

Respondents were asked to define talent and explain some of the key attributes of talent. One of the respondents, a talent manager, explained that talent has unique qualities and can achieve specified goals and objectives attached to their position and the overall team or organisation objective. This is in accordance with various literature [2; 7; 8] description of talent as people with high potential who have the capacity and motivation to consciously acquire the knowledge and skills necessary to carry out key jobs within an organization successfully. Thus, those who perform their duties and responsibilities on time can be called talent. The other respondents corroborated the first respondent's view on defining talent by explaining that talent can perform effectively and achieve the predetermined goals of the organisation. Additionally, the interview findings revealed that talent is identified primarily when tasks are given to employees. Thus, a talent is a person with unique competence and skills who can achieve set goals and who can be identified by the outcomes they produce for the firm.

Expectations of talent

On expectations of talent in the organisation, most respondents responded by explaining that talent wants to be motivated through recognition and ensure they are appreciated for their performance towards the organisation's goals, mission, and vision. This validates Nnadi and Chinedu's [9] findings that the most often acknowledged factors affecting employee retention were remuneration, work-life balance, working environment, and superior-subordinate relationships. As a result, talented individuals whose expectations are unmet often leave the organization. This also corroborates the findings of Olusa and Bolaji [10] and Alola et al. [11]. Furthermore, some respondents explained that talent expects the skill, knowledge, and attributes they possess to fetch income capable of improving their standard of living. Despite the efforts of banks to implement various retention strategies in their organizations, the search for better living conditions has been linked to the recent increase in turnover among talent in Nigeria [12].

Additionally, respondents described the talent process at Wema Bank Plc. as transparent. A branch manager, one of the respondents, described how frequently feedback is provided when talent management processes are conducted within the company. The practice at the bank is consistent with the study of Nnadi and Chinedu [9], who found that job autonomy, regular feedback, and creative and supportive organizational culture are all positively associated with employee retention. However, the turnover rates in the organization have been steadily rising despite the bank's adoption of a culture of transparency in the talent process.

Factors responsible for talent turnover in Nigerian banks

On the factors responsible for employee turnover in Nigerian banks, respondents noted that most of the issues are related to financial factors. Furthermore, the banking industry was labelled challenging to grow, causing a relatively slow movement on the career ladder. Lack of career growth due to fewer positions at the top management level has also led employees to leave the industry. Generally, poor working conditions, stress, poor leadership, delayed promotion, job security, limited training and development, poor remuneration, and an increased workload associated with working in banks have been explained as factors responsible for employee turnover. This supports the findings of Oluwole [13], who claimed that turnover and intentions to leave the banking sector are significantly higher in Nigeria due to low job satisfaction, high job stress, employee identification with the organization, a lack of organizational commitment, a lack of organizational fairness, and poor leader-member communication.

Additionally, employee poaching was identified by a few respondents as a cause of employees leaving the banks. This is a deviation from the conclusions of several academic works that employees quit the company in search of better opportunities abroad. Employees have been seen leaving their respective banks to competitors inside or outside the country's banking industry who have made irresistible compensation offers in various forms. For instance, one of the respondents, a junior data analyst, explained that those in the same line of profession as him would prefer to work for IT (information technology) companies rather than work in banks because of the increased financial and non-financial compensation they offer.

In addition, a few respondents have faulted performance-based evaluation at banks, which they described as causing slow progression on employees' career paths, thereby contributing to the increase in talent turnover. This supports the study of Chukweu, who found that employee turnover and turnover intention are significantly influenced by promotions given when they are due, regularly, transparently, and when employees are satisfied with them. Furthermore, it was discovered that Nigeria's economy and, more importantly, the country's security issues have caused banking sector employees to move from the country to other countries, where they can also improve their standard of living and advance their knowledge. This also aligns with the findings of Oluwole and Dayo [13]. However,

as highlighted by all respondents, the main factor causing increased employee turnover is the search for a better compensation package. This supports the findings of Nnadi and Chinedu [9], who classified compensation as one of the most recognised factors affecting employee retention.

High employee turnover affects the quality-of-service delivery in the Nigerian Banking industry

Furthermore, employees were asked to give their thoughts on whether employee turnover would affect the quality-of-service delivery in the Nigerian Banking industry. All respondents explained that employee turnover in the banking industry affects service delivery to account holders. The findings of Olusa and Bolaji [10] also supported the claim mentioned above by demonstrating that high turnover rates have negatively impacted bank operations. The respondents noted that the IT and customer service departments were particularly impacted. The turnover of employees in the IT department has caused issues in online banking and mobile application operations. For instance, it was discovered that the Wema Bank technical team's talent shortage had caused an increase in customer complaints on failed transactions.

Furthermore, respondents noted that a lack of human resources has caused affected departments to provide poor-quality service to customers. For instance, one of the respondents, a project manager at Wema Bank, explained that the increased employee turnover had caused a delay in the delivery of projects to customers as fewer employees were available to engage in project management. Similarly, Oganezi and Lozie [2] asserted that an organization's performance, customer satisfaction, the quality of its goods or services, engaged employees, corporate image, and overall profit would be negatively impacted when talent leaves the organization.

In addition, it was discovered that when customers see new faces every time they visit the bank, they are dissatisfied with the service delivery since they meet employees who need to gain prior knowledge about their issues. It was further identified that employee turnover causes an increased workload for remaining employees, resulting in stress and might affect the quality of service they deliver to bank customers. This supports the findings of Kotze et al. [14], who explained that staff turnover costs money and can negatively affect an organization's effectiveness as the workload of the remaining employees increases. Furthermore, respondents noted that even after getting employees to fill vacancies, it would take a while for the new employee to get familiar with the position and responsibilities. This finding was supported by a study by Nnadi and Chinedu [9]. The study discovered that talent quitting company effects go far beyond the high costs of finding and integrating replacements. Banks have also experienced difficulties recruiting employees and providing orientation for them on carrying out duties and responsibilities attached to their various positions.

Strategies employed to reduce talent turnover

Employee engagement programmes, career development, promoting work-life balance, mentoring, maintaining a healthy workplace culture, reward and recognition programme, training and development opportunities, and the provision of financial and healthcare benefits were identified by respondents as strategies that Wema Bank is employing to reduce employee turnover in the organisation. For instance, a few respondents noted that the organisation is in partnership with Coursera, an online learning platform, to offer courses to employees. This is in line with the conclusions of Al-Emadi et al. [15], who claimed that employers of labor have engaged in various talent retention strategies to keep their qualified and competent talent in the fast-paced business environment to achieve a competitive advantage in the market they operate in.

According to the respondents, these strategies have assisted the organisation in reducing the bank's employee turnover rate. For instance, a respondent explained that the employee turnover rate has decreased compared to the period before the implementation of retention strategies such as profit-sharing. In addition, one of the respondents noted that compared to other banks, the employee turnover rate at the bank is lower, thus indicating success in implementing strategies to reduce employee turnover. However, it was explained that despite the strategy employed and the investment made in ensuring employees remain in the organisation, talent continues to leave the organisation searching for greener pastures abroad. Similarly, Ohunakin et al. [16] stated that despite various retention strategies employed by various organizations, they could not hold onto the talent that may have helped them accomplish their goal.

Key barriers to implementing strategies

Furthermore, while the majority of the respondents explained that there are no barriers to implementing the strategies highlighted above, few of the respondents identified a lack of management acceptance and commitment to strategy, budget constraints, and resistance to change, mainly from the older talent and restrictions from existing industry laws and policies as barriers and challenges to implement strategies highlighted above. This concurs with the findings, which highlighted that a major obstacle to hiring and retaining workers is a lack of funds.

Recommendations for effective talent retention strategies

Some of the recommendations made by the respondents include ensuring a more flexible work arrangement and that talent should have a stake in the organisation through share buying. They believe talent will be more committed to the organisation when they possess a certain amount of investment in the firm. Furthermore, flexible work arrangements give some talent a reason to remain on the job. Additionally, training and development programmes were recommended as a way to overcome barriers and challenges faced in the implementation of retention strategies. For

instance, training for senior employees in the banking industry was recommended to enlighten them on the need, importance, and acceptance strategies to reduce employee turnover.

Recommendations proposed by respondents include an increase in employee salary, timely and performance-based promotions, encouraging employee involvement, implementing flexible work arrangements, rewarding employees who have stayed for a more extended period, providing training and development programmes, and a reduction in employee workload. Furthermore, it was noted that as talent move in search of greener pastures and to further their education, they should be allowed to continue to work for the bank from their various destinations as these would not only allow banks to lose talent but would also assist banks to have a human resource that would ensure the inclusion of international best practices when providing their services to the banks.

Conclusions

Based on the findings of the investigation into the retention of talent in the Nigerian banking sector, the study concluded that the rate of talent turnover in the Nigerian banking sector is increasing. Additionally, the study concluded that various factors are responsible for the increase in talent turnover in Nigerian banks, including increased stress levels, increased workload, poor remuneration, poor performance management process, and non-flexibility in work arrangements. Furthermore, based on the investigation findings, the study concluded that an increase in talent turnover is a major factor in the recent poor service delivery of banks in Nigeria, especially in internet banking and mobile application use. Additionally, the study concluded that employee resistance to change, non-commitment of the management team, and budget constraints are challenges being faced by Nigerian banks in implementing talent retention strategies. Furthermore, the study concluded that financial incentives, flexible work arrangements, timely promotion, and cross-border hiring influence employees' decisions to leave or stay in the banking industry.

Recommendations

In line with the conclusion of the study, the study recommended that Bank management should formulate and implement policies and practices relating to flexible work arrangements (FWA) to help talent reduce workload and stress and ensure a work-life balance. Furthermore, management should reward talent according to their preferences to retain and increase performance. Additionally, the reward management policy should include self-reporting, monitoring, and evaluation strategies to make it strategic and practical. Additionally, Banks should implement a continuous performance management system used frequently to make HR decisions regarding promotions, rewards, and the need for training and development. Making choices based on facts can assist banks in achieving their key results areas (KRA) and increasing talent retention rates. The bank

management team should encourage change initiatives, and employees should do the same. Lastly, discrimination of any type should be eliminated when organizations in the Nigerian banking sector implement various employment and labor policies since equitable pay and treatment of talent boost motivation and performance.

Suggestion for further studies

Even though this study investigated talent retention in the Nigerian banking sector, certain issues still need to be clarified through additional research. The current study, conducted in Nigeria, can be repeated in other developing nations. This will allow researchers to compare their findings and determine whether or not talent retention varies by region or country. As Wema Bank was the focus of this study, other banks in the nation may also be investigated. Furthermore, a semi-structured interview was used to collect data for this study; however, the researcher suggests that alternative methods, like a questionnaire, focus groups, and structured interviews, should be employed to serve as a basis for comparison. In addition, future research should also consider using a larger sample size to shed more light on the retention of talent in Nigerian banks.

REFERENCES

1. Ochuko M.A., Olumola F.B. Talent Management and Employees' Retention in the Nigeria Banking Industry: A Study of United Bank for Africa. *The International Journal of Business and Management*. 2020; 8 (11): 80–88.
2. Oganezi B.U., Lozie, D.R. Employee Retention Strategy and Performance of Commercial Banks in Ebonyi State, Nigeria. *FUNAI Journal of Accounting, Business and Finance (FUJABF)*. 2017; 1: 279–287.
3. Amadi O., Zeb-Obipi I., Lebura S., Poi G. Reward System: A Tool for Employee Retention as Observed from the Banking Sector in Port Harcourt. *Journal of Human Resource Management*. 2021; 9 (2): 50–57.
4. Akanda M.H.U., Bhuiyan A.B., Kumarasamy M.M., Karupppannan G. A Conceptual Review of the Talent Management and Employee Retention in Banking Industry. *International Journal of Business and Management Future*. 2021; 6 (1): 42–68.
5. Ogundele D. *Human Capital Development and Employee Retention. A Study of Selected Commercial Banks Nigeria*. Doctoral dissertation, Kampala International University; 2019.
6. Olaniyan T.S., Olaniyan O.O. Analysis of Employees' Engagement and Retention of Selected Banking Industry in Lagos State, Nigeria. *UNIOSUN Journal of Employment Relations and Management*. 2019; 1 (1): 2–24.
7. Collis J., Hussey R. *Business Research: A Practical Guide for Students*. Bloomsbury Publishing; 2021.
8. Ott D.L., Tolentino J.L., Michailova S. Effective talent retention approaches. *Human Resource Management International Digest*. 2018; 26 (7): 16–19. <https://doi.org/10.1108/hrmid-07-2018-0152>
9. Nnadi C.S.O., Chinedu U.A. Effect of Diversity Management Strategies on Employee Retention among Staff of Nigeria Deposit Insurance Corporation. *International Journal of Academic Research in Business and Social Sciences*. 2019; 9 (7): 999–1019.
10. Olusa A.O., Bolaji K. Job Demand and Turnover Intention: A Comparative Analysis of Male and Female Bank Employee's Resilience. *Gender & Behaviour*. 2020; 18 (3): 16469–16482.

11. Alola U.V., Olugbade O.A., Avci T., Öztüren A. Customer Incivility and Employees' Outcomes in the Hotel: Testing the Mediating Role of Emotional Exhaustion. *Tourism Management Perspective*. 2019;29:9–17.
12. What Is Employee Retention? 12 Effective Strategies for Your Organisation. *Workforce*. URL: <https://workforcegroup.com/effective-employee-retention-strategies-for-your-organisation/> (accessed: 4.02.2023).
13. Oluwole V. Japa: Thousands of Nigerians are Leaving the Country, and Many More Plan to Quit Jobs in the Coming Months. *Business Insider*. 2022. URL: <https://africa.businessinsider.com/local/lifestyle/japa-thousands-of-nigerians-are-leaving-the-country-and-many-more-plan-to-quit-jobs/s67pssr> (accessed: 04.02.2023).
14. Kotze D.M., Mouton J., Barkhuizen N., de Jager H. Talent Retention of Educators in Selected Private Schools. *The International Journal of Social Sciences and Humanity Studies*. 2020; 12 (2): 306–320.
15. Al-Emadi A.A.Q., Schwabenland C., Wei Q. The Vital Role of Employee Retention in Human Resource Management: A Literature Review. *IUP Journal of Organizational Behavior*. 2015; 14 (3).
16. Ohunakin F., Adeniji A.A., Ogunlusi G., Igbadumhe F., Sodeinde A.G. Talent Retention Strategies and Employees' Behavioural Outcomes: Empirical Evidence from Hospitality Industry. *Business: Theory and Practice*. 2020; 21 (1): 192–199.

Information about the authors:

Tolulope Bamigboye — MSc Student of the Faculty of Business, Law and Social Sciences, Birmingham City University (United Kingdom) (e-mail: tolulope.bamigboye@mail.bcu.ac.uk).

Abdulmaleek O. Abdulazeez — MSc Student of the Department of Human Resource Development, Osun State University (Nigeria) (ORCID ID: 0000-0002-0490-2007) (e-mail: abdulmaleek.abdulazeez@uniosun.edu.ng).

Исследование проблемы удержания талантов в банковском секторе Нигерии

Т. Бамигбойе¹, А.О. Абдулазиз²

¹ Бирмингемский городской университет,
Великобритания, Бирмингем, Бартоломью-роу, 15

² Государственный университет Осун,
210001, Осогбо, Нигерия

 abdulmaleek.abdulazeez@uniosun.edu.ng

Аннотация. Целью данного исследования является изучение проблемы удержания талантливого персонала в банковском секторе Нигерии на примере Wema Bank Plc. Для достижения этой цели в качестве основного источника данных был использован опрос респондентов. Для сбора данных были проведены полуструктурированные интервью с девятью сотрудниками Wema Bank. Полученные данные были проанализированы с использованием тематического анализа. Результаты интервью показали, что такие факторы, как низкое вознаграждение, отсутствие гибкости в организации работы, неэффективный процесс управления производительностью, возросшая рабочая нагрузка и повышенный уровень стресса, играют основную роль в увеличении текучести кадров в банках Нигерии. Кроме того, было обнаружено, что высокий уровень текучести кадров, вызванный выявленными факторами, стал причиной снижения качества банковских услуг, особенно в таких областях, как онлайн-банкинг и мобильные приложения. Кроме того, сопротивление сотрудников переменам, отсутствие

приверженности управленческой команды и бюджетные ограничения были определены как проблемы, препятствующие реализации некоторых стратегий удержания талантов, разработанных Wema Bank. Таким образом, основываясь на полученных результатах, для совершенствования управления талантами были рекомендованы обучение и воспитательная работа, обеспечение своевременного продвижения по службе, повышение заработной платы таким образом, чтобы предлагать больше, чем конкуренты в банковской отрасли и за ее пределами, поощрение и признание талантов, внедрение гибких условий работы и обеспечение трансграничного найма. Кроме того, в исследовании рекомендуется внедрять практику гибкой организации работы, чтобы помочь снизить рабочую нагрузку и уровень стресса и обеспечить здоровый баланс между работой и личной жизнью.

Ключевые слова: таланты, управление талантами, удержание талантов, нигерийский банковский сектор

Заявление о конфликте интересов: Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

История статьи:

Поступила в редакцию: 15.08.2023. Принята к публикации: 29.10.2023.

Для цитирования:

Bamigboye T., Abdulazeez A.O. An Investigation into the Retention of Talent in the Nigeria Banking Sector // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2023. Т. 10. № 4. С. 583–592. <https://doi.org/10.22363/2312-8313-2023-10-4-583-592>

Информация об авторах:

Толулопе Бамигбойе — магистрант факультета бизнеса, права и социальных наук Бирмингемского городского университета (Великобритания) (e-mail: tolulope.bamigboye@mail.bcu.ac.uk).

Абдулмалик О. Абдулазиз — магистрант департамента развития человеческих ресурсов Государственного университета Осун (Нигерия) (ORCID ID: 0000-0002-0490-2007) (e-mail: abdulmaleek.abdulazeez@uniosun.edu.ng).